

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 821.161.1

Aliyeva S.A., postgraduate, Department of Linguistics, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russia),
E-mail: gadjievasaiba@rambler.ru

VERB COLLOCATIONS WITH THE ADJACENT MEMBERS AND EXPRESSING THE CIRCUMSTANCES OF THE PLACE IN TURKISH AND RUSSIAN LANGUAGES. This article discusses the features of the semantics and structure of verb phrases with the adjacent members and expressing the circumstances of the place in Turkish and Russian languages. Doing a review of the literature, the author conducts a brief excursion into the method of question classified the components of a semantic field. The article provides many examples that reflect the specific expressions of the circumstances of the place in Turkish and Russian languages. As a result, it was concluded that in the compared languages have both the similarities and differences. The research shows that in the Russian language an adverbial modifier of place is expressed by the adverbs of place, and in the Turkish language it is built in multiple forms of adverbs of place.

Key words: fact, phrase, mapping, semantics, structure, syntax, conformity, specific.

С.А. Алиева, аспирант каф. языкознания Дагестанского государственного педагогического университета,
г. Махачкала, E-mail: gadjievasaiba@rambler.ru

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПРИМЫКАЮЩИМИ ЧЛЕНАМИ И ВЫРАЖАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МЕСТА В ТУРЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются особенности семантики и структуры глагольных словосочетаний с примыкающими членами и выражающие обстоятельства места в турецком и русском языках. На основе анализа литературы, был сделан краткий экскурс в методику вопроса, классифицированы слагаемые семантического поля. В статье приводится много примеров, отражающих специфику выражений обстоятельства места в турецком и русском языках. В результате был сделан вывод, что в сопоставляемых языках встречаются сходства и различия. В русском языке обстоятельства места выражаются наречиями места, а в турецком языке – многочисленными формами наречия места.

Ключевые слова: обстоятельство, словосочетание, сопоставление, семантика, структура, синтаксический, соответствие, специфический.

Обстоятельство места обозначает место нахождения предмета или совершения действия, направление действия, его исходный и конечный пункт. Оно выражает отношение действия или состояния к пространству и относится к глаголу в роли сказуемого или других членов предложения. Обстоятельство места отвечает на вопросы *где? куда? откуда?* тур. *nerede? nereye? nereden?*. Обстоятельство места выражается в турецком языке именем в дательном, местном, исходном, основном падежах и послелогами соответствующего значения и делятся на следующие группы [1; 2]: 1. Обстоятельства места, обозначающие определенное место действия и место расположения предмета; 2. Обстоятельства места, указывающие направление движения; 3. Обстоятельства места, показывающие начало и исходный момент действия; 4. Обстоятельства места, показывающие конечный путь движения; 5. Обстоятельства места, обозначающие протяженность пути.

В русском языке обстоятельства места выражаются наречиями места: *Вдали виднеется село – Uzakta köy görünür; Ребята сидели наверху – Çocuklar yukarıda oturmuştu; Они поднялись наверх – Onlar yukarıya çıktılar.*

В турецком языке обстоятельства места выражаются многочисленными наречиями места. Наречия места, образованные от имен существительных *dış* – *внутренняя сторона* и других с помощью аффикса *-arı*. Данный формант турецкого языка восходит генетически к праформе *garı/geri* и образован в результате утраты начального согласного *-g*.

Аффикс *-arı, -eri* в соответствии со значением своих компонентов образует наречия места и отвечает на вопрос *nereye? – куда?*

Gencler biraz önce dışarı çıktılar – Парни недавно вышли. O dışarı çıktıktan sonra dönüp bana geri geldi. – «После того, как он вышел, она вернулась ко мне...» [3, с. 56].

В турецком языке послелог *dışarı* «наружу», образованный от существительного *dış* «наружная сторона» + аффикс *= arı*, соответствует русскому наречию «наружу». Так, например, турецкие словосочетания типа *dışarı çıktı* переводятся на русский язык при помощи русского наречия «наружу»: *вышел наружу*.

Послелог *iceri*: *Hamamcı, kızı iceri aldıktan sonra ... – «После того, как банщица впустила девушку вовнутрь...»* [4, с. 98].

Турецкий послелог *iceri* переводится в русском языке наречием «вовнутрь».

Послелог *yukarı*: *Ben yukarıya sıçradım. – Я подскокил наверх.* В этих конструкциях турецкому послелогу *yukarı* соответствует русское наречие «наверх, вверх». Отличительной особенностью турецкого языка является то, что, несмотря на то, что послелог указывает направление действия, они могут принимать форму дательного падежа: *dışarı* → *dışarıya* «наверх», *iceri* → *iceriye* «вовнутрь», *yukarı* → *yukarıya* «наверх»: *Ben kitaplarla iceriye girdim «Я с книгами вошел вовнутрь»; ... iceriye müdür girdi. «... вошёл директор».*

Параллельное употребление форм без падежного форманта – *ya/-ye* и с этим формантом в ряде случаев служит для семантического разграничения сложных или составных словосочетаний. Так, например, словосочетание *yukarı sıçramak* «подскокить» имеет не только прямое значение, обозначающее направление или место действия, но и переносное значение «возгордиться, вознестись». В этом случае наличие параллельного словосочетания *yukarıya sıçramak* имеющего только значение места «подскокить наверх», способствует их семантической дифференциации.

А.Н. Кононов разграничивал семантически словосочетание тур. *iceriye girmek* – рус. «войти вовнутрь» от словосочетания *iceri girmek*, имеющего, кроме пространственного и переносное значение «нести убытки».

Наречие *ileri* также принимает аффикс дательного падежа: *ileriye* «вперёд»: *Ben ileriye gittim* – Я ушёл вперёд.

В русском языке обстоятельства места выражаются существительными в косвенных падежах без предлогов и с предлогами: *Мы шли лесом* – *Biz ormanın içinden gidiyoruz*.

В русском языке наречие *лесом* оформлено косвенным падежом на *=ом*, семантика которого, согласно данным индоевропеистики близка к значению орудийно-совместного падежа, эта семантика в определённой степени соответствует и турецкому послелогу *-la/-ile*. В других случаях при выражении обстоятельства места употребляются формы с предлогами: *Отец поехал в город* – *Babam şehire gitti*. Русское сочетание имени с предлогом «в город», выражающее обстоятельство значение, соответствует турецкому слову *şehir*, где существительное *şehir* «город» оформлено аффиксом дательного падежа *=e*.

В русском языке обстоятельство места может представлять объединение двух отдельных обозначений места: *В селе за рекою потух огонек* – *Köyde, ırmağın öbür kıyısında ışık sönmüştü*. В этом предложении два обстоятельства места: «в селе» и «за рекою», которым в турецком языке соответствуют синонимичные словосочетания: *köyde, ırmağın öbür kıyısında*. Если в русском языке эти значения обстоятельства места выражены предлогами «в», «за», то в турецких соответствиях они выражаются при помощи аффикса дательного падежа *-da/-de*.

В турецком языке существительные и прилагательные наряду со своими основными значениями предмета и качества, употребляются также в переносном и служебном значениях и обозначают различные пространственные или другие обстоятельственные значения и отношения. В эту группу входят слова типа *baş* – «край, конец», *üst* – «верх», *alt* – «низ», *orta* – «середина», *ic* – «нутро», *arka* – «задняя сторона», *karşı* – «против» и т.д.

Gencler pınar başında oturmuşlular. – Парни сидели около родника.

Наречия места, образованные от слов *bura* «это место», *şura* «то место», *ora* «вон то место», *nere* «какое место» могут принимать падежные форманты, ср. *burada* «здесь», *buradan* «отсюда», *buraya* «сюда», *oraya* «туда», *nereden* «откуда?»

Burada sigara icilmez! – Здесь курить нельзя! [4, с. 154].

Библиографический список

1. Кононов А.Н. Курс современного турецкого литературного языка. Москва-Ленинград, 1956.
2. Иванов С.Н. Грамматические категории глагола. Курс турецкой грамматики: учебное пособие. Ленинград, 1977; Ч. 2.
3. Mansuroglu M. *Türkçede cümle çeşitleri ve bağlaçlar*. Ankara, 1955.
4. Ömer Seyfettin. *Beyaz Lale*. 12 kitap. İstanbul, 2000.

References

1. Kononov A.N. *Kurs sovremennogo tureckogo literaturnogo yazyka*. Moskva-Leningrad, 1956.
2. Ivanov S.N. *Grammaticheskie kategorii glagola. Kurs tureckoj grammatiki: uchebnoe posobie*. Leningrad, 1977; Ch. 2.
3. Mansuroglu M. *Türkçede cümle çeşitleri ve bağlaçlar*. Ankara, 1955.
4. Ömer Seyfettin. *Beyaz Lale*. 12 kitap. İstanbul, 2000.

Эти наречия употребляются в турецком языке и в парном виде: *şuraya-buraya* // аз. онда-мунда «туда-сюда», *şurada-burada* «там-сям».

Слова *bura*, *ora*, *şura*, *nere* принимают форму множественного числа при помощи аффикса *-lar/-ler* и выступают также в качестве наречий места: От слов *ora* и *şura* образуются уменьшительные формы: *şuracıkta* «тут, недалеко», *oracıkta* «там, вот тут именно; тут же».

Такие образования в русском языке отсутствуют. Наречение уменьшительного форманта к наречиям явление неизвестное. Эта черта также отличает структуру турецкой морфологии и синтаксиса от русской.

Обстоятельственные наречия места образуются от слов, обозначающих место, расстояние или направление. К таким словам относятся: *yer* «место», *üst* «верх», *çp. он «перед»*, и т.д. Наиболее активным в этом ряду является существительное *yer* «место»: а) наращению аффикса направительного падежа образует форму *yere*, которая, вместе с числительным *bir* образует новую конструкцию *bir yere* со значениями «куда-то, куда-нибудь», а также «никуда» при отрицательном сказуемом; б) наращение аффикса дательного падежа: *bir yerde* «где-то, нигде» (при отрицательном сказуемом); в) наращение аффикса исходного падежа: *bir yerden* «откуда-то». г) в турецком языке представлена также более сложная конструкция *hic bir yere*, состоящая из отрицательного местоимения *hic bir* и наречия *yere* «куда-то». Конструкция *hic bir yere* значение «совершенно никуда», ср. *Ben hic bir yere gitmiyorum* «Я никуда не иду», *O hic bir yere gitmez* «Он никуда не уходит».

Такие же сложные наречия с обстоятельственным значением места образуются и с другими компонентами: *hic bir tarafa* «нигде», *her tarafa* «всюду», *her tarafa* «везде», *her yanda* «всюду, повсюду», *her yandan* «отовсюду», ср. *Her yerde ona yiyecek icecek verirdi* «Всюду ему давали есть-пить» [4, с. 144].

Русские соответствия турецких наречий с обстоятельственным значением места также многообразны. Так, например, турецкое наречие *her yandan* имеет в русском языке соответствие *отовсюду*, образованное от наречия *всюду* путем наращения приставки *ото-*, имеющего семантику исходного падежа. В этом аспекте указанные образования довольно близки друг к другу.

Эта конструкция показывает, что действие происходит на поверхности предмета: *tabure üstünde* – на комод, *sandalyenin üstünde* – на стуле и т.д. В этих конструкциях турецкий послелог оформленный аффиксом местного падежа *-da/-de* соответствует русскому предлогу *на*.

В тех случаях, когда послелог показывает, что действие происходит на поверхности предмета, в русском языке он передаётся через форму «на», в том случае, когда действие происходит над предметом в пространственном и переносном значениях, то передается в русском языке предлогом *над*: *Mağachkala'nın üstünde uçaklar uçuyor.* – Над Махачкалой летают самолёты.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в сопоставляемых языках встречаются сходства и различия. В русском языке обстоятельство места выражается наречиями места, а в турецком языке – многочисленными формами наречия места.

Статья поступила в редакцию 19.06.15

УДК 811.161.1

Alistanova F.F., Cand. of Sciences (Philology), senior teacher, Dagestan State Technical University (Makhachkala, Russia), E-mail: faridalistanova@yandex.ru

THE UPDATED LEXICOLOGICAL CLASSIFICATION OF ERGONOMIES-NEOLOGISM. The article considers a problem of lexicological classification notional and abbreviated ergonomies in the last 10-15 years, which are actively used by commercial en-

terprises, business establishments and organizations of culture, sports, trade. Lexicological classification that have been offered by researchers so far were developed to use ergonymy prevalent in individual regions, and therefore they don't covered some types of lexis. The research offers the most complete an updated classification, including all Russian ergonyms. When the author was compiling her own classification, the following trends specific to an ergonymic category were taken into account: the active use of the outdated writing vocabulary, the use of obsolete words-historicism, the use of reduced (non-literary) language layers, the use of the language game, the use of debt. The article allows concluding that ergonyms, integrated into the urban environment and infrastructure, have become an integral part of its linguistic culture, prominent part of the language area of the city, within which its communicative implementation happens.

Key words: *ergonym, lexical classification, language game, onym.*

Ф.Ф. Алистанова, канд. филол. наук, ст. преп. Дагестанского государственного технического университета, г. Махачкала, E-mail: *faridalistanova@yandex.ru*

ОБНОВЛЕННАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭРГОНИМОВ-НЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматривается проблема лексикологической классификации полнзначных и аббревиатурных эргонимов последних 10 – 15 лет, активно используемых коммерческими предприятиями, деловыми учреждениями и организациями культуры, спорта, торговли. Предлагаемые исследователями лексикологические классификации разработаны с использованием эргонимов, распространённых в отдельных регионах, в связи с чем остались неохваченными некоторые разновидности лексики. Предлагается наиболее полная обновленная классификация, включающая все российские эргонимы. При её составлении были учтены следующие тенденции, характерные для эргонимической номинации: активное использование устаревшего написания лексики, использование устаревших слов-историзмов, использование сниженных (нелитературных) пластов языка, использование языковой игры, применение заимствований. Отмечено, что эргонимы встроены в городскую среду и инфраструктуру, стали неотъемлемым элементом её лингвокультуры, заметной частью языкового пространства города, в пределах которого происходит его коммуникативная реализация.

Ключевые слова: *эргоним, лексикологическая классификация, языковая игра, оним.*

Под эргонимами принято понимать собственные имена предприятий, функционирующих как в научно-образовательной, спортивной, культурно-развлекательной, торговой сферах, так и в коммерческо-производственной сфере. Они представляют собой единицы ономастического пространства города, где функционируют разнообразные объекты: фирмы, предприятия, банки, торговые точки, стадионы, спортивные комплексы и залы, агентства, театры, парки и др.

Хотя наблюдения и исследования, проводимые в регионах России, говорят о неповторимых особенностях эргонимов в отдельных городах, в то же время они обладают и общими свойствами, нуждающимися в систематизации. В каждом городе формируются свои письменные тексты в зависимости от его облика [1]. В связи с этим образуется речевая среда, откуда начинается языковое существование горожанина.

Лексика, лексический фонд языка, как составная часть единой языковой системы, существенно отличается от других сторон языка – фонетического строя, морфологии, синтаксиса. Это отличие состоит в непосредственной обращенности к действительности. Поэтому именно в лексике отражаются те изменения, которые происходят в жизни общества [2]. Свобода форм выражения породила тенденцию к небывалому словотворчеству. В основе активных процессов в лексике лежат изменения в психологической установке россиян, в их новом «языковом вкусе» [3].

Изменения в экономической жизни, городском устройстве, появление новых форм торговли, объектов, связанных с индустрией здоровья образа жизни и развлечений оказали существенное влияние на лексические процессы и, в частности, на образование эргонимов. Внимание современных лингвистов в последние годы направлено на исследование языка с функционально-коммуникативной точки зрения. Рекламные тексты, а вместе с ними эргонимы и словесные товарные знаки, как составляющие компоненты этих текстов, отражают национально-культурную специфику речевого коллектива. Изучение эргонимов – названий деловых, коммерческих, спортивных, культурных объектов – в прагматическом аспекте представляет собой ещё один шаг в этом направлении [4; 5]. Эргонимы представляют собой имена собственные, чаще всего, не имеющие непосредственной связи с понятием, но вызывающие с ним различные ассоциации. Языковой материал нуждается в упорядочении и систематизации через классификацию эргонимов.

А.М. Емельянова [6] и Н.В. Носенко [7] в своих научных исследованиях разработали лексикологические классификации эргонимов. Однако эти классификации проводились на базе обработки и систематизации региональных эргонимов, в связи с чем туда не вошли некоторые разновидности изучаемой лексики. Разработанная ниже классификация может быть названа

«обновленной», так как охватывает все или почти все российские эргонимы городской среды. Классификация выявляет тенденции, характерные как для языковой ситуации начала XXI века, так и эргонимической номинации, в частности.

1. Активное использование стилизации под старину, устаревшего написания лексики, представляющего собой применение ретро-номинаций: посредством архаического элемента кириллического алфавита – Ъ, а также К°, стилизация под иностранные фамилии и некоторые другие: *Ломбардъ Раскольниковъ*, сеть магазинов по продаже обоев, дверей, плитки *Айвазовъ*, *Трактиръ*, гостиница *Графъ*, кофейня *Чеховъ*, агентства: *Адресъ*, *Башвестъ*, фирмы: *Инженеръ*, *Печатный Домъ*, *Советникъ*, *Экспертъ Консалтинг*, *Телеграфъ-ССС*, игровой клуб *Миллионъ*, ресторан *Порт-Петровский*, магазины: *Сказъ*, *Смакъ*, *Петровский*.

В целом, эргонимы, образованные указанным способом, можно распределить по моделям: «имя/фамилия + К° (компания)», «имя/фамилия + партнеры», «имя / фамилия + семья», «имя/фамилия + Ъ (на конце)», «имя/фамилия + сыновья», «имя/фамилия + фф/ff (на конце)»: *Руслан и К°, Афанасьев и К°, Муратов и партнеры*, *Обухович и К°, Амиханов и партнеры*, *Эльмира и семья*, *Лукьянов и сыновья*, *Гасанов и сыновья*. Указанные модели получили широкое распространение в России в начале XX века (до революции 1917 года).

2. Использование устаревших слов:

а) историзмов: рестораны: *Купец*, *Сударушка*; магазины: *Мясное подворье*, *Сударыня*, *Витязь*, *Старый двор*, *Русский двор*;

б) архаизмов: магазины *Злато*, *Град*, *Московия*, *Диво*, *Башмачок*, *Яхонт*, *Сударушка*;

в) советизмов: магазины: *Молоко*, *Рыба*, *Овощи-фрукты*, *Хозтовары*, *Пирожковая*, *Пельменная*, *Ткани*; кинотеатры: *Смена*, *Родина*, *Октябрь*; кафе: *СССР*, *Гастроном*;

3. Использование сниженных (нелитературных) пластов языка:

а) разговорной лексики: магазины: *Любаша*, *Катюша*, *Ибрагимыч*, *Рябинушка*, *Пятёрочка*, *Тройка*, *Патюля*, *Магашка*, гастрономы: *Тимка*, *Ленок*, *Маруся*, *Чудушки*, *Блинок*; магазин сотовых телефонов и компьютерных технологий *Флешка*;

б) жаргона: кафе *Клёвое место*, *Кураж*, магазин *Тип-топ*, салон сотовой связи *Мобила*, *Ask!*, *Супер*, блинная *Клеевая блиновья*, кафе *Супер- пупер*, салоны *DRIVE*, *Мобил*, *Респект*, фирма *Десятка* (от сленгового обозначения автомобиля Жигули 10-й модели), автосалон *Япона мать*;

4. Использование языковой игры как при создании полнзначных, так и аббревиатурных эргонимов: салон мебели *Грамада*, обувной салон *Параход*, магазин детских товаров *Мамазин*.

Как известно, в языкознании существуют разные подходы к определению сущности феномена языковой игры. Нет однозначного определения этого термина. Здесь языковая игра рассматривается как креативная деятельность номинатора, направленная на привлечение внимания потенциального клиента. Она является осознанным нарушением нормы, неправильностью, осознаваемой и намеренно допускаемой говорящим или пишущим. Такие отступления лишь демонстрирует проявление скрытых возможностей языка, подчеркивают нормативность как своеобразный фон, на котором более ярко выделяются отклонения [8].

Языковая игра охватывает все уровни языка, и поэтому к ней относятся все приемы и средства, которые создают комический эффект, оказывают эстетическое воздействие, а в случае с эргонимами – прагматический эффект (эффект привлечения внимания). Творческое отношение к языку продиктовано экстралингвистическими факторами. Номинатор играет с формой слова – эргонима для усиления её выразительности, для достижения запрограммированного прагматического эффекта, связанного и с созданием комического, и с демонстрацией остроумия и мастерства, а самое важное – для привлечения внимания к объекту.

В эргонимике языковая игра осуществляется при помощи лексических инноваций, графических окказионализмов, фразеологических трансформаций, синтаксических средств, тропов и т. д. Главное при этом: языковые знаки выводятся за рамки обычного употребления и создают эффект необычности, усиливая воздействие. Языковая игра разрушает ассоциативные стереотипы.

Большинство случаев языковой игры в эргонимике основаны на нарушениях правил графики, орфографии, на использовании цитации, каламбуров.

Намеренное нарушение графики, а точнее, графическое изменение слова-эргонима на основе омонимии, омофонии, контаминации придает ему новый оттенок смысла, даже эпатирует адресата. Чаще всего в эргонимике встречается языковая игра на основе омофонии: магазины: *Семь Я, Аристократия, ВыбериАЙ!*, *Топ-Ка*, стоматология *ЭКО-НОМ, Прези-dent и Прези-дент*, бар *Занзи БАР*, кофейня *Кофейник*, магазин товаров для ремонта дома *МолоТок*, кафе *Мигот*, кондитерская *Шокобарокко*, магазины детских игрушек и одежды *Чудо-Чаддо, Бегемотик и К°*; развлекательный центр *Хас-Вегас*, автомагазин *I.CAR*; магазины *Beerloga, АриСТОКрат, Зим-Зим* (затемненное толкование), *PerSona* – дамский салон, *GARVGE* – бутик, *Магнум* – автомойка. Музыкальный салон *Ля-ля-фа* – цитата из популярной в России песни, исполняемой А. Варум.

Приведённые выше онимы призваны привлечь внимание или эпатировать клиента необычностью ассоциаций или внешней формой эргонима.

5. Использование заимствованных наименований.

Коммерция – одна из сфер человеческой деятельности, посредством которой протекает межкультурный обмен людей. Бизнес, компьютеры, Интернет, фирмы, телевизионные сериалы, песни, видеопродукция прочно вошли в жизнь россиян, повлияв и на эргонимику городов и сел России.

Иностранное слово стало не только необходимым, нужным, но и привлекательным, престижным. В таком случае мера и избирательность в применении иноязычной лексики начинает утрачиваться. Побеждает общий настрой, мода.

В настоящее время использование заимствований при образовании эргонимов приобрело небывалую распространенность и разнообразие. Номинатор, давая тому или иному предприятию заимствованный эргоним, ставит перед собой разные экстралингвистические задачи, в частности, подчеркнуть престижность именуемого объекта, высокое качество товара, поставить его в один ряд с иностранными аналогами.

Приведём примеры каждой разновидности заимствованных эргонимов:

- в написании латиницей:

а) на английском языке: агентство *Look*, бутик женской одежды *Fashion*, магазин *Eagle*, магазин *Second Hand*, музыкальный

салон *Mystery*, пункт компьютерных услуг *Quality*, музыкальный салон *Dutomusic*, ателье *Lady*, магазин спортивной одежды *Forward*, курсы английского языка *Mr. English*, бар *Self*, бутик для девочек *Luxury Village*, пивная *Beer House*, бутик *Dresscode*, гастроном *Welcome*, бутик мужской одежды *Rich man*, магазин по продаже военного обмундирования *Divizion*, свадебный салон *Triumph*, магазин *You need*, цветочный магазин *Violet*, кафе *Youth*, ресторан *West*, фитнес-клуб *Pitbull*;

б) на немецком языке: магазин *Zenden*, автомойка *Genser*, кафе *Carlsberg*, банкетный зал *Feier*, цветочный магазин *Aster*, магазин канцтоваров *Zettel*;

в) на французском языке: ресторан *Du Louvre*, магазин стильной одежды *De Lamarck*, магазин *Lumiere*, магазин конфет *Zitrone*, магазин *Bastler*, рестораны *Mon plaisir, Royal de lux*;

г) на итальянском языке: магазины женской одежды *Bel-lissimo, Incanto*, салон красоты *Mi Piace*, бутик мужской одежды *Maestro*, кофейня *Capuccino*, магазин хозяйственных товаров *Primo*, салон женской одежды *Grandi*, пиццерия *Italica Pizza*, кафе *Pascucci*, салон свадебной одежды *VIA*, магазин нижнего белья *Del Mar*;

д) на арабском языке: кафе *Hyatt*, рестораны *Habibi, Halal*;

е) на языках народов России и СНГ: гастроном *Бакыны*;

ж) на собственном латыни, древнегреческом: мебельный салон *Rixos*, кафе *Enigma*, станция техобслуживания *Lada Composite*, агентство *Neo-Neon*, кафе *Campus*, музыкальный салон *Ozon*, автотюнинг *Magnum*, магазин *Pafos*;

з) названия иностранных брендов: салоны *Baltman, Brooks, Carnaby, Nissan, Ford-Mitsubishi, Peugeot, Renault, Samsung, Vigoss, Vis-à-vis, Adidas, Big Star, Boss, Daewoo, Siemens, Bosh, Reebok*;

и) компьютерная лексика: Интернет-кафе *On line*, магазин по продаже домашних кинотеатров, кондиционеров, аудиосистем *05.ru*;

- в написании кириллицей:

а) японские наименования: рестораны *Тайпуку, Такэ, Фансу*;

б) компьютерная лексика: салон компьютерной техники *Флешка, Хакер*;

в) иностранные термины: фирмы *Лизинг, Холдинг, Брэнд, Клуб-Трэвел*;

г) стилизация (имитация) под иностранные имена и фамилии, когда намеренная замена русского «в» в фамилии на иноязычное «фф» является имитацией немецкого произношения русских фамилий и призвана придать названию иноязычный облик и тем самым заявить о солидности и престижности именуемого объекта: *Орлофф, Полиграфф, Пономарефф, Баринофф*;

д) экзотизмы: фирмы *Брэнд, Снэк-бар, Фото-трейд, Кантри-Спесколор, Пент-Хаус, Еврохаус, Кофе Тайм, Микс-кафе, Лайф, Сингарелла*, кафе *Халал*.

- смешанный тип (латиница + кириллица): кафе *Ро-та-пицца, World-пицца*, стоматологическая поликлиника *Сто-ма-dent, Прези-dent*, магазин цифровой техники *Москва-city*, агентство недвижимости *Квадром*, магазин по продаже кондиционеров *Климат holding*, магазин одежды *Модный bazaar*, магазин по продаже люстр *IKEA light*, магазин по производству и продаже шкафов-купе *ART duzain*, строительная фирма *ART строй*.

Исследовать живой мир постоянно изменяющихся, вновь нарождающихся и отмирающих названий достаточно сложно. Каждое из них выполняет целый комплекс различных функций, имеет ряд ассоциаций, значений. Главными функциями эргонима являются информативная и рекламная. Благодаря информации, заключенной в имени собственном и способу ее подачи, эргонимы достигают своей основной цели – привлечения внимания клиентов. Плохо подобранное название может стать помехой бизнесу и привести к экономическому провалу предприятия.

Разработанная классификация может быть использована при подготовке словарей эргонимов разных типов (тематического, словообразовательного, лексико-семантического), в том числе словаря аббревиатурных эргонимов, которые могут заинтересовать бизнесменов, маркетологов, рекламных агентов.

Библиографический список

1. Алиева Г.Н., Алистанова Ф.Ф. Структурно-семантическая характеристика новейших эргонимов г. Махачкалы. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2009; 11: 250 – 251.
2. Валгина Н.С. *Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для вузов*. Москва: Логос, 2003.
3. Костомаров В.Г. *Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва: Педагогика-Пресс, 1994.

- Алиева Г.Н., Алистанова Ф.Ф. Эргонимы современного русского языка в лексикографическом аспекте. *Научное мнение*. 2011; 3: 7 – 11.
- Алистанова Ф.Ф. Эргонимы современного русского языка в аспекте языковой игры. *Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования*. 2011; 2 (16): 310 – 313.
- Емельянова А.М. *Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы)*. Диссертация кандидата филологических наук. Уфа, 2007.
- Носенко Н.В. *Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Новосибирск, 2007.
- Санников В.З. *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва: Языки славянской культуры, 2002.

References

- Alieva G.N., Alistanova F.F. Strukturno-semanticeskaya harakteristika novejshih `ergonimov g. Mahachkaly. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 2009; 11: 250 – 251.
- Valgina N.S. *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: uchebnoe posobie dlya vuzov*. Moskva: Logos, 2003.
- Kostomarov V.G. *Yazykovoj vkus `epohi: iz nablyudenij nad rechevoj praktikoj mass-media*. Moskva: Pedagogika-Press, 1994.
- Alieva G.N., Alistanova F.F. `Ergonimy sovremennogo russkogo yazyka v leksikograficheskom aspekte. *Nauchnoe мнение*. 2011; 3: 7 – 11.
- Alistanova F.F. `Ergonimy sovremennogo russkogo yazyka v aspekte yazykovoj igry. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: novye humanitarnye issledovaniya*. 2011; 2 (16): 310 – 313.
- Emel'yanova A.M. *`Ergonimy v lingvisticheskom landshafte poli'etnicheskogo goroda (na primere nazvanij delovyh, kommercheskih, kul'turnyh, sportivnyh ob'ektov g. Ufy)*. Dissertaciya kandidata filologicheskikh nauk. Ufa, 2007.
- Nosenko N.V. *Nazvaniya gorodskih ob'ektov Novosibirsk: strukturno-semanticeskij i kommunikativno-pragmaticeskij aspekty*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Novosibirsk, 2007.
- Sannikov V.Z. *Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002.

Статья поступила в редакцию 13.07.15

УДК 811.351. 22

Akhmedov P.N., postgraduate, Department of the Dagestan languages, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russia), E-mail: Gadjev82@mail.ru

THE MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE GEBINSKY DIALECT OF THE DARGIN LANGUAGE. The paper investigates the Gabinsky dialect of the Dargin language in its basic morphological categories and principles of word formation. The interest to the study the problem is primarily the fact that it is not subject to any particular laws. Marked feature of nouns in the Gebinsky dialect are united in two rows of values and on this basis, dividing into two groups. The problem of the grammatical structure of the Dargin language via the Gebinsky dialect is treated. The questions of metaphorical rethinking of simple and complex words in binary lexical entities are discussed. The author specifies formal and semantic changes that occur as these complex formations. The article shows results of an analysis of the word composition by means of prefixes. The study identified two groups of prefixes. The study made it possible to identify such methods of word formation as prefix-based, suffix-based, prefix-suffix-based, ablaut-related and composite.

Key words: Gabinsky dialect, Dargin language, word formation, suffix, prefix, adding bases, productive, morpheme, verbal component.

П.Н. Ахмедова, соискатель каф. дагестанских языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: Gadjev82@mail.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕБИНСКОГО ГОВОРА ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье исследуется гебинский говор даргинского языка в своих основных морфологических категориях и принципах словообразования. Интерес к исследуемой проблеме представляет, прежде всего, то обстоятельство, что оно не подчиняется каким-либо определённым закономерностям. Отмечается особенность существительных гебинского говора, объединённых в два ряда значений и на этой основе делящихся на две группы.

Исследуется проблема грамматического строя гебинского говора даргинского языка. Рассматриваются вопросы метафорического переосмысления простых и сложных слов в двухкомпонентных лексических образованиях. Обозначаются формальные и семантические изменения, происходящие в этих сложных образованиях. В статье сделан анализ состава словообразующих средств гебинского говора. По результатам исследования выделены две группы словообразующих средств в говоре. Результаты исследования дали возможность выявить префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный, аблаутный и композитный способы субстантивного словообразования.

Ключевые слова: гебинский говор, даргинский язык, словообразование, суффиксальный, префиксальный, сложение основ, продуктивный тип словообразования, морфема, глагольный компонент.

Гебинский говор в своих основных морфологических категориях и принципах именного словообразования близок к даргинскому литературному языку. Существительное гебинского говора, аналогично существительному литературного языка, может быть простым или производным, образованным при помощи того или иного суффикса.

Образование новых слов – одна из сложных и актуальных проблем грамматического строя любого языка; даргинский язык в этом плане не составляет исключения. В сложной системе

именного словообразования имя существительное занимает особое место. По мнению З.Г. Абдуллаева, «большой интерес образование существительного представляет, прежде всего, в силу того обстоятельства, что оно не подчиняется каким-либо определённым закономерностям, а состав словообразующих средств характеризуется чрезвычайным разнообразием». Сами по себе эти средства объединяются в две основные группы [1]:

а) не имеющие семантической и функциональной автономности

Гебинский говор	Лит. язык	Русс. яз.
лицькъъаъл	къаъл	«корова»
мургул	мурул	«муж»
аба	неш	«мать»
куни	кани	«живот»
ликка	лига	«кость»

Признак предмета, действия, состояния:

Гебинский говор	Лит. язык	Русс. яз.
<i>ахъдюсь</i>	<i>ахъдеш</i>	«высота»
<i>ч1умаъдихъ</i>	<i>ч1умадеш</i>	«твёрдость»
<i>хъанц1дихъ</i>	<i>хъанц1деш</i>	«голубизна»
<i>дуц1</i>	<i>дуц1</i>	«бег»
<i>г1аъсидихъ</i>	<i>г1аъсидеш</i>	«злость»

б) располагающие семантической и функциональной самостоятельностью.

Словообразовательные средства первой группы – это деривация или аффиксальное словообразование, а также случаи аблаута; словообразовательные средства второй группы – слагающиеся основы [1]. В гебинском говоре наблюдаются следующие способы субстантивного словообразования: префиксальный, суффиксальный, префиксально-суффиксальный, аблаутный и композитный. Существительное говора может быть образовано и путём сложения основ и слов. О категориях словообразования существительного литературного языка пишет С.Н. Абдулаев: «Эти категории существительного частично отличаются друг от друга, как по способу образования множественного числа, так и в склонении, представляют много особенностей и исключений. Сложные существительные, образованные путём сложения основ из двух слов, склоняются так, как склоняется вторая часть этого сложения».

Исследователи даргинского языка, в частности А.А. Сулейманов, выделяет в даргинском языке три типа словообразования: морфологический, морфолого-синтаксический и лексико-семантический.

В «Лингвистическом словаре» См. Хайдаков, в частности, о словообразовании пишет следующее: «для лакского и даргинского языков характерны три способа словообразования: префиксальный (более развит в даргинском и менее в лакском

языке), суффиксальный и словосложение. В даргинском языке в функции префиксов употребляется также и некоторые наречия места».

Наблюдения позволяют сделать вывод, что в даргинском литературном языке и в гебинском говоре словообразование имеет одни и те же словообразовательные модели [2].

Основной особенностью имён существительных гебинского говора, аналогично существительным даргинского литературного языка, является то, что они объединяют два рода значений и на этой основе делятся на две группы:

1. Наименования живых и неживых разнообразных предметов и лиц:

Среди этой группы существительных своеобразием отличаются существительные, обозначающие действие (*дуц1* «бег», *гъак1* «взмах», *баъхъ* «удар»). Как существительные они в говоре очень пассивны. Активны как именные части составных глаголов. Они используются в качестве деривационной основы новых слов, а именно: функционируют в составе глаголов, в роли словообразовательных элементов. Кроме того, указанные существительные в гебинском говоре могут принять участие и в образовании ряда сложных слов с метафорическим значением. Следующие сложные слова говора являются образцами метафоризованных глагольных образований или композитными образованиями. Образовались они присоединением к разным именным основам самых различных глагольных элементов. Например:

Гебинский говор	Лит. язык	Русс. яз.
<i>думмуцари</i>	<i>дуббуцес</i>	«держат пост»
<i>г1сийиблаухис</i>	<i>г1аъйиблизиикес</i>	«провиниться»
<i>г1аъх1сулле</i>	<i>г1аъх1улали</i>	«добровольно»
<i>г1елахихизс</i>	<i>г1еламизес</i>	«отступить»
<i>пагъааккар</i>	<i>пагъагар</i>	«бестолковый»
<i>къабулх1ейчис</i>	<i>къабулх1ейкес</i>	«упрекнуть»

В подобных двукомпонентных лексических образованиях происходит процесс метафорического переосмысления простых и сложных слов [3]. Приведём примеры сложных

глаголов, в которых простые существительные гебинского говора послужили словообразующей основой сложным глаголам.

Гебинский говор	Лит. язык	Русс. яз.
<i>х1ерч + ич1ис</i>	<i>х1ер + ик1ес</i>	«смотреть»
<i>хъярхъ + бархъис</i>	<i>хъаърхъ + биэс</i>	«ускориться»
<i>дуц + ухъис</i>	<i>дуц1 + ухъес</i>	«побежать»
<i>дуц1 + хъич1ис</i>	<i>дуц1 + ик1ес</i>	«бегать»
<i>къакъа + баркъис</i>	<i>къац1 + буцес</i>	«зажать»
<i>х1ярш + баркъис</i>	<i>х1аыи + барес</i>	«протереть»

Формальные и семантические изменения, происходящие в этих сложных образованиях, представляют определённый интерес. Все приведенные сложные глаголы содержат в своем составе основы двух полноценных слов: имени и глагола. Глагольная основа в них занимает правостороннюю позицию. Позиция, занимаемая именным или глагольным элементом в составе сложного слова, важна принципиально. Принцип соединения компонентов сложных слов играет важную роль в решении вопроса об основе сложного слова. Кроме того, эти положения имеют принципиальное значение для определения структурно – типологической модели даргинского языка [4]. Возникает вопрос о том, какой из

элементов этой сложной структуры слова приобретает категориальные свойства.

Нам представляется, что категориальное свойство приобретает именно тот элемент, который в сложной структуре словоформы занимает правостороннюю позицию. Это не противоречит мнению других исследователей даргинского языка. Следовательно, сложным словоформам категориальность придает в приведённых нами примерах глагольный компонент, занимающий правостороннюю позицию. Поэтому приведенные выше примеры относятся к разряду сложных глаголов. Они демонстрируют возможность участия и роль существительных в

образовании других частей речи, в частности, сложных глаголов.

Слова, входящие во вторую группу, представляют собой абстрактные имена, например:

Гебинский говор	Лит. язык	Русс. яз.
<i>цлуттардикъ</i>	<i>цлудардеш</i>	<i>чернота</i>
<i>гьалмагъдихъ</i>	<i>гьалмагъдеш</i>	<i>дружба</i>
<i>хьанцлдиъ</i>	<i>хьанцлдеш</i>	<i>голубизна</i>
<i>цлакъдихъ</i>	<i>цлакъдеш</i>	<i>мощность</i>
<i>ухънадихъ</i>	<i>ухънадеш</i>	<i>старость</i>
<i>клантлдиъ</i>	<i>клантлдеш</i>	<i>мягкость</i>
<i>тянишдихъ</i>	<i>таънишдеш</i>	<i>знакомство</i>

Приведённые выше существительные имеют свои особенности и характеризуются грамматическим значением предметности, которое сопутствует их лексическим значением: однако последние, вследствие их разнообразия, не всегда могут определять семантику существительного. Далее он же: «Любое основное значение существительного имеет предметный оттенок» (там же). Он высказывает мысль о величайшей алогичности языка.

Словообразовательные модули, характерные для литературного языка, в типологическом отношении повторяют гебинский

говор, в котором по морфологическому составу обнаруживаются аналогичные с литературным языком типы существительных. Вкратце остановимся на основных типах гебинских существительных по морфологическому составу. Среди них заметно выделяются три типа.

Первый тип представляют первообразные существительные, т. е. с непроемной основой, они обнаруживают различия фонетического порядка в сравнении с литературным языком, например:

Гебинский говор	Лит. язык	Русс. яз.
<i>ккав</i>	<i>гав</i>	<i>дым</i>
<i>гуж</i>	<i>гуж</i>	<i>насилие</i>
<i>гани</i>	<i>аъни</i>	<i>зима</i>

Второй тип имен существительных представляет собой слов с производной основой. Например:

Гебинский говор	Лит. язык	Русс. яз.
<i>гъабзы+дихъ</i>	<i>гъабза+деш</i>	<i>мужество</i>
<i>ара+дихъ</i>	<i>ара+деш</i>	<i>здоровье</i>
<i>гъяяр+къя</i>	<i>гъяъяр+къяъна</i>	<i>охотник</i>
<i>кканц+ухъ</i>	<i>ганз+ухъ</i>	<i>лестница</i>

Третий тип, также включающий в свой состав большое количество существительных, представляет собой список сложных слов, образованных простым сочетанием или повторением

двух основ различных слов (синонимов, антонимов), сочетанием двух простых корней или двух простых основ. Например:

Гебинский говор	Лит. язык	Русс. яз.
<i>тахъ+няхъ</i>	<i>хъат+наъкъ</i>	<i>ладонь</i>
<i>ниг+дирхъян</i>	<i>ниъ+дирхъаън</i>	<i>маслобойка</i>
<i>цлуплхе+шин</i>	<i>къацл+шин</i>	<i>хлеб – соль</i>

Каждый из этих типов имеет свой способ словообразования. Способы словообразования, как известно, в даргинском языке три. Из них наиболее продуктивным является суффиксальный. Также большое распространение в гебинском говоре имеет образование существительных путем сложения слов и основ, которые по отношению друг к другу могут являться синонимами,

антонимами, повторами или словами с близким лексическим значением. Префиксальный способ образования новых лексем в говоре, как и в других, генетически родственных языках дагестанской ветви, сравнительно развит в глагольной сфере. Этот тип словопроизводства в настоящем этапе развития даргинского языка выглядит архаичным.

Библиографический список

1. Абдуллаев З.Г. *Даргинский язык. Морфология*. Москва, 1993; Т. II.
2. Гасанова С.М. *Очерки даргинской диалектологии*. Махачкала, 1971.
3. Ильясов М.В. *Фонетические и морфологические особенности цураинского говора даргинского языка*. Махачкала, 2008.
4. Мусаев М.-С.М. *Даргинский язык*. Москва, 2002.

References

1. Abdullaev Z.G. *Darginskij yazyk. Morfologiya*. Moskva, 1993; T. II.
2. Gasanova S.M. *Ocherki darginskoj dialektologii*. Mahachkala, 1971.
3. Il'yasov M.V. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti curainskogo govora darginskogo yazyka*. Mahachkala, 2008.
4. Musaev M.-S.M. *Darginskij yazyk*. Moskva, 2002.

Статья поступила в редакцию 07.06.15

УДК 81

Kuular Ye. M., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Tuvan State University (Kyzyl, Russia), E-mail: kuular-e-m@mail.ru

VOCABULARY OF HEADWEAR IN THE TUVAN LANGUAGE AND ITS DIALECTS. The author of the article studies and specifies the vocabulary of the topic "Folk Costume" in the Tuvan language and its dialects. It allows allocating a number of lexico-semantic groups, in particular, the vocabulary of headwear. This vocabulary has not been the subject of special studies in linguistic and ethnographic terms yet. The author has collected the language research material during the dialectological expeditions, and also the lexical material contained in the works of ethnographers, folklorists and cultural experts. The special attention is paid to the lexical dialectal words, showing the inextricable relationship between language, culture and ethnicity. It should be noted that the headwear vocabulary of Tuvan has common with Turkic words, although in the South-Eastern dialect of Tuvan the Mongolian borrowings are dominated.

Key words: vocabulary, clothing, names of headwear, dialect, accent, Turkic, Mongolian borrowings.

Е.М. Куулар, канд. филол. наук, доц. Тувинского государственного университета, г. Кызыл, E-mail: kuular-e-m@mail.ru

ЛЕКСИКА ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ*

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 15-14-17002

В настоящей статье делается попытка определения состава тематической группы «Традиционная одежда» в тувинском языке и его диалектах, что позволяет выделить в своем составе ряд лексико-семантических групп, в частности, лексика головных уборов. Данная лексика ещё не была предметом специального исследования, как в языковом, так и в этнографическом плане. Источниками исследования являются материалы, собранные автором во время диалектологических экспедиций, лексические материалы, содержащихся в трудах этнографов, фольклористов, культурологов. Данная лексика с языка исчезает вместе с реалиями, по этой причине нужен сбор, систематизация и научный анализ.

Особое внимание уделяется лексическим диалектизмам, показывающим неразрывную связь языка, культуры и этноса. Следует отметить, что лексика, относящаяся к головному убору, носит общетюркский характер, хотя в юго-восточном диалекте преобладают монгольские заимствования.

Ключевые слова: лексика, одежда, названия головных уборов, диалект, говор, общетюркский, монголизмы, заимствования.

Первые сведения о традиционной одежде тувинцев имеются в отчётах русских путешественников и учёных в конце XIX – начале XX в. С сер. 50-х г. XX века изучению и описанию традиционной одежды тувинцев посвящены труды следующих исследователей: [1; 2; 3; 4]. В конце прошлого столетия изучение тувинского костюма значительно расширилось, вышли в свет работы [5; 6]. Авторы последней работы «провели исследование в поисках философско-нравственного содержания традиционного тувинского костюма».

Тем не менее, в научной литературе полные обобщающие и сводные труды по одежде тувинцев отсутствуют, имеющиеся работы, посвящённые этой теме, имеют фрагментарный, отрывочный характер.

В данной статье делается ещё одна попытка описать одну из основных тематических групп, связанных с названиями традиционной верхней одежды, в частности, головных уборов, касаясь при этом и этнографических моментов, в составе лексики литературного тувинского языка и его диалектов. Материалом для исследования послужили наши полевые записи, произведенные в разное время среди носителей разных диалектов и говоров во время научно-исследовательских экспедиций. В работе мы попытаемся рассмотреть отличия диалектных единиц от литературного языка, привлекая для этого сравнительный материал из монгольского языка, поскольку он наложил определенный отпечаток на язык тувинцев. Также мы ограничимся лишь констатирующим анализом состава имеющихся терминов.

Тувинская национальная одежда прошла многовековой путь в своем развитии, она является ценным источником для изучения истории тувинского народа. Тип и форма национальной одежды тувинцев полностью соответствовали повседневному укладу их жизни. Определённые типы одежды соответствовали природно-климатическим и ландшафтным условиям проживания той или иной родоплеменной группы. Следует отметить, что традиционные занятия западных и восточных тувинцев существенно различаются. Западные тувинцы испокон веков по настоящее время являлись кочевыми скотоводами, они разводили мелкий и крупный рогатый скот, лошадей, а в отдаленных высокогорных районах – яков. В юго-востоке Тувы, кроме вышеназванных домашних животных, держат верблюдов. Основным типом хозяйства тувинцев-тодзинцев северо-восточной части Тувы был и остается охотничий промысел в сочетании с озёрно-речным рыболовством, а позднее они стали разводить домашних оленей. Скотоводство и оленеводство, как основное традиционное занятие тувинцев, давало пищу, одежду, жилище. На шитье одежды шли искусно обработанные овчина, мех, кожа, шерсть.

В тувинском языке слово одежда носит обобщённое название *идик-хеп* (букв. обувь + одежда) или же *хеп-сын* (букв. одежда + стан, телосложение). Основная одежда тувинцев состояла из головного убора *бээрт*, сезонной верхней одежды: зимней – *кышкы тон* 'один из видов овчинной шубы' и летней – *чайгы тон* или *терлик / дерлик* 'летний тувинский халат', а также обуви *идик*. Шубы обязательно подпоясывали мягким матерчатым поясом *кур* 'пояс, кушак'.

В настоящей работе остановимся только на названиях головного убора – *бээрт*.

Головные уборы из шкуры домашних животных

Головные уборы тувинцев были достаточно разнообразными, подразделялись они на мужские, женские и детские, отличались по назначению, сезону, соответствовали социальному положению человека. По сезону подразделялись на зимние и демисезонные, а по назначению – повседневные, производственные и нарядные. Нарядные шапки отличались в богатстве тканей, качестве отделочного меха и ценностью украшений. Разнообразен был фасон и материал головных уборов, для шитья и отделки головных уборов использовались овчина, лисья и тарбаганы шкуры, кожа домашних и диких животных.

В работе М.О. Сиянбилъ описано всего 32 вида головных уборов в зависимости от социального статуса, возраста и общности. По форме они разделяются на пять групп: 1) с конической тульей, типа «*калбак бээрт*»; 2) тубетейкообразные, типа «*довурзак бээрт*»; 3) с остроконечной тульей, типа «*шиш баштыг бээрт*»; 4) с остроконечной тульей, типа «*оваадай бээрт*»; 5) тип разнообразных [6, с. 38].

С. Вайнштейн в своей работе описал шесть видов головных уборов: *маактыг бээрт* и *калбак бээрт* из овечьей шкуры и ткани, *ивы бажы бээрт* из кожи и шкуры оленей, капор из войлока, *довурзак* из разных материалов, *бүдөлгө* из сукна и войлока [4, с. 166-171].

В настоящее время в памяти старшего поколения сохранились следующие виды головных уборов. Некоторые характеристики шапок имеют различия в речи информантов – носителей разных диалектов.

Один из наиболее распространённых головных уборов мужчин была овчинная шапка (*хой кежи бээрт* азы *хаптыга*) с широким куполообразным верхом с наушниками (*чаактааш*), которые завязывались на затылке и назатыльнике, прикрывавшим шею. Носили просторные войлочные капюшоны с удлинённым выступом, опускавшимся на затылок (*огууза*), также шапки из овчины, шкуры рыси или ягнёнка, которые имели высокую тулью, обшитую цветной тканью (*малагай*). К верхней части шапки при-

шивали шишечку в виде плетённого узла (*доьшка, оьдага*), от неё вниз опускалось несколько красных лент (*маак*).

В центральной и западной Туве в основном головной убор шили из шкур домашних животных. Об этом свидетельствуют различные названия головных уборов:

Калбак бьэрт 'шапка широкой и плоской формы с конической тульей', её обычно шьют из шкуры ягненка, верхнюю часть обшивали цветной тканью.

Хой кежи бьэрт – головной убор из овчины, такие шапки в большинстве своем носили чабаны, в разных районах они отличались лишь по форме.

Халтыга / халтага (у.-х., ч.-х.) – мужской зимний головной убор из овчины или шкуры шести-семи месячных ягнят для повседневной носки.

Чиңзелге бьэрт (букв. головной убор со знаком ранга у чиновников) – головной убор богатых, феодалов, шили такую шапку из шкуры лисы, соболя, рыси, иногда волка. На верхушке головного убора прикреплялся *одага* – знак чиновничьего достоинства из павлиньих перьев, которые прикреплялись сзади к шапке.

В бай-тайгинском говоре западного диалекта зафиксировано слово *огууза / оууза* (м.-т., п.-х., ов.) 'один из видов головного убора из овчины с острокопечной тульей', по мнению носителей западного диалекта, *огууза* – демисезонный головной убор, его шили из войлока, стриженной шкуры, из стеганой козьей или овечьей шерсти. Раньше их повседневно носили простые араты. В тере-хольском диалекте употребляется фонетический вариант данного слова *оуулса* 'зимняя округлая шапка с ушами из мерлушки или другой шкурки' [7, с. 90] / *оууза* (т.-хем.) – шапка из ягнячьей шкуры, носили ее мужчины и женщины степных районов.

Лоовууза – женский головной убор, его шили из шкуры ягненка или козленка. Такую шапку раньше носили этнические тувинцы Северо-Западной Монголии и жители Эрзинского района. В их речи слово *лоовууза*, скорее всего, заимствовано из монгольского языка [8, с. 180].

Оваадай (монг. овоодой) / *орайлыг бьэрт* (п.-х.) 'конусообразный головной убор'.

В центральном диалекте встречается слово, обозначающее один из видов головного убора из овчины, называется он *чал-хал*, в литературном языке и других диалектах данное слово не имеет параллели.

Малагай / чайгы малагай / малагай бьэрт / малга (монг. малгай) – головной убор из кожи ягненка для повседневной носки. По мнению других информантов, это осенне-весенний мужской головной убор, верхнюю часть обдывали сафьяном, бархатом или же сукном. В былые времена её обычно носили знаменитые борцы-хурешисты или же люди, достигшие старше среднего возраста, независимо пола.

Тофурсак / товурсак / толурсак (т.-х.) / *товурцук* (эрз.) лит. *довурзак* 'тюбетейка' – летний головной убор с двумя красными лентами – *маак* – для молодых неженатых парней, шьётся из национального шелка, войлока или сукна. Форма тюбетейки у молодых незамужних девушек бывает круглой, сзади может быть прикреплена красная шелковая нить – *чалаа*. Тюбетейки предназначались только молодым [8, с. 181].

Кыс бьэрт – повседневный женский головной убор округлой формы, он бывает шелковой, суконной, его можно шить из войлока, сафьяна. Женщины феодалской знати могли себе позволить головной убор с мехом горноста, белки, а дети бедняков обдывали шапки с мехом ягнят, козлят и сурка.

Бүдзэлге / бүделге – летний головной убор из сукна или войлока, его надевали в дождливую и ветреную погоду, и считалась как сезонная, производственная шапка.

В тере-хольском диалекте встречаются следующие специфические названия головных уборов: *ушар пьэрт* лит. *ужар бьэрт* (букв. летящая шапка) – конусообразная женская нарядная шапка, которую носили в основном богатые женщины. Как объясняет А. Сиянбил, «общий силуэт шапки *ушар пьэрт* напоминает образ птицы, готовящейся к взлету: тулья – тело и шея птицы, отворот – крылья. А наверху – *дошка* – должно быть достаточно крупным, чтобы кроме своего символа нести символ головы птицы. Шапки такого гордого и поэтического образа носили высокопоставленные мужчины и женщины, в основном в местности Кунгуртук» [6, с. 40]. Тере-хольцам знакомы еще *хилиң пьэрт* – конусообразная мужская демисезонная шапка из бархата, *шашаа пьэрт* – желтая шапка буддийского монаха с болтающимися ушами [7, с. 81], значение первого компонента *шашаа* в тувинском языке пока не объяснимо. Нынешнему поколению

эти названия не знакомы, видимо, эти названия исчезли вместе с реалиями.

Зимой тувинцы носили шапку с наушниками, в тувинском литературном языке их называют *халбаңнар* 'уши (шапки)', в диалектах данное слово имеет следующие соответствия *халбак-тарлыг бьэрт* (у.-х., ч.-х.) / *халбыктарлыг бьэрт* (цент.) / *халба-алаң* (ов.) / *кулактыг бьэрт* (дз.-х., б.-х.), *моңмаңгы* (тодж.) лит. *халбаңныг бьэрт* 'шапка-ушанка, ушанка'.

Головные уборы из шкуры диких животных

Определенный отпечаток на тип одежды тувинцев наложил и объект охоты, на которого велся промысел. Из шкуры и меха диких животных в разных районах шились разнообразные шапки, об этом ниже.

В монгун-тайгинском говоре западного диалекта употреблялись такие специфические названия головного убора, как *тарбаган кежи бьэрт* 'головной убор из меха тарбагана', *ак тарбаган кежи бьэрт* 'шапка из меха белого сурка', *кара тарбаган кежи бьэрт* 'шапка из меха черного сурка'.

Ак сегел кежи бьэрт 'головной убор из меха норки; норковая шапка', словосочетание зафиксировано во время экспедиции в кара-хольском говоре бай-тайгинского говора западного диалекта тувинского языка. В говоре норку называют специфическим словосочетанием *ак сегел*, букв. 'белый подбородок', по словам информантов, на подбородке норки имеется беленький пушок.

Суг күскези бьэрт (букв. шапка из меха водяной мыши) 'головной убор из меха норки', употребляется в речи носителей барун-хемчикского говора западного диалекта, в других диалектах и говорах вместо этого словосочетания пользуются заимствованием из русского языка: *норка бьэрт* или *норка*.

Чараш-аң кежи бьэрт (т.-х., тодж.) / *алды кежи* (тодж.) лит. *киш кежи бьэрт* – зимняя шапка из меха соболя. В литературном тувинском языке соболя называют словом *киш*, в тоджинском диалекте встречается его эвфемистическое название *чараш-аң* (букв. красивый зверь).

В отдельных диалектах зафиксированы следующие наименования: *сарыг кундус кежи бьэрт* 'головной убор из меха желтого бобра', *дилги кежи бьэрт* 'лисий шапка', *кодан кежи бьэрт* 'заячья шапка', *дырбактыг кежи бьэрт* 'шапка из меха рыси', *маны кежи бьэрт* 'шапка из меха манула', *бөрү кежи бьэрт* 'шапка из меха волка', *союнду* (п.-х.) 'головной убор из шкурки белки'.

В тес-хемском говоре юго-восточного диалекта, по словам информантов, ранее употреблялось старое название одного из видов шапки: *тумак / тумат бьэрт* – мужской зимний головной убор, его шили обычно из кожи лисицы, рыси, барса, волка.

Из шкур, снятых с голов лося, косули, дикой козы шили мужской головной убор, общее название его *муңгаш бьэрт* (букв. закрытая шапка), в повседневной жизни такую шапку носили охотники и табунщики.

Охотники и оленеводы Тоджинского кожууна в былые времена пользовались головными уборами капорообразного покрова из шкур с голов диких животных, из утиной кожи и перьев. Зафиксированы следующие специфические названия: *оңук кежи бьэрт* – куполообразная шапка из утиной шкурки у оленеводов, *иви баъжы бьэрт* – шапка их шкуры головы оленя, *буур баъжы бьэрт* – шапка их шкуры головы лося [9, с. 62]. С. Вайнштейн в свое время выражал удивление относительно шапки из утиной кожи и перьев, отмечая, что «у тувинцев чрезвычайно интересен и уникален головной убор из утиной кожи и перьев – *оңук кежи бьэрт*. Чтобы шить его, с убитой утки обдирали перья туловища (кроме шеи), отрезали ей голову, крылья, лапы и осторожно снимали с неё кожу. Шапка имела вид колпака, верх которого образовывала шея птицы с перьями. Этот тип головного убора впервые обнаружили у оленеводов Тоджи и тофаларов, но западные тувинцы его не знали. У других народов Сибири и Центра Азии такие головные уборы мне не известны» [4, с. 169].

Анализ собранного материала показывает, что в основном термины, относящиеся к головному убору, носят общетюркский характер, правда, в юго-восточном диалекте преобладают монгольские заимствования. Некоторая часть слов в отдельных районах называлась по-разному, это зависело от вида сырья, из которого шапки шились, его качества, обработки материала и т.д.

Нужно отметить, что перечисленные виды головных уборов носились в основном с конца XIX и середины XX вв. В настоящее время многие из них уже забыты, большинство лексем из языка исчезает вместе с реалиями.

Терминология национальной традиционной одежды тувинцев представляет интерес не только для историков, этнографов, но и для языковедов. С точки зрения лингвистики, эта тема требует более глубокого изучения.

Сокращения:

лит. – литературный тувинский язык
монг. – монгольский язык
б.-т. – бай-тайгинский говор
дз.-х. – дзун-хемчикский говор

м.-т. – монгун-тайгинский говор
п.-х. – пий-хемский говор
т.-хем. – тес-хемский говор
т.-х. – тере-хольский диалект
тодж. – тоджинский диалект
у.-х. – улуг-хемский говор
цент. – центральный диалект
ч.-х. – чаа-хольский говор
эрз. – эрзинский говор.

Библиографический список

1. Дьяконова В.П. *Материалы по одежде тувинцев*. Ленинград, 1960.
2. Потапов Л.П. *Очерки народного быта тувинцев*. Москва, 1969.
3. Вайнштейн С.И. *Тувинцы-тоджинцы*. Москва, 1961.
4. Вайнштейн С.И. *Мир кочевников Центра Азии*. Москва, 1991.
5. Сат-Брил' Л.Ш. Традиционная одежда тувинцев. *Культура тувинцев: традиция и современность*. Кызыл, 1988.
6. Сиянбил' М.О., Сиянбил' А.А. *Традиционный тувинский костюм (история и символика)*. Кызыл, 2000.
7. Серен П.С. *Тере-хольский диалект тувинского языка*. Абакан, 2006.
8. Куулар Е.М. *Юго-восточный диалект тувинского языка*. Кызыл, 2013.
9. Чадамба З.Б. *Тоджинский диалект тувинского языка*. Кызыл, 1974.

References

1. D'yakonova V.P. *Materialy po odezhde tvincev*. Leningrad, 1960.
2. Potapov L.P. *Ocherki narodnogo byta tvincev*. Moskva, 1969.
3. Vajnshtejn S.I. *Tuvincy-todzhincy*. Moskva, 1961.
4. Vajnshtejn S.I. *Mir kochevnikov Centra Azii*. Moskva, 1991.
5. Sat-Bril' L.Sh. Tradicionnaya odezhda tvincev. *Kul'tura tvincev: tradiciya i sovremennost'*. Kyzyl, 1988.
6. Siyanbil' M.O., Siyanbil' A.A. *Tradicionnyj tuvinskij kostyum (istoriya i simvolika)*. Kyzyl, 2000.
7. Seren P.S. *Tere-hol'skij dialekt tuvinskogo yazyka*. Abakan, 2006.
8. Kuular E.M. *Yugo-vostochnyj dialekt tuvinskogo yazyka*. Kyzyl, 2013.
9. Chadamba Z.B. *Todzhinskij dialekt tuvinskogo yazyka*. Kyzyl, 1974.

Статья поступила в редакцию 07.06.15

УДК 80/81

Milutina A.A., postgraduate, Chelyabinsk State Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia), E-mail: anitutita@mail.ru

SYSTEM OF MEDIA TASKS AS A PEDAGOGICAL CONDITION OF THE FORMATION MEDIA COMPETENCE AT THE LESSON OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN PRIMARY SCHOOL. The article describes problems of the media forming competence of students at lessons of the Russian language and its relationship with the modern primary school, built a logical rationale for the selection of media tasks as a condition of successful formation of the media competence of students at Russian lessons. The author discusses the educational problems and presents mathematical problems in media. The work describes their characteristics (nature, functions, etc.). The paper describes the requirements for the present condition of the formation of media competence of students at Russian lessons in primary school. The reception and forms of work in the framework of the tasks of the media in the process of training activities on the Russian language is devoted to the final part of the article.

Key words: media education, media competence, pedagogical conditions, media tasks, student of primary school, Russian language, primary school.

А.А. Милутина, аспирант Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, E-mail: anitutita@mail.ru

СИСТЕМА МЕДИА ЗАДАЧ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИАКОМПЕТЕНЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье представлено описание системы медиа задач формирования медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка, её связь с современным начальным образованием, логически выстроено обоснование выбора медиа задач как условия успешного формирования медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка. Разработаны и представлены медиа задачи, описаны их характерные черты (сущность, функции и т.д.). Также, в работе описаны требования, предъявляемые к данному условию формирования медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка в начальной школе. Приёмам и формам работы в рамках реализации системы медиа задач в процессе учебной деятельности по предмету «Русский язык» посвящена заключительная часть статьи.

Ключевые слова: медиаобразование, медиакомпетенция, условие в педагогике [1], медиа задачи, младший школьник, русский язык, начальное образование.

Предметом методики обучения русскому языку младших школьников, как науки является процесс овладения учащимися теорией и практикой родного языка в условиях обучения в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования (ФГОС НОО). При этом в понятии «обучение» предусматриваются четыре составные части: содержание изучаемого; деятельность учителя, организующего процесс и подающего материал; деятельность учащихся, открывающих для себя новое знание, овладевающих умениями; результат усвоения, положительное и отрицательное в нем [2, с. 5]. Их правильная и гармоничная реализация в

рамках современной системы образования и требований развивающегося общества к выпускнику начальной школы возможна только при интеграции предмета «Русский язык» и процесса формирования медиакомпетенции.

Обращение к медиа задаче как эффективному условию формирования медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка обосновано тем, что:

- задача является как методом задания цели обучения, и как средством её достижения;
- решение учащимися языковых задач и задач области медиа, объединенных в систему, ведет к развитию у них способ-

ности синтезировать языковые знания и овладевать способами их добытия с помощью медиа средств;

- задача даёт возможность осмысления сложившейся учебной проблемы в содержании образовательного процесса по предмету «Русский язык» с целью её преобразования, перевода на новый уровень, решения с использованием медиа средств;

- реализация системы медиа задач даёт возможность учесть психологические, физиологические особенности каждого учащегося, частично осуществить индивидуальный подход при работе в компьютерном классе [3].

Разделяя мнение Л.М. Фридмана и др., представляем медиа задачи как систему целевых установок педагогической деятельности учителя по отношению к учебной деятельности младших школьников в процессе формирования медиакомпетенции на уроках русского языка [4].

Данные целевые установки представлены в виде медиа задач, которые достигаются учителем и учащимися в процессе взаимосвязанной работы по формированию медиакомпетенции и обучению предмету «Русский язык»:

- обучить овладению новыми способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью медиа средств;

- отслеживать закономерности речевого развития учащихся на разных этапах освоения содержания предмета «Русский язык» совместно с формированием медиакомпетенции;

- развить умения работать с различными медиа средствами для решения учебной проблемы по русскому языку;

- формировать языковые понятия у младших школьников с применением медиа средств на этапе закрепления;

- обучить грамотному чтению медиа текстов, параллельно формируя орфографический навык;

- развить самостоятельность суждений, предпочтений в процессе работы с различными медиа средствами;

- обучить самовыражению с помощью медиа;

- дать знания по теории и практике работы с медиа средствами в самостоятельной учебной деятельности;

- обучить различным способам представления с помощью медиа средств усвоенных понятий, правил по русскому языку;

- обучить созданию собственных медиа текстов, медиа продуктов.

Комплекс требований, предъявляемых к медиа задачам, сформирован на основе позиции М.Д. Горячева, В.В. Протопоповой [5; 6]. Выделяются общие педагогические и частные (применяемые к конкретной учебной деятельности по формированию медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка) направления, которые определены в соответствии с ФГОС НОО и возрастными особенностями учащихся начальных классов.

язык». Также, данная группа выявляет закономерности в содержании темы, решает совокупность языковых и медиа заданий с нечеткими инструкциями, позволяет приобретать и использовать новые знания в процессе формирования медиакомпетенции на уроках русского языка. Решая данные задачи в процессе обучения русскому языку на уроках применения, обобщения и систематизации предметных знаний, умений и навыков, уроках повторения, коррекционных, младшие школьники осваивают способы работы с медиа средствами, решают учебные проблемы «как упростить работу по предмету «Русский язык», решить задание с применением медиа средства».

Практико-функциональные медиа задачи направлены на реализацию различных видов учебной деятельности младших школьников в процессе формирования медиакомпетенции на уроках русского языка, освоение медиакомпетентных умений с применением четко выработанной цепочки средств, действий, упражнений и выполнением присущих определенной деятельности (работа с конкретным медиа средством) функций. Учащиеся совместно с учителем разрабатывают алгоритмы, действия, которые применяются на практике в процессе учебной деятельности по предмету «Русский язык» и работы с медиа средствами на уроках, развивают способности по переключению внимания, быстрой смене видов деятельности.

Стратегически-ориентированные медиа задачи представляют собой систему решений, преобразовывающую конкретную учебную проблему или проблемы, возникающие в процессе формирования медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка в программы, планы, проекты, реализующие их, самостоятельную творческую работу младших школьников по решению возникающих на уроках русского языка учебных ситуаций. Они ориентированы на результат работы: в отношении учащихся начальной школы – учебные проекты, отражающие уровень сформированности медиакомпетенции, в отношении учителя – разработка технологических карт уроков по предмету «Русский язык» с включением заданий по формированию медиакомпетенции.

Система данных медиа задач оказывает влияние на успешное формирование медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка не только при правильном определении целей, требований, функций и этапов этих медиа задач, но зависит и от способов их достижения.

Система медиа задач как способ достижения успешного формирования медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка – это те приёмы, которые оказывают положительное влияние на совместный процесс обучения русскому языку и формирования медиакомпетенции младших школьников.

Этими приёмами являются:

- постановка проблемных ситуаций по использованию медиа средств в содержании темы по предмету «Русский язык» (в

Таблица 1

Требования к медиа задачам

Общие (В.В. Протопопова)	Частные
<ul style="list-style-type: none"> • способствовать повышению познавательного интереса; • отвечать практическим потребностям учителя и учащихся; • универсальность в использовании; • применение с опорой на базовую учебную программу; • учет психических и физических возрастных особенностей учащегося 	<ul style="list-style-type: none"> • активная творческая самостоятельная деятельность учащихся; • постоянная речевая деятельность учащихся в различном виде (в зависимости от учебных целей и используемого на уроке медиа средства); • использование Интернет-пространства с учетом образовательных возможностей предмета «Русский язык»; • интеграция медиа средств в «Русский язык»; • работа учащихся с теорией (изучение понятий в области медиа, с целью повышения уровня медиакомпетенции); • техническое обеспечение образовательного пространства соответствующими школьниками средствами

Система медиа задач направлена на повышение уровня сформированности медиакомпетенции учащихся на уроках русского языка и делится на группы: предметно-когнитивные, практико-функциональные, стратегически-ориентированные.

Предметно-когнитивные медиа задачи позволяют развивать познавательные способности младших школьников к умственному восприятию и переработке получаемой учебной информации относительно исследуемой области по предмету «Русский

рамках проблемно-диалогического обучения, исключая уроки открытия новых знаний);

- игровые приёмы, контроль языкового материала и его постоянный анализ, интеграция медиа в задания по применению новых знаний;

- включение в содержание темы урока по русскому языку заданий (с применением медиа средств), включающих фрагменты художественной, научно-популярной и иной литературы, вы-

Таблица 2

Характерные черты медиа задач

Характеристики	Медиа задачи		
	Предметно-когнитивные	Практико-функциональные	Стратегически-ориентированные
Сущность	Осмысление содержания и сути возникающей проблемы, связанной с использованием медиа, четкое ориентирование в языковых терминах и понятиях	Определение способов решения проблем, возникающих при реализации методики, умение выстраивать необходимую систему цепочек при работе на уроках	Создание планов, программ, проектов, комплексов, реализующих решение возникающих проблемных медиа ситуаций
Этапы, необходимые при решении медиа задач	Просмотр изучаемого материала, работа с ним, представление возникшей проблемной ситуации, осознание содержания и сути возникшей проблемы	Реализация различных видов учебной деятельности, необходимых для решения проблем при формировании медиакомпетенции на уроках русского языка, выстраивание логических цепочек, алгоритмов с использованием медиа средств	Выявление, формулирование конкретной работы по решению проблемных ситуаций, связанных с формированием медиакомпетенции самостоятельно, организация, непосредственная работа, реализация учебных проектов
Функции	Представление проблемной ситуации и способов ее решения с использованием медиа средств	Использование групповой, командной работы, управление работой со средствами медиа	Создание, освоение средств решения возникающих проблемных ситуаций в процессе формирования медиакомпетенции учащихся на уроках русского языка
Анализ результатов	Умение ориентироваться и применять понятия медиаобразования и языковых терминов (в рамках предмета), понимать суть проблемы	Освоение многообразия средств по решению проблемных ситуаций в процессе формирования медиакомпетенции на уроках русского языка	Способность преобразовывать существующие ситуации, создавать новые с помощью медиа (посредством проектов, программ и т.д.)

ывающей у младших школьников интерес к изучаемому предмету;

- наличие медиа средства и возможность работы с ним практически на каждом уроке (доступ к компьютерному классу);
- четкие, логически выстроенные и понятные младшему школьнику целевые установки работы с медиа на уроке русского языка (работа с медиа средством в сети Интернет всегда сопровождается определёнными целями и задачами);
- поэтапная алгоритмическая работа (отработка операционных навыков при работе с текстовым, графическим редактором);
- варьирование языкового материала при работе с медиа средствами;
- многократная смена видов деятельности (работе с медиа средством отводится определенное время на уроке);
- исследование (обучение русскому языку, связанное с решением учащимися (при поддержке учителя) творческой, исследовательской задачи в области медиа и предполагающую наличие основных этапов, характерных для исследования в научной сфере);
- обучение работе с информацией, представленной в разных формах;
- переход от совместной к самостоятельной работе (при смене слайдов в презентации, ответах на вопросы при работе с мультимедийным сопровождением, отработка алгоритма использования определённого медиа средства);
- разнотипность системы заданий, используемых на уроке (придумать способ передачи правила с помощью любого медиа средства, набор простого текста (сочинение, изложение) или рисование какого-либо орфографического правила в графическом редакторе, составление кратких информационных сообщений по картинкам на слайдах (правила, схемы, алгоритмы, разборы, языковые ситуации), самостоятельная работа по выделению нужной информации из аудио или видео ряда (начертить грамматическую основу услышанных, увиденных предложений или определить орфограмму, о которой говорилось в данном ряду, или правильно написать слово на основе услышанного или увиденного правила) и др.

При работе учащихся и учителя на уроках по предмету «Русский язык» в рамках реализации системы медиа задач как условия успешного формирования медиакомпетенции младших школьников, необходимо использовать следующие формы: коллективная, фронтальная, индивидуальная, групповая, парная [7].

В коллективной форме работы возможна совместная работа по решению вопросов, возникающих в процессе работы с медиа средствами, взаимного обучения, совместной поисково-исследовательской деятельности на уроках русского языка.

Фронтальная форма работы охватывает работу всего класса по теме. В рамках урока, используя данную форму, участники образовательного процесса реализуют возможность изучения нового материала с демонстрационными фрагментами, аудио- и видеовставками, обсуждения и изучения процессов формирования медиакомпетенции (в том числе самими учениками). Также младшие школьники решают учебные проблемы по использованию медиа средств в каком-либо упражнении по русскому языку, выполнению этого упражнения в области медиа, определяют алгоритмы работы с медиа средствами и т. д.

Индивидуальная форма требует наличия компьютерного рабочего места, единообразно оснащенного дополнительным оборудованием, необходимым для выполнения конкретных заданий в содержании предмета «Русский язык». Данная форма предполагает самостоятельное решение учебных задач, при минимальном вмешательстве со стороны учителя, так как при проверке работы учащихся определяется уровень сформированности их медиакомпетенции, языковой грамотности на данном этапе.

Групповая форма предполагает деление класса на две или более группы [8]. Каждая группа выполняет своё задание с применением медиа средства (графическое представление правила, совместное определение алгоритма поиска заданной учебной проблемы и т.д.), в результате чего формируется единое решение, которое представляет перед всем классом один учащийся, затем младшие школьники совместно с учителем редактируют или одобряют решение выступившей группы. Также, групповая форма реализует организацию взаимной коллективной проверки с помощью обмена выполненными заданиями по электронной почте, социальным сетям или смене мест в кабинете информатики.

Парная работа, как индивидуальная и групповая, проводится в основном в кабинете информатики. Используя мультимедийный проектор и демонстрационный экран, интерактивную доску, учитель может демонстрировать ученикам различные учебные элементы содержания курса, ввести новые технологические приемы в области медиа, которые они затем пробуют выполнить в паре. Также, данная форма может использоваться в процессе взаимной проверки материала в содержании темы по предмету «Русский язык» с использованием медиа средств.

Итак, система медиа задач является неотъемлемым условием формирования медиакомпетенции младших школьников на уроках русского языка. Благодаря его реализации в процессе учебной деятельности на уроке по предмету «Русский язык», учащиеся начальных классов переходят на более высокий уровень сформированности своей языковой грамотности и медиакомпетенции, что определит успешность дальнейшего обучения, развития и становления современной личности в постоянно меняющемся информационном обществе.

Библиографический список

1. Куприянов Б.В., Дынина С.А. Современные подходы к определению сущности категории «педагогические условия». *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2001; 2: 101 – 104.
2. Львов М.Р., Горецкий В.Г., Сосновская О.В. *Методика преподавания русского языка в начальных классах: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования*. Москва: Издательский центр «Академия», 2012.
3. Гавриленко Е.В. *Опережающее языковое образование как фактор повышения функциональной грамотности младшего школьника*. Диссертация ... кандидата педагогических наук. Челябинск, 2012.
4. Фридман Л.М. *Психопедagogика общего образования: пособие для студентов и учителей*. Москва: Серия «Библиотека педагога практика», 2001.
5. Протопопова В.В. Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования. *Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции: в 10 ч.* Москва: Челябинск: Изд-во «Образование», 2008; Ч.6: 193 – 197.
6. Федоров А.В. *Медиаобразование в странах Восточной Европы*. Москва: МОО «Информация для всех», 2014.
7. Зырянова Е.А., Никитина Е.Ю. *Теория и методика формирования умений речевого этикета младшего школьника*. Москва: БА-ЛАСС, 2011.
8. Дьяченко В.К. *Новая дидактика*. Москва: Народное образование, 2001.

References

1. Kupriyanov B.V., Dynina S.A. Sovremennye podhody k opredeleniyu suschnosti kategorii «pedagogicheskie usloviya». *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 2001; 2: 101 – 104.
2. L'vov M.R., Goreckij V.G., Sosnovskaya O.V. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v nachal'nyh klassah: uchebnoe posobie dlya studentov uchrezhdenij vysshego professional'nogo obrazovaniya*. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2012.
3. Gavrilenko E.V. *Operezhayushchee yazykovoe obrazovanie kak faktor povysheniya funktsional'noj gramotnosti mladshego shkol'nika*. Dissertatsiya ... kandidata pedagogicheskikh nauk. Chelyabinsk, 2012.
4. Fridman L.M. *Psichopedagogika obshchego obrazovaniya: posobie dlya studentov i uchitelej*. Moskva: Seriya «Biblioteka pedagoga praktika», 2001.
5. Protopopova V.V. Modernizatsiya sistemy professional'nogo obrazovaniya na osnove reguliruemogo `evolyucionirovaniya. *Materialy VII Vserossijskoy nauchno-prakticheskoy konferencii: v 10 ch.* Moskva: Chelyabinsk: Izd-vo «Obrazovanie», 2008; Ch.6: 193 – 197.
6. Fedorov A.V. *Mediaobrazovanie v stranah Vostochnoy Evropy*. Moskva: MOO «Informatsiya dlya vseh», 2014.
7. Zyryanova E.A., Nikitina E.Yu. *Teoriya i metodika formirovaniya umenij rechevogo `etiketa mladshego shkol'nika*. Moskva: BALASS, 2011.
8. D'yachenko V.K. *Novaya didaktika*. Moskva: Narodnoe obrazovanie, 2001.

Статья поступила в редакцию 16.06.15

УДК 81

Narykova N.A., lecturer, Stavropol Branch of Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Stavropol, Russia), E-mail: narnata@rambler.ru

Tikhonenko M.A., lecturer, Stavropol Branch of Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Stavropol, Russia), E-mail: tikhonenkomarina@gmail.com

FEATURES OF THE TRANSLATION OF SUBDERIVATIVES WITH SUBJECTIVE ESTIMATION. The article studies nouns formed by means of subsuffixes of subjective estimation. Subsuffices are called word-formations, keeping connection with independently functioning lexemes. Researchers distinguish two types of subderivatives: usual and occasional. Usual subderivatives are an integral part of dictionary fund. Occasional subderivatives of subjective estimation represent individual decisions of the author, have the additional information, are created by analogy and cause in consciousness of the recipient any image or a chain of associations. How will these occasional subderivatives be translated into Russian? The comparative analysis of subderivatives of subjective estimation and their translations, allows drawing a conclusion that there are 3 ways of nouns translation with subjective estimation subsuffixes: 1) transformation, 2) functional-adequate replacement, 3) a literal translation, 4) approximate transfer.

Key words: subsuffixes, subjective estimation, word-formations, usual, occasional, transformation, literal translation, approximate transfer.

Н.А. Нарыкова, преподаватель ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: narnata@rambler.ru

М.А. Тихоненко, преподаватель ФГКОУ ВПО Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, E-mail: tikhonenkomarina@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СУБДЕРИВАТОВ, НЕСУЩИХ В СЕБЕ СУБЪЕКТИВНУЮ ОЦЕНКУ

Статья посвящена существительным, образованным при помощи субсуффиксов субъективной оценки. Субсуффиксы называются словообразовательные форманты, сохраняющие связь с самостоятельно функционирующими лексемами. Различают узуальные и окказиональные субдериваты. Узуальные субдериваты являются неотъемлемой частью словарного фонда. Окказиональные субдериваты субъективной оценки представляют собой индивидуальные решения автора, имеют добавочную информацию, создаются по аналогии и вызывают в сознании реципиента какой-либо образ или цепь ассоциаций. Как будут переводиться подобные образования на русский язык? Сопоставительный анализ субдеривативов субъективной оценки и их перевода, позволяет сделать вывод о том, что в переводческой практике при передаче существительных с суб-

суффиксами субъективной оценки можно выделить следующие три способа: 1) трансформация, 2) функционально-адекватная замена, 3) калькирование (дословный перевод), 4) приблизительный перевод.

Ключевые слова: субсуффиксы, субъективная оценка, словообразование, узуальный, окказиональный, трансформация, литературный перевод, приблизительный перевод.

Большую группу слов в немецком языке, имеющую элементы коннотативного значения, составляют существительные, образованные при помощи субсуффиксов субъективной оценки. Субсуффиксами называются словообразовательные форманты, сохраняющие связь с самостоятельно функционирующими лексемами. Существительные, образованные при помощи субсуффиксов, получили в нашей работе название субдериватов.

Различают узуальные и окказиональные субдериваты. Узуальные субдериваты являются неотъемлемой частью словарного фонда, они известны всем носителям языка и инвентаризуются лексикографическими источниками. Приведем несколько примеров немецких субдериватов субъективной оценки, заимствованных нами из словаря словообразовательных элементов М.Д. Степановой: Angstmeier – трус, Automieze – попутчица на автомобиле, Vadebiene – любительница купаться, Bergedrücke – сачок, лентяй, Bettelbruder – бродяга, нищий, нищенствующий монах, Betthase / -häschen – темпераментная девочка, женщина для постели, Blödhammel – идиот, Dreckvogel – неряха, грязнуля, мразь, скотина, Faulhans – лентяй, Gammelmil – похотливый человек.

Узуальные субдериваты оригинальны, самобытны, многие из них передают национальный колорит и выполняют в языке экспрессивную функцию, основы их происхождения не рациональные, а эмоциональные.

Окказиональные субдериваты субъективной оценки представляют собой индивидуальные решения автора, имеют добавочную информацию, создаются по аналогии и вызывают в сознании реципиента какой-либо образ или цепь ассоциаций. По мнению В. Хенцена, почти все сложные слова, все производные, а также большая часть сложнопроизводных слов и сращений основываются на принципе аналогии [1, р. 56]. Л. Блумфилд также считает, что весь процесс развития языка – «вековой процесс аналогии» [цитируется по 2, с. 71]. По мнению Фляйшера, существует тенденция образовывать слова по уже имеющимся в речи парадигматическим и синтагматическим параметрам [цитируется по 3, с. 145 – 147]. С семантической точки зрения словообразовательный процесс по аналогии характеризуется тем, что от мотивирующей единицы наследуется не лексическое значение, а определенное общее значение модели. Например: *Olympiade* – *Sportakiade*, *Universiade*, *Janiade*; *Stadtarbeiter* – *Stadtschreiber*. Кроме словообразовательной структуры и общности деривационных элементов важную роль при аналогичном образовании играют парадигматические отношения производящих основ. Большая сложность заключается в переводе узуальных и окказиональных субдериватов. Как будут переводиться подобные образования на русский язык? Информация, включенная в семантику слова, разнообразна, и в ней могут выделяться качественно различные компоненты. Передача в переводе всей информации, содержащейся в слове, оказывается невозможной, поскольку чтобы передать один семантический компонент, в зависимости от ситуации или контекста нужно «пожертвовать» другим смысловым компонентом.

В словообразовательных системах языка перевода и исходного языка имеется множество различий и лакун в стилистически окрашенных моделях. Нейтрализация этих пробелов и различий при переводе может происходить различными способами. Например, употреблением нейтральных словообразовательных моделей, словосочетаний вместо стилистически окрашенных и восполнением потери экспрессивности в другом месте текста.

В каждом языке существуют свои языковые законы, законы сочетаемости лексем, запрещающие определенным словам вступать в сочетания, или предписывающие определенные нормы выражения данного содержания. Очень часто между желанием полной передачи смыслового содержания исходного текста и требованием соблюдения норм языка перевода возникает противоречие, которое является типичной проблемой, сопровождающей процесс перевода.

В результате субдериваты, обозначающие лицо, имеют различную внутреннюю форму. Например, русское слово «начальничек» и немецкое «*Abteilungsfritze*» означают одно и то же, однако, использованный в немецком языке при номинации субсуффикс *-fritze*, придает образованию более яркую экспрессив-

но-уничижительную окраску. Разница во внутренней форме отчасти представляет определенную проблему при переводе.

Сопоставительный анализ субдериватов субъективной оценки и их перевода, текста оригинала художественного произведения и транслата позволяет сделать вывод о том, что в переводческой практике при передачи существительных с субсуффиксами субъективной оценки, как и других изобразительно-выразительных средств, можно выделить следующие три способа: 1) трансформация, 2) функционально-адекватная замена, 3) калькирование (дословный перевод), 4) приблизительный перевод.

Самым распространенным способом перевода субдериватов субъективной оценки является функционально-адекватная замена. Данный способ предполагает замену образа при переводе с использованием образных средств языка перевода.

Ich wusste vom alten Lewke, dass er es damals abgelehnt hatte, das Amt des Buergermeisters zu uebernehmen, obwohl ihn die rote Sophia beschimpft und verspottet hatte: Drückeberger! Feigling! Waschlappen!» [4, р. 54]

От старого Левке я знал, что он тогда отказался от поста бургомистра, хотя рыжая Софья ругала его и издевалась: Сачок! Лентяй! Тряпка!

Еще одним наиболее употребительным способом перевода субстантивных *композигов* немецкого языка можно назвать трансформацию, т.е. передачу словообразовательной структуры языка оригинала свободной комбинацией слов в языке перевода. Например, *Meldewesen* – *организация/система регистрации населения*; *предоставление информации*; *Motorbiene* – *любительница кататься на мотоцикле*; *rachitischer Stallhase* – *зависимый от родителей мальчик, худой, никчемный*.

Подвидом трансформации является опущение, т.е. такой способ перевода, при котором могут опускаться некоторые части предложения – в данном случае сложного слова, которые при переводе являются избыточными [5, с. 221]. Такой переводческий прием при передаче метафорического или метонимического образа субдериватов, как опущение, используется в том случае, когда этот образ в языке перевода не вызывает адекватной реакции у нового получателя. Известно, что для образного выражения своего отношения к людям, каждый народ выбирает свои сравнения-символы из окружающей его действительности. Например, голубь у многих народов мира является символом мира, павлин – красоты, лиса – хитрости и ловкости, осел – глупости. Но наблюдаются случаи, когда сравнения-символы не совпадают. Например, в немецком языке, маленькие животные, насекомые, типа *Biene*, *Brumme*, *Maus*, *Mäuschen*, *Mieze*, *Ratte*, *Kröte*, *Käfer* дают обычно положительные характеристики человеку. В этих животных выбирают такие качества, как быстрота, ловкость, трудолюбие, внешняя красота. В более крупных животных выделяются чаще отрицательные качества (*Hahn*, *Schwein* / *Sau*). Например, *Wasserratte* – морской волк; любитель плавания; *Balettratte* – артистка балета, танцовщица; *Spielratte* – страстный игрок; *Kellerratte* – официантка.

Еще одним подвидом трансформации можно назвать добавление, т.е. такой способ перевода, при котором вследствие формальной невыраженности определенных семантических компонентов ИЯ и синтаксической перестройки структуры предложения при переводе необходимо ввести те или иные элементы [5, с.226].

Nun muss ich dir, weil du ein Kopfmensch bist, etwas sagen: Ich achte Kopfmenschen. [6, с. 155]

Я должен сказать тебе, потому что ты умный человек, голова: «Я уважаю умных людей».

Приблизительный перевод. В текстах перевода нередко можно встретить различные сопроводительные слова, с помощью которых имплицитно конкретизируются и усиливаются оценки. Поскольку суффиксальная система с квалифицирующими признаками в русском языке развита, в интересах сохранения коннотативной эквивалентности в языке перевода употребляются наименования с квалифицирующими, ласкательными или уничижительными суффиксами. В качестве соответствий для словообразовательных конструкций, выраженных одним словом, выступают в русском языке прилагательные, глаголы.

"Herr Lohkamp! Wie Eisen!" Er grinste. "Nur der **Fordfritze** ist drin." [7, p. 46]

«Господин Локамп, что Вы! Могила!» Он улыбнулся. «Только там пришел этот тип, что интересуется фордом».

Наиболее редко используется такой способ перевода субдериватов субъективной оценки, как калькирование. Калькирование (дословный перевод) – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов с их лексическими соответствиями в ПЯ. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы [8, с. 173]. Нечастое использование данного способа перевода объясняется наличием в ИЯ и ПЯ аналогов среди субдериватов субъективной оценки, так как выражение личностного отношения к происходящему, эмоциональная окраска востребованы во всех языках.

Такой переводческий прием субдериватов субъективной оценки как дословный перевод или калькирование имеет много достоинств: умелое использование дословного перевода обогащает язык перевода. Данный способ предполагает замену образа при переводе с использованием образных средств языка перевода.

Например, *Plumpsack* – вместо «увалень» можно перевести дословно *мешок неотесанный*, *Nazischwein* – *свинья нацистская*.

Каждый текст имеет свои особенности, которые необходимо учитывать, поэтому нельзя дать точных указаний или вывести четкие правила по переводу сложных существительных. Перевод остается процессом творческим даже в условиях научного текста, поэтому каждый отдельный случай необходимо рассматривать индивидуально.

Библиографический список

1. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Halle (S). Tübingen, 1965.
2. Мостовой Н.И. К вопросу образования инноваций в области словосложения в современном английском языке. *Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку*. Владивосток, 1973; Выпуск 1: 70 – 79.
3. Малинин Б.А. Текстобразование и контекстуально-аналогическое образование. *Структура и функции междфразовых единиц*. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1988.
4. Panitz E., Die unheilige Sophia. Halle – Leipzig: Mitteldeutscher Verlag, 1974.
5. Бархударов Л.С. *Язык и перевод*. Москва: Международные отношения, 1975.
6. Kant H. Die Aula Berlin: Ruetten & Loening, 1972.
7. Remarque E. M., Drei Kameraden. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960.
8. Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение*: учебное пособие. Москва: ЭТС, 2002.

References

1. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Halle (S). Tübingen, 1965.
2. Mostovoj N.I. K voprosu obrazovaniya innovacij v oblasti slovoslozheniya v sovremennom anglijskom yazyke. *Slovoobrazovanie i ego mesto v kurse obucheniya inostrannomu yazyku*. Vladivostok, 1973; Vypusk 1: 70 – 79.
3. Malinin B.A. Tekstobrazovanie i kontekstual'no-analogicheskoe obrazovanie. *Struktura i funkcii mezhfrazovykh edinic*. Pyatigorsk: PGPIIYa, 1988.
4. Panitz E., Die unheilige Sophia. Halle – Leipzig: Mitteldeutscher Verlag, 1974.
5. Barhudarov L.S. *Yazyk i perevod*. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975.
6. Kant H. Die Aula Berlin: Ruetten & Loening, 1972.
7. Remarque E. M., Drei Kameraden. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1960.
8. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie*: uchebnoe posobie. Moskva: ETS, 2002.

Статья поступила в редакцию 24.06.15

УДК 811.161

Nesterova N.G., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Tomsk State University (Tomsk, Russia),
E-mail: nesterovatomsk@rambler.ru

RADIO TALK-SHOW AS A NEW DISCOURSE PRACTICE. This article examines a radio-show as a new conversational genre for the Russian electronic press and as an object for linguo-pragmatic research. Here we state and describe the characteristic features of the communicative contents of the show on radio, the discursive characteristics of which are defined by the particular issue being discussed, its dialogism on the one hand and its derivation from the TV talk shows, on the other hand. The discursive differences between the radio and television talk shows lies in the very difference between the different types of media communications: in the particular characteristics of the reception of the program by the audience, in the manner of the interactions between the participants of the given communicative situation and in the specifics of the realization of the scenario. Thematic diversity and the communicative specificities of the discourse of the talk-show are demonstrated, for example, in the programs on the radio-station "Маяк" (Mayak), specially the programs on the cultural-educational programs. The dialogue of the radio-show is studied by the verbal and non-verbal interactions between all the participants of the given communicative situation. The material of a particular broadcast of the radio-program "Morning show of Mariya Bachenina and Kirill Radtsig" reveals the characteristics of the language used to fulfill the communicative aims of the program.

The conversational genre of the media discourses, which has seen an enormous increase in use in the electronic media, presents itself as a novel object of research for the Russian humanitarian sciences. Talk shows on radio being a new type of discourse have their own communicative specificities, which haven't yet been researched academically. This work for the first time takes up the radio talk-shows, distinguishes and defines their discursive characteristics.

Key-words: talk-show, radio, linguo-progmatic approach, cultural and educational program, dialog, discursive features, communicative charged units, discursive practice.

Н.Г. Нестерова, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка Томского государственного университета, г. Томск,
E-mail: nesterovatomsk@rambler.ru

ТОК-ШОУ НА РАДИО КАК НОВАЯ ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики»), проект № 14-34-01022.

Статья посвящена радишоу, как новому для российских электронных СМИ разговорному жанру и новому объекту лингво-прагматических исследований. Выделяются и описываются особенности коммуникативной организации ток-шоу на радио,

дискурсивные признаки которого обусловлены особенностями радиодискурса, его диалогичностью, с одной стороны, и его производностью от телевизионного ток-шоу – с другой. Дискурсивные различия между ток-шоу на телевидении и радио видятся в специфике разных видов медиакоммуникации: в особенностях восприятия программы адресатом, в характере взаимодействия участников коммуникативной ситуации, в особенностях реализации сценария. Тематическое разнообразие и коммуникативная специфика дискурса ток-шоу демонстрируется на примере программ радиостанции «Маяк», акцент делается на познавательных радиопрограммах. Диалогическое взаимодействие в ток-шоу на радио рассматривается через невербальные и вербальные действия всех участников коммуникативной ситуации. На материале конкретного выпуска радиопрограммы «Утреннее шоу Марии Бачениной и Кирилла Радцига» выявляются коммуникативно нагруженные средства языка, обеспечивающие реализацию цели программы.

Ключевые слова: ток-шоу, радио, лингвопрагматический подход, культурно-просветительская программа, диалог, дискурсивные признаки, коммуникативно нагруженные единицы, дискурсивная практика.

Обоснование темы исследования

Актуальность обсуждаемых в статье вопросов обусловлена тем, что для российской гуманитарной науки разговорные жанры медиадискурса, получившие широкое развитие в электронных СМИ, представляют новый объект исследования. Ток-шоу на радио, являя собой новую дискурсивную практику, обладает коммуникативным своеобразием, к настоящему времени не получившим комплексного научного изучения. Научная новизна поставленных в статье задач состоит в выявлении и описании дискурсивных признаков жанра радиосшоу.

Результаты исследования

Новый разговорный жанр на радио – ток-шоу (от английского talk-show) сформировался в условиях глобализации, под влиянием западных моделей коммуникации. В научной литературе встречается мнение о том, что условиями для появления радиосшоу стала реализация обратной связи со слушателями, которая имела место в советском радиовещании [1]. Этот довод можно принять во внимание, однако научный интерес к функционированию изучаемого жанра на американском телевидении [2; 3] укрепляет представление о том, что истоки ток-шоу следует искать именно в американском телевидении.

Сегодня ток-шоу – один из самых популярных жанров на радио. Термин *шоу*, учитывая его прямое и переносное значения¹, в отношении к радио, одной из ядерных характеристик которого является вневизуальность, используется весьма своеобразно. Жанр ток-шоу объединил развлекательные, познавательные, информационно-аналитические передачи. Жанровый детерминант *ток-шоу* применяется к любой «разговорной» передаче на радио, часто к интервью в студии, которое ведёт популярный радиожурналист или два журналиста.

Ток-шоу, пришедшие как «кальки» западных телепрограмм, стали копировать не только их основные признаки: лёгкость разговора, артистизм ведущего, ориентацию на аудиторию, но и развлекательность, которая в новых экономических условиях рассматривается как элемент коммерческого успеха.

С коммуникативной точки зрения, ток-шоу на радио представляет собой форму организации медиапространства, структурируемого в соответствии с требованиями аудитории и задачами радиостанции. В огромном тематическом разнообразии ток-шоу на радио наше внимание привлекают культурно-просветительские передачи. Особенностью культурно-просветительского радиосшоу на является установка на гармоничное, толерантное общение [4], в отличие от очень распространённых телевизионных ток-шоу, в основе значительной части которых лежит конфликтная ситуация [5].

В радиосшоу реализуются дискурсивные признаки, роднящие его с телевизионным ток-шоу: они проявляются в особенностях восприятия программы адресатом, в характере взаимодействия участников коммуникативной ситуации, в особенностях реализации сценария. Такими признаками являются:

1. Подчинённость коммуникации теме общения; развитие основной идеи через ряд микротем.
2. Приоритетная роль ведущего в выборе темы беседы с обязательным согласованием её с приглашённым в студию гостем (гостями).
3. Активная роль аудитории – признак, который делает программу на радио живой, «визуализированной».
4. Контроль со стороны ведущего речевого поведения участников, в том числе «присутствующих» в программе дистантно.
5. Пространственная локализация коммуникативной ситуации связана со студией (радиостудией, телестудией).
6. Временной параметр: ток-шоу проходит с определённой

циклическостью, в определённое время (день, час, имеет установленную продолжительность).

7. Участники коммуникации, как правило, реализуют не только социальный, профессиональный статус, но и личностный.

8. Полифония программы достигается за счёт диалога/полилога, посредством голосов участников: ведущего, гостя студии, дозвонившихся слушателей, а также за счёт зачитывания поступивших электронных сообщений.

Отличия ток-шоу на радио и телевидении связаны со следующими дискурсивными признаками:

1. Радиосшоу преимущественно реализуется в прямом эфире, в то время как ток-шоу на телевидении, как правило, демонстрируется в записи.

2. Для телевизионного шоу обязательным является присутствие в студии зрителей, возможно участие компетентных экспертов – радиосшоу строится, как правило, на диалоге ведущего и гостя.

3. Социально-ролевые отношения между участниками программ чаще, чем на телевидении, характеризуются симметричностью, когда ведущий применяет тактику, направленную на повышение статуса собеседника – приглашённого гостя.

Передачи в жанре культурно-просветительских ток-шоу выделяются среди других радиопрограмм следующими дискурсивными признаками:

1. В отличие от новостных программ, основанных на соблюдении чёткого, регламентированного «сценария» и на устном воспроизведении письменной речи, а также на использовании кодифицированного русского литературного языка, радиосшоу характеризуется меньшей жёсткостью сценария и большей свободой коммуникативного поведения ведущих. Доминантой речевого поведения является разговорный стиль общения.

2. В отличие от спонтанного дискурса развлекательных программ, для которых свойственно свободное коммуникативное и речевое поведение ведущих и участников программы, когда допускается расширение и отклонение от заданной темы, радиосшоу культурно-просветительской тематики характеризуется стремлением к соблюдению языковой нормы и следованию теме в соответствии с продуманным сценарием, при этом элементы импровизации не исключаются.

3. От политических ток-шоу на радио, в основе которых лежит столкновение мнений, выраженная экспрессивность, радиосшоу познавательного характера отличается гармоничным взаимодействием ведущего с гостем/гостями в студии. Такое же требование предъявляется и реализуется в отношении к дистантно расположенным участникам – радиослушателям.

4. Культурно-просветительская программа в жанре ток-шоу и её аудитория находятся в диалектической связи: содержание программы обусловлено направленностью на целевую аудиторию, в то же время слушатель выбирает радиостанцию в соответствии со своими коммуникативными потребностями [6, с. 331].

5. Радидискурс рассматриваемого жанра характеризуется стилевой синкретичностью: он синтезирует публицистические черты и разговорные. Публицистическое начало обусловлено, прежде всего, коммуникативной целью воздействия, что связано с социальной или познавательной значимостью обсуждаемых тем, с нацеленностью на информирование общества по актуальным вопросам и с вовлечением аудитории в их обсуждение. Разнообразные элементы разговорного стиля, прежде всего, на уровне синтаксиса (неполные или незавершённые предложения, повторы, заменители паузы) делают публичную речь непринуждённой, неофициальной, располагают к общению.

¹ 1. Яркое эстрадное представление, развлекательная программа. Телевизионное ш. Иллюзионное ш. (в цирке). Концерт-ш.

2. перен. Нечто показное, рассчитанное на шумный внешний эффект. Политическое ш. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова Толковый словарь русского языка online.

Одной из любимых многими радиослушателями и активно репрезентирующих ток-шоу является радиостанция «Маяк» – старейшая, сохранившая свою популярность в XXI веке, государственная информационно-музыкальная станция круглосуточного вещания. По данным сайта, сегодня эфир «Маяка» обеспечивают около 50 ведущих. «Маяк» позиционирует себя как радиостанция, где работают «лучшие ведущие, настоящие профессионалы радиозэфира: Сергей Стиллавин, Ольга Шелест, Тутта Ларсен и Владимир Аверин, Лена Батинова и Вадим Тихомиров, Рита Митрофанова, Ольга Кокорекина, Максим Ковалевский, Игорь Ружейников, Кирилл Немоляев, а также многие, многие другие» (<http://radiomayak.ru/>). Музыкальные позывные – мелодия композитора В. Соловьёва-Седого «Подмосковные вечера» – является символом сохранения традиций канала. В новых условиях формат радиостанции существенно обновился, но сохранил приоритеты, в числе которых регулярность выпусков новостей и интересные познавательные программы. Значительную часть эфирного времени на «Маяке» занимают специальные авторские проекты, интерактивные развлекательные блоки, музыкальные программы.

Сайт радиостанции свидетельствует, что основу эфира составляют ток-шоу, которые представлены интересными диалогами с гостями. В их числе российские политики, деятели культуры, музыканты, известные спортсмены. Многие темы, предлагаемые к обсуждению, характеризуются социальной и интеллектуальной значимостью. Немногочисленны (но они есть) программы, посвященные политическим проблемам. Гостями «Маяка» в последние годы становились: политики Дмитрий Медведев, Сергей Миронов, Владимир Жириновский и др. Разнообразен круг программ, касающихся вопросов интеллектуальной и культурной жизни. Архивы «Маяка» содержат записи передач, в которых принимали участие всемирно известные режиссеры Владимир Наумов, Эльдар Рязанов, Никита Михалков; знаменитый французский кутюрье Пако Рабанн; кинодраматург Александр Адабашьян; известные спортсмены, театральные режиссеры, любимые артисты и многие другие интересные личности.

На «Маяке» абсолютное большинство составляют программы, выходящие в прямом эфире. При этом шоу – радиопрограмма со своей коммуникативной структурой, регламентирующей характер подготовки к интервью с гостем студии и характер организации диалога между участниками. Объявление в Интернете о наборе слушателей на специализированный дистанционный курс «Продюсер шоу на радио» (автор курса и ведущий – Алексей Зверев, директор по развитию компании «PR Крафт») даёт представление об этом жанре, о его структуре как журналистского жанра и как речевого жанра. Обучение включает следующие блоки: *элементы шоу, структура шоу, гости и подготовка интервью, телефонные звонки в студию и работа с ними, поиск информации, написание текстов, планирование шоу* (www.radiportal.ru/edu/13076/prodyuser-shou-na-radio).

В условиях конкуренции даже в рамках одной радиостанции каждая программа должна иметь определённую тематику и стиль ведения эфира, поэтому радио-шоу выступает как программа с выраженной тематической направленностью и ориентацией на конкретного адресата – на целевую аудиторию. Название передачи, как правило, ориентирует на познавательность или развлекательность, ср.: «Адреса милосердия», «Качество жизни», с одной стороны, и «Валенки Шоу», с другой. Заявка на новизну и актуальность «прочитывается» в названии «Проект 2012», установка на интригу – в названии «Программа П». Названия шоу, подчёркивающие значимость тематики или ведущих, порой звучат амбициозно: «Центральный комитет», «Первый Отряд». Установкой на оригинальность продиктовано включение в названия шоу иноязычных единиц (на сайте радиостанции, т.е. в печатном варианте, оно представлены средствами русской и английской графики): «No smoking show», «Санта-Барбара NOW!», «Олдскул с Ритой Митрофановой».

Названия многих передач даны по имени ведущего: «Шоу Аллы Довлатовой», «Шоу Арсения Шейкина». На «Маяке» получило начало ведение шоу двумя ведущими: «Шоу Веры Кузьминой и Дмитрия Мириманова», «Шоу Игоря Ружейникова и Влада Анциферова», «Шоу Ольги Кокорекиной и Александра Карлова», «Шоу Веры Кузьминой и Дмитрия Мириманова». Приведённые названия передач ориентируют слушателя на диалог с конкретным ведущим или ведущими и может расцениваться как реализация стратегии самопрезентации при организации диалога (или полилога). В редких случаях в качестве ведущих конкретной передачи выступают не указанные в названии программы лица.

К примеру: «Утреннее шоу Марии Бачениной и Кирилла Радцига». *Найк Борзов – гость Кати Новиковой и Марии Бачениной.*

Коммуникативно значимым фактором, определяющим эффективность ток-шоу на радио, становятся дейктические обстоятельства: строго соблюдаемая цикличность, то есть регулярная повторяемость в программе. Они рассчитаны на возбуждение в сознании массового зрителя состояния «ожидания встречи». Так, радио-шоу реализуется в различных временных сегментах: *утреннее шоу, вечернее шоу, ночное шоу*; ср. названия ток-шоу на радиостанции «Маяк»: «Вечернее шоу Риты Митрофановой», «Ночное шоу Мужчины и Женщины». Приведённые примеры позволяют считать название шоу коммуникативно значимой (коммуникативно нагруженной), «диалогической» единицей, ориентирующей адресата на определённую тематику и тип общения. Мотивированность названий радиопрограмм может быть квалифицирована как коммуникативная тактика, направленная на привлечение целевой аудитории.

Лингвопрагматический подход актуализирует проблему организации диалогического взаимодействия участников радио-шоу и его языковой репрезентации [8]. Значимым фактором, обуславливающим диалогическое взаимодействие, является количество ведущих и гостей в студии: оно определяет диалоговые связи: это диалоги между 1) соведущими (если ведущих несколько), 2) между ведущими и гостем (или гостями) студии, 3) между ведущими и радиослушателями, 4) между гостем/гостями и радиослушателями. В разных частях программы актуализируется та или иная линия.

Простейшим случаем речевой коммуникации в ток-шоу на радио является диалог, для которого характерна постоянная смена ролей между участниками речевой коммуникации, когда каждый из них попеременно является ведущим или слушателем. Отношения же между участниками коммуникативной ситуации представляются как сложные и многоплановые. Если исходить из того, что классическая модель речевого акта предполагает наличие Говорящего/Адресанта и Слушающего/Адресата, то Говорящим-1 является Ведущий (как инициатор речевой коммуникации), а Слушающим-1 – Гость. В процессе диалогического общения закономерно происходит характерная для диалога смена ролей. Отвечая на вопросы-стимулы, Гость становится Говорящим, а Ведущий Слушающим. Так как ток-шоу на радио осуществляется для массового адресата, Ведущий выступает в качестве Говорящего также для массовой аудитории.

Если же в орбиту обсуждаемой проблемы ввести понятие «автор», то, по-видимому, в таких ситуациях допустимо говорить о двойном авторе-ведущем, о соавторстве, о соведущих, потому что дискурс программы формируется в результате совместной коммуникативной деятельности ведущего и гостя, которые ведут диалог не как межличностную беседу, а как ориентированную на массового слушателя коммуникацию.

Учитывая же интерактивность радиопрограмм, обеспечивающую такую смену ролей, при которой аудитория в лице отдельных представителей выполняет функцию Говорящего, Ведущий и Гость становятся слушающими.

В данной публикации для иллюстрации вербального взаимодействия участников ток-шоу послужила запись «Утреннего шоу Марии Бачениной и Кирилла Радцига» от 16.07.2011; гость – Гарри Бардин, режиссер-аниматор. Рассмотрим, как в программе реализуется диалогическое взаимодействие по линиям Ведущий – Гость и Ведущий – Слушатель.

Линия Ведущий – Гость. Центром внимания в передаче является гость студии. В качестве коммуникативно нагруженных языковых единиц, создающих образ гостя как неординарной личности, выступают разнородные единицы с семантикой оценки, характеризующие его уникальную технику мультипликации. Оценку, часто сопровождающуюся эмоциональностью и экспрессивностью, выражают лексемы разных частей речи: *знаменитый, награды, одарённость, мегапопулярна*; предикативные конструкции: *меня поразило; фантастика просто!; Ничего себе!; Это, наверно, здорово.*

Активно задействованы в реализации указной цели стилистические ресурсы языка. К примеру, характерной чертой ведущих анализируемой передачи является приём градации: *заслуги и перед Отечеством, и перед миром, вселенной; (спасибо) от целого не то что поколения, я думаю, от всей страны; очень давно... в самом-самом детстве (познакомился с мультфильмами); Человек, который пришел к нам сегодня в студию... (первые слова передачи)... Человечище в эфире! (начало последней реплики передачи).*

Коммуникативной значимостью характеризуются этикетные единицы, особое положение среди которых занимают конструкции в жанре благодарности: *спасибо; за это вам огромное спасибо; Гарри Яковлевичу низкий поклон.*

Значима также оценка профессиональной оригинальности, нестандартности: *это же просто форменное хулиганство /.../ в хорошем смысле хулиганство, с которым сделан этот мультфильм, – это, конечно, поразило, за это вам огромное спасибо.*

Побуждение гостя к участию в диалоге, уточнение моментов, связанных с обсуждаемой темой, маркировано конструкциями со словами *вопрос, интересно/интересует*, метамаркерами побудительного характера: *у меня такой вопрос; объясните мне, пожалуйста; скажите; интересно... узнать; меня интересует.*

Речь участников характеризуется умеренной спонтанностью, так как в ток-шоу задана тема и оно построено на предварительной подготовке основных участников – приглашённого гостя и ведущих – и на соблюдении сценария. Авторы и ведущие анализируемой передачи продемонстрировали серьёзную подготовку по обсуждаемой теме и были вознаграждены одобрительным замечанием гостя: БАРДИН: *Вы готовились.* БАЧЕНИНА: *Ну, естественно, старались.*

Линия Ведущий – слушатель. Задачи по линии радиоведущий – радиослушатель достигаются в ходе развёртывания диалога благодаря предварительной подготовке ведущего/ведущих, а также благодаря вопросам и мнениям дозвонившихся радиослушателей. Генеральная стратегия развёртывания диалога/полилога задаётся ведущим, а отдельные его линии инициируются радиослушателями.

Важнейшим приёмом диалогического взаимодействия в радио-шоу являются разные способы организации интерактивной связи со слушателем. Как отмечается на сайте радиостанции, на «Маяке» практически нет записанных программ, поэтому в любой момент радиослушатели могут высказать свою точку зрения прямо в эфире или на сайте: *У нас звонок из Томска; Романов Игорь Васильевич вам пишет; спрашивает Мария.* Направленность передачи на широкую аудиторию выражается местоименными формами *всем, всех (приветствую, призываю).*

Для интерактивных передач актуально живое общение со слушателями, в ходе которого реализуется коммуникативная цель – пробудить интерес к программе, добиться активности аудитории. Так, начало передачи, связанное с представлением гостя, носит характер вовлечения в передачу радиослушателей. С этой целью ведущим успешно применена тактика опоры на личный опыт: *Знакомство с этим человеком началось, когда я первое, что увидел, это, по-моему, был мультфильм «Брэк».*

В радишоу культурно-просветительской тематики целеустановка связана не просто с актуализацией познавательной информации, но с тем, чтобы она воспринималась с положительным эффектом, когда сам способ её адресации вызывает чувство удовольствия, отвечает эстетическим потребностям адресата.

Не все передачи в жанре ток-шоу на радиостанции «Маяк» отвечают отмеченным критериям, что даёт право на негативную реакцию со стороны слушателя. Реакция адресата может быть и весьма критичной. Приведём для примера: *Накипело!!! В нашем небольшом городе из всего выбора радиоволн есть только одно нормальное радио «Маяк» с утра едешь, слушаешь Стилавина с компанией и душа радуется дальше Комолов*

тоже хорошо ну вообще весь цвет как говориться, но с 14.00 до 17.00 начинается что-то абсолютно безумное сначала я переключал волну думая, что попал на местную волну или какое нибудь Авторadio, но через некоторое время я понял что эта передача называется «Валенки шоу» которое ведут Вадим Тихомиров и Лена Батинова, у меня начинает болеть голова от бреда и глупейших шуточек такое ощущение что к микрофону запустили какую-то школоту, эти люди портят эфир Маяка. Уважаемый Сергей Стелавин я думаю что если Геннадий Бачинский был на руководящем посту на Маяке, то думаю ты тоже можешь повлиять на ситуацию замените ведущих или разбейте этот тандем хотя-бы замените Вадима на Рустам, ведь ваше радио слушают не только с утра и вечером и Елена перестаньте в начале шоу выкрикивать это «Юпи-дубиду» или что тот типа вы ведь взрослая женщина это очень нелепо звучит в вашем исполнении! Спасибо (Орфография и пунктуация автора сохранены).

Выводы

Соглашаясь с радиослушателями и с мнением многих исследователей [9 и др.] о том, что сегодня в радиозфире много речевого мусора, нельзя умалять роли «Маяка» в обеспечении познавательно-просветительской функции [10]. Эффективность общения связана с таким взаимодействием между коммуникантами, когда коммуникативная цель, поставленная ведущим, достигнута, и адресат при этом испытывает эмоциональную удовлетворённость от общения. Имеющаяся в нашем распоряжении аудиотека даёт основание говорить о том, что многие передачи в жанре шоу на радиостанции «Маяк» могут быть интересны и взыскательному радиослушателю, так как тематическое разнообразие и характер речевого поведения участников программ отвечают запросам интеллектуальной аудитории.

Особой значимостью характеризуются культурно-просветительские шоу, передающие массовой аудитории культурную информацию, обеспечивающую познавательную активность и личностное развитие россиян. Итогом передачи в жанре шоу можно считать достижение коммуникативной цели, которая связана с обсуждением познавательных, культурно-просветительских вопросов. Многие передачи в жанре шоу на «Маяке» направлены на расширение кругозора радиослушателей. Коммуникативно нагруженные вербальные единицы, обеспечивая диалогическое взаимодействие, способствуют реализации в радишоу эстетической и познавательно-просветительской функций.

Жанр ток-шоу на радиостанции «Маяк» постоянно развивается, трансформируется, одна программа перерастает в другую, либо распадается на несколько новых, адаптируясь под запросы времени. Это, как представляется, свидетельствует о дискурсивной обусловленности данного жанра и о прямом отражении всех процессов, происходящих в радиодискурсе в целом.

Высокую степень популярности ток-шоу на радиостанции «Маяк» считаем обоснованным связать с такими дискурсивными признаками этого жанра, как тематическое разнообразие; корректно реализующаяся свобода коммуникативного поведения участников; живое, реальное общение; интерактивность.

Культурно-просветительские шоу актуализируют также возможность развить творческий потенциал и повысить креативные возможности лиц, занятых профессионально в сфере радиокommunikации.

Библиографический список

1. Барабаш Н.С. Особенности общения с аудиторией на программируемых коммерческих радиостанциях. Available at: http://zhurnal.lib.ru/b/barabash_n/rjpersonality.shtml (дата обращения: 10.06.2015).
2. Коченгин М.Ю. Функционально-семантические свойства американского дискурса ток-шоу. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Ульяновск, 2005.
3. Могилевская Э. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования. RELGA. 2006; 15: 23 – 28.
4. Шаймиева Л.В. Стратегия и тактики диалогизации дискуссионного радиодискурса (на примере текстов передачи «В кругу света» радиостанции «Эхо Москвы»). Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013; 3: 333 – 345.
5. Ершова В. Стилистические особенности конфликтных текстов ток-шоу. Вестник Томского государственного университета. 2012; 365: 15 – 18.
6. Волкова А.А. Проблема понимания в медиадискурсе как отражение современных языковых тенденций. Мир науки, культуры, образования. 2015; 1 (50): 331 – 332.
7. Фашанова С.В. Ключевые прецедентные феномены в контексте национального менталитета (на материале радиодискурса). Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2014; 4: 124 – 132.
8. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. Москва: ИКАР, 2007.
9. Химик В.В. Болезнь языка или язык болезни? Современная русская речь: состояние и функционирование. Сборник аналитических материалов. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2006: 148 – 150.
10. Сладкомедова Ю.Ю. Культурно-просветительские программы на государственном радио: структурно-функциональные и жанрово-тематические особенности. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 2010.

References

1. Barabash N.S. *Osobennosti obscheniya s auditoriej na programmiruemykh kommercheskikh radiostanciyah*. Available at: http://zhurnal.lib.ru/b/barabash_n/rjpersonality.shtml (data obrascheniya: 10.06.2015).
2. Kochengin M.Yu. *Funkcional'no-semanticheskie svoystva amerikanskogo diskursa tok-shou*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Ul'yanovsk, 2005.
3. Mogilevskaya E. Tok-shou kak zhanr TV: proishozhdenie, raznovidnosti, priemy manipulirovaniya. *RELGA*. 2006; 15: 23 – 28.
4. Shajmieva L.V. Strategiya i taktiki dialogizacii diskussionnogo radiodiskursa (na primere tekstov peredachi «V krug sveta» radiostancii «Eho Moskvy»). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013; 3: 333 – 345.
5. Ershova V. Stilisticheskie osobennosti konfliktnykh tekstov tok-shou. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012; 365: 15 – 18.
6. Volkova A.A. Problema ponimaniya v mediadiskurse kak otrazhenie sovremennykh yazykovykh tendencij. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2015; 1 (50): 331 – 332.
7. Faschanova S.V. Klyuchevye precedenty fenomeny v kontekste nacional'nogo mentaliteta (na materiale radiodiskursa). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 22: Teoriya perevoda. 2014; 4: 124 – 132.
8. Formanovskaya N.I. *Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikaciya i pragmatika*. Moskva: IKAR, 2007.
9. Himik V.V. Bolezn' yazyka ili yazyk bolezni? Sovremennaya russkaya rech': sostoyanie i funkcionirovanie. *Sbornik analiticheskikh materialov*. Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2006: 148 – 150.
10. Sladkomedova Yu.Yu. *Kul'turno-prosvetitel'skie programmy na gosudarstvennom radio: strukturno-funkcional'nye i zhanrovo-tematicheskie osobennosti*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2010.

Статья поступила в редакцию 16.06.15

УДК 821.161.1

Nikatieva Z.Sh., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Foreign Languages, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russia), E-mail: uzlipat066@mail.ru

FORMING OF HOMONYMS IN DARGIN AND ENGLISH LANGUAGES. In the present work the researcher fulfils a detailed analysis of the material in the Dargin and English languages, which explores ways and means of the occurrence of homonyms. The analysis of the literature lets the author conclude that in modern Dargin and English a significant number of homonyms are recorded. The author of the work makes a statement that the development of these languages happens more intensively. More new homonyms, homophones and homographs appear, which have a certain language value and are therefore considered as a promising phenomenon for languages. The context clarifies the semantic structure of such words, excluding inappropriate interpretation. The occurrence of homonyms in Dargin and English contributes to the historical course of development of the languages and their systems. This includes phonetic, morphological and semantic transformations that occur in the two languages.

Key words: Dargin language, English language, forming of homonyms, homonymous series, comparative analysis.

З.Ш. Никатиева, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОМОНИМОВ ДАРГИНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В данной работе впервые подробному анализу подвергнут материал даргинского и английского языков, в котором исследуются пути и способы возникновения омонимов. На основе анализа литературы автор делает выводы, что в современном даргинском и английском языках зафиксировано значительное количество слов-омонимов, причём с развитием языков их становится всё больше. Наблюдается появление новых омонимов, омофонов и омографов, что имеет определенную языковую ценность и поэтому рассматривается как явление перспективное для языков. Контекст уточняет смысловую структуру таких слов, исключая неуместное толкование. Возникновению омонимов в даргинском и английском языках способствует исторический ход развития самих языков и их систем. Сюда входят фонетические, морфологические и семантические трансформации, происходящие в языках.

Ключевые слова: даргинский язык, английский язык, возникновение омонимов, омонимические ряды, сопоставительный анализ.

Как известно, слова, составляя лексическое богатство любого языка, находятся во взаимной связи друг с другом. Слова имеют различные значения и осуществляют различные функции. Некоторые слова по значению близки друг другу, а другие, наоборот, бывают с антонимичными значениями. Одни слова, не являясь близкими по значению, похожи друг на друга по внешнему оформлению, форме, написанию и произношению. Ведь омонимичность основывается не на совпадении значений, а на совпадении форм.

Исследователи полагают, что значение и понятие в большинстве случаев образуют логико-предметное единое значение, хотя абсолютного единства понятия и значения, якобы заключённого в конкретных лексических единицах, представить себе трудно, так как любое конкретное значение слова исторически исходит из более обобщённого.

М.-С. Мусаев полагает, что «способность иметь не одно, а несколько значений является приобретённым в процессе исторического развития языка признаком даргинского слова. В момент возникновения слово всегда однозначно. Новое значение приобретается им, как правило, в результате его переносного употребления. Предпосылкой для такого употребления слова, прежде всего, является сходство или смежность явлений» [1, с. 12].

У.У. Гасанова отмечает, что «каждый из компонентов конкретного сложного слова, участвуя в образовании нового термина, как бы воспринимает и включает в свой семантический объём

или семиотическое поле то новое значение или же его оттенок» [2, с. 59].

Омонимия в языкознании – звуковое совпадение различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом [3, с. 344].

Появление омонимов в даргинском языке обусловлено различными факторами: лексическими, морфологическими, деривационными, а также экстралингвистическими. В лексической системе даргинского языка омонимия пронизывает все лексико-грамматические разряды слов и обнаруживает известное многообразие в зависимости от степени омонимичности, семантики и количества компонентов в рядах и от происхождения. В системе омонимов даргинского языка достаточно часто встречаются омонимические ряды существительных: *кьякь* «молоток» – *кьякь* «зернышко»; *кьяна* «ворона» – *кьяна* «ложь»; *тур* «сабля» – *тур* «невод» – *тур* «один раунд»; *мас* «овца» – *мас* «богатство» [4, с. 94, 98].

Но наиболее богато представлены омонимичные ряды в системе глагола даргинского языка: *бикес* «приводить» – *бикес* «мазать»; *бергес* «намотать» – *бергес* «завернуть»; *башес* «ходить» – *башес* «месить».

В системе омонимов даргинского языка большое место занимают и такие ряды, которые состоят из разных частей речи: *бала* «узнает» – *бала* «шерсть», *луги* «давали» – *луги* «колос»; *рузи* «работала» – *рузи* «сестра»; *узи* «брат» – *узи* «работал» и т.д.

Омонимы возникли в процессе развития даргинского языка. Появлению омонимов в даргинском языке послужили причиной следующие явления:

1. В результате фонетических и орфографических изменений в языке происходит совпадение в звучании. Те слова, которые ранее различались в написании или в произношении, стали омонимами, т. е. они приобретают одинаковую звуковую оболочку.

2. Распад полисемии. Неодинаковые значения одного и того же слова начинают восприниматься как разные слова. Происходит расщепление полисемантического слова: *мурталпра* «всегда» – *мурталпра* «никогда»;

3. Общность в звучании исконного и заимствованного слова. Приведем примеры: *иту* «побьет» – *иту* «утюг» (рус.); *га* «дай» – *га* «гектар» (рус.); *итни* «избиение» – *итни* «понедельник» (араб.) и т.д.

4. Общность в звучании у слов, заимствованных из разных языков. Примеры: *минала* «минный» (рус.) – *минала* «исконный» (перс.); *баян* «баян» (рус.) – *баян* «довод» (араб.) и т.д.

5. В процессе словообразования и формообразования возникают омоформы: *асли* «если скажу» (услов.накл.) от эс «сказать» – *Асли* «жен.имя»; *чумли* «скольким» (эрг.падеж) от *чум* «сколько» – *Чумли* «название села»; *лут1и* «дно» – *лут1и* «грабил» от *лут1ес* «грабить» и т.д.

В английском языке схожие по написанию или звучанию слова могут иметь разные значения. Здесь важно точно понимать смысл сказанного или написанного, так как одно и то же слово в контексте предложения может иметь совершенно разное значение. При полном совпадении материальной формы некоторые слова могут принадлежать к разным частям речи.

В современном английском языке омонимы охватывают лексику, морфологию и словообразование. Они составляют достаточно большой массив словарного фонда, по нашим подсчетам более 15 процентов. Здесь также имеются так называемые лексико-грамматические омонимы, возникающие в результате конверсии, когда одно слово переходит в другую часть речи. Таких омонимов в английском языке множество.

Возникновению омонимов в английском языке послужили причиной следующие явления:

1. Совпадение звуковой формы слов, имеющих разные значения: *a work* «дело» – имя существительное и *to work* «работать» – глагол;

2. Омонимы появляются вследствие процессов дивергенции и конвергенции;

3. Заимствования из латыни и других языков также оказывают заметное влияние на увеличение объема омонимов в английском языке.

4. В результате случайного совпадения формы при фонетических изменениях и заимствованиях образовалось достаточное количество омонимов в английском языке.

5. А также вследствие компрессии словосочетаний и при конверсии.

6. Возникновению омонимов способствует полисемия, которая уже подверглась процессу разрушения.

7. Некоторые омонимы возникли в результате обособления значения многозначного слова.

Исследователями предлагаются множество классификаций омонимов английского языка. Наиболее привлекательным, на наш взгляд, является классификация И.В. Арнольда, в котором он предлагает распределить все омонимы 12 классов [5, с. 67].

По подсчету Л.В. Малаховского основной структурной единицей омонимии является не отдельный омоним, а группа омонимичных друг другу слов, т.е. омонимический ряд [6, с. 123]. Исследователи дифференцируют два типа омонимических рядов. Первый тип составляют ряды из омонимичных лексем. Второй тип образуют ряды омонимичных словоформ.

В современном даргинском и английском языках зафиксировано значительное количество слов-омонимов, причем с развитием языков их становится все больше. Наблюдается появление новых омонимов, омофонов и омографов, что имеет определенную языковую ценность и поэтому рассматривается как явление перспективное для языков. Контекст уточняет смысловую структуру таких слов, исключая неуместное толкование.

В обоих исследуемых языках пути возникновения омонимов частично совпадают. Это совпадение в звучании у даргинских слов, заимствованных из разных языков; заимствования из латыни и других языков в английском языке, оказывающие заметное влияние на увеличение объема омонимов; распад полисемии в даргинском языке, т.е. несхожие значения одного и того же слова начинают восприниматься как разные слова; возникновению омонимов в английском языке способствует полисемия, которая уже подверглась процессу разрушения. Омонимы сопоставляемых языков могут принадлежать к разным сферам употребления и обладают неоднозначной экспрессионной окраской. В обоих языках омонимы могут появиться и как следствие внешних языковых условий, например, вследствие развития промышленности, ремесел и т. п.

Таким образом, возникновению омонимов в даргинском и английском языках способствует исторический ход развития самих языков и их систем. Сюда входят фонетические, морфологические и семантические трансформации, происходящие в языках.

Библиографический список

1. Мусаев М.-С.М. *Лексика и словообразование даргинского языка*. Махачкала, 2009.
2. Гасанова У.У. *Лексический состав и словообразование хайдакского диалекта даргинского языка*. Махачкала, 2011.
3. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1990.
4. Арнольд И.В. *Лексикология современного английского языка*. Москва, 1996.
5. Никатуева З.Ш. *Даргинско-русский словарь омонимов*. Махачкала, 2014.
6. Малаховский Л.В. *Теория лексической и грамматической омонимии*. Ленинград, 1990.

References

1. Musaev M.-S.M. *Leksika i slovoobrazovanie darginskogo yazyka*. Mahachkala, 2009.
2. Gasanova U.U. *Leksicheskij sostav i slovoobrazovanie hajdakskogo dialekta darginskogo yazyka*. Mahachkala, 2011.
3. *Lingvisticheskij "enciklopedicheskij slovar"*. Moskva, 1990.
4. Arnol'd I.V. *Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka*. Moskva, 1996.
5. Nikatueva Z.Sh. *Darginsko-russkij slovar' omonimov*. Mahachkala, 2014.
6. Malahovskij L.V. *Teoriya leksicheskoi i grammaticheskoi omonimii*. Leningrad, 1990.

Статья поступила в редакцию 15.06.15

УДК 811.161.1'28; 811.161.1'373.

Popovicheva I.V., Cand. of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Russian Tambov State University n. a. G.R. Derzhavin (Tambov, Russia), E-mail: irinapopovicheva@mail.ru

CLUSTER-ANALYSIS OF A LEXICAL GROUP "CHILD" IN RUSSIAN FOLK IDIOMS. The article presents research of a thematic group "Child" in Russian folk idioms and is made on the material of lexicographic data of "The vocabulary of Russian public idioms". A conducted cluster-analysis let represent this lexical massive as a complex of groups and sub-groups of units, which are combined semantically. The research lets emphasize the most important informational sections in the linguistic image of a child. The article shows considerable statistics data. In conclusion the paper shows that the more presentative information in the Russian dialects is representative by nature and physic qualities of a child, which are important for people, who speak these dialects. Particular features of psychological qualities of children, their behavior, growth, social marked signs are important for these people as well. The materials

of the research can be used for definition of specifics of the analyzed linguistic sphere, in the works concerning the comparative type in the aspect of an opposition "literature language – dialect language".

Key words: Russian folk idioms, lexical group "Child", cluster-analysis.

И.В. Поповичева, канд. филол. наук, доц. Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, E-mail: irinapopovicheva@mail.ru

КЛАСТЕР-АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РЕБЁНОК» В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований «Образ ребёнка в социокультурной картине мира русских крестьян» (проект № 13-34-01005).

Статья посвящена исследованию лексики тематической группы «Ребёнок» в русских диалектах и выполнена на материале «Словаря русских народных говоров». Кластер-анализ позволил представить данный лексический массив как совокупность множеств и подмножеств (подгрупп) семантически связанных единиц, выделить наиболее важные информационные блоки в языковом образе ребёнка. В заключение сделаны выводы о том, что наиболее предстательно в русских диалектах репрезентирована информация о природных и физических свойствах ребёнка, важными для диалектоносителей оказываются особенности психических свойств детей, их поведения, развития, а также социально обусловленные признаки. Материалы статьи могут быть использованы для определения регионального своеобразия анализируемого языкового участка в аспекте оппозиции «литературный язык – диалектный язык», а также в исследованиях национальной языковой картины мира в целом и ее отдельных фрагментов.

Ключевые слова: русские народные говоры, лексическая группа «Ребёнок», кластер-анализ.

В современных социогуманитарных исследованиях «детская» тема стала одной из приоритетных. Научная интерпретация, осмысление, методология анализа феномена детства и его конституэнтов широко представлены в социологических, философских, педагогических, психологических, этнографических работах.

В лингвистике концепты *детство*, *дитя*, культурно-языковой образ ребёнка, лингвоэтнографическое поле «детский мир» также уже не раз были объектами изучения.

В 90-е годы материалы по народной обрядности и традиционным представлениям о детях, репрезентированные в близкородственных славянских языках и культурах, становятся объектом изучения с учетом значительно расширившейся методологической базы этнографической науки и разработки нового направления в лингвистике – этнолингвистики. Результатом научной деятельности А.К. Байбурина, К.В. Чистова, В.И. Ереминой, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.В. Головина, Д.А. Баранова, Э.И. Зеленой, И.А. Седаковой, Т.А. Листовой, Г.А. Носовой, Т.И. Кухаронак и др. стал ряд значимых работ лингвоэтнографического и культурносемиотического характера.

Активизация научного интереса к лексике тематической группы «Ребёнок» на материале областных диалектов в то время способствовала разработке проекта «Лексический атлас русских народных говоров». Анализ этого семантического объединения посвящены статьи Л.П. Батыревой, Т.Ю. Власкиной, Л.И. Лариной, Л.И. Меркуловой, В.Ф. Филатовой и др., опубликованные в сборниках «Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования», ежегодно издаваемых с 1991 года ИЛИ РАН (Санкт-Петербург).

На современном этапе развития лингвистической науки изучение феномена детства и составляющих его репрезентаторов проводится в русле идей и теоретических положений когнитивной лингвистики [1 – 4] и лингвокультурологии [5 – 7]. Вместе с тем в исследованиях языковых единиц семантических полей «Детство», «Ребёнок» по-прежнему остаются востребованными методы традиционной лексикологии, лексической семантики, семасиологии: в частности, методы полевого конструирования, семного анализа и анализа денотативно-коннотативной структуры слова [6, 8 – 19 и др.]. Объектом научного описания служат как кодифицированный язык и явления современной культуры [1; 2; 4; 11], так и диалектный язык и традиционная культура [5; 6; 9; 12 – 21].

Цель настоящей статьи – представить кластер-анализ структуры лексической группы «Ребёнок» в русских народных говорах. Словарный корпус исследования был получен путем сплошной выборки из «Словаря русских народных говоров» (вып. 1 – 43) [22].

Следует отметить, что в диалектологии уже имеется положительный опыт систематизации и структурирования данного лексико-семантического массива. Безусловно, здесь заслуживает внимания диссертационное исследование М.М. Угрюмовой, выполненное на материале говоров Среднего Приобья. Использо-

уя методику лингвокультурологического портретирования, автор описывает культурные компоненты лексических единиц, которые распределены в работе по следующим группам: наименования 1) общие (родовые) (*детишки*, *детки*, *ребятёнок*, *орда*, *орава*, *сарынь*), 2) называющие детей по признаку возраста (*седук*, *со-сунок*, *грудник*, *парнишка*, *девочка*), 3) номинирующие ситуацию появления детей в семье (*носить* – рожать), 4) отражающие семейную иерархию (*первенец*), семейный статус ребёнка (*сирота*, *падчерица*, *незаконный*, *девий сын*), 5) именующие ребёнка по внешним характеристикам (*буруз*, *сбитень*, *кругляш*), 6) называющие вещный мир детства (*пелёнка*, *штанишки*, *зыбка*), 7) названия детской пищи (*молочишко* – молоко, *папа* (здесь и далее заглавной буквой обозначается ударный звук) – хлеб) [5].

В статье Е.Д. Звуковой на материале данных «Словаря русских народных говоров» для изучения концепта *дитя* / *ребёнок* и его языковой репрезентации в русских диалектах была апробирована методика кластерного анализа. Концептуально связанные единицы классифицированы исследователем по следующим группам: 1) номинации, указывающие на особенности поведения, характера ребёнка (*безум*, *вертень*, *непослух* и т.п.); 2) языковые единицы, называющие мальчика или девочку в раннем возрасте (*богдан*, *малок*, *растун*, *боранчук*, *робя*, *саранёнок*, *отрок* и т.п.); 3) наименования незаконнорожденного ребёнка (*байстрюк*, *богданёнок*, *жирок*, *крапивник*, *заугол* и т.п.); 4) наименования, содержащие возрастную характеристику ребёнка (*блazenь*, *выпльш*, *грудник*, *годовик* и т.п.); 5) номинации, реализующие сему «толстый» (*бухряк*, *опекуш*, *пухляк*, *сбитень*, *здоровец*, *намытыш* и т.п.); 6) номинации, указывающие на последовательность появления ребёнка в семье (*малыша*, *поздныш*, *последок*, *первинчик*, *початыш* и т.п.) и т.д. Всего выделено 20 таких подгрупп [20, с. 6–8]. На основании кластер-анализа автором статьи сделаны выводы о том, что диалектоносители большое внимание уделяют особенностям характера, поведения ребёнка, законности рождения; многочисленны единицы, называющие мальчика или девочку в раннем возрасте, что, по мнению Е.Д. Звуковой, «связано с расширением синонимического ряда в языке диалектного типа, по сравнению с литературным языком» [20, с. 8].

П.А. Якимов, М.М. Кирина, применив метод концептуального анализа на материале оренбургских говоров, в структуре концепта «Ребёнок» выделили 4 микроконцепта, которые по количеству вербализаторов распределяются следующим образом: 1) «Детская игра» (*застукалки* – игра в прятки; *клёк* – игра в городки; *шабалка* – лапта и т.п.); 2) «Детский характер» (*армай* – озорник; *галда* – крикун; *задирун* – задира и т.п.); 3) «Детские болезни» (*полуношница* – бессонница; *гуньба* – молочница; *кочерга* – частые судороги и т.п.); 4) «Возраст» (*бельмешок*, *лежень* – грудной ребёнок; *полползень* – ребёнок-ползун и т.п.). В заключение исследователи пишут о том, что в диалектном языке лексем для вербализации выделенных микроконцептов значительно больше, чем в современном русском языке, в связи с чем диалектный материал «позволяет значительно обогатить представления о русской национальной языковой картине мира» [21, с. 219].

Анализу отдельных семантических групп и подгрупп лексического поля «Ребёнок» посвящены статьи М.В. Костромичевой, Л.И. Лариной, М.М. Урюмовой, Н.Г. Архиповой, А.В. Закировой и др.

В частности, М.В. Костромичева рассмотрела диалектные наименования, отражающие разные стадии развития детей, и сделала вывод о том, что большая часть таких именований связана с номинациями приобретаемых навыков ребёнка и характеризует его по признаку «ребёнок еще не умеет делать что-либо» / «начинает делать что-либо» / «уже умеет делать что-либо» [14, с. 78]. Для маленьких детей соответствие этапам развития и физическая полноценность определялись прежде всего своевременностью формирования умений говорить и ходить. Подчеркивая значимость этих этапов, диалектоносители, как отмечает М.В. Костромичева, номинируют «каждую отдельную фазу в процессе моторных и вербальных способностей ребёнка» [14, с. 76].

Диалектные слова и словосочетания, называющие внебрачных детей, были предметом научных статей Л.И. Лариной, Н.Г. Архиповой, А.В. Закировой и др.: исследователи отмечают их многочисленность в говорах и ярко выраженный оценочный характер [15; 16; 18].

Несмотря на имеющиеся в лингвистике работы по структурному и семантическому анализу диалектного материала лексической группы «Ребёнок», научные поиски в этом направлении продолжают: каждая мотивированная классификация позволяет сделать новые выводы и обобщения по вопросам языковой репрезентации образа ребёнка в традиционной русской лингвокультуре, обогатить эмпирическую базу знаний о русских диалектах, этническом менталитете.

Новизна настоящего исследования определяется обширностью исследовательского материала и основаниями классификации.

Обратившись к данным «Словаря русских народных говоров», невозможно не обратить внимания на многочисленность в диалектном лексиконе слов, номинирующих детей, их действия, состояния, признаки, а также реалии «детского» мира (детские игры, предметы ухода за детьми, детские болезни и т. д.). Как показывает статистический анализ, в «Словаре русских народных говоров» [22; Вып. 1 – 43] только лексическая группа «Ребёнок» (не считая слов других групп одноименного семантического поля) представлена как минимум 700 номинативными единицами. Все они объединены семантическим компонентом «малолетний субъект», который в лексических значениях слов группы конкретизируется дефинициями «ребёнок, дитя (дети)», «мальчик», «девочка», «подросток», «о ребёнке (о детях)», «о девочке», «о мальчике».

Данный лексический массив может быть представлен как совокупность множеств и подмножеств (подгрупп). Так, множество «**Ребёнок (дети): общие обозначения. Обращения**» (всего 32 % наименований) состоит из таких семантических подгрупп, как:

- наименования малолетнего субъекта без указания на признак пола (например: **дЕта**, **детЯтко**, **дитЁ**, **дитЯтенька**, **ербезЁнок** – дитя, ребёнок; **зЯблЁнок**, **кавЕкуш**, **опЁстыш** – ребёнок; **добЫток** – о ребёнке; **зЮзюшка** – ласкательное название ребёнка; **молодЁнушка** – молодой человек, ребёнок («Ушел, ушел Иенат со тиха Дона; Увел сорок тысяч только сердавых, А молоденушек, малых детушек, И смету нет»). Казаки-некрасовцы [22; Вып. 18, с. 221 – 222]; всего 5%);

- слова-обращения к ребёнку (**божевОльник** – ласковое обращение к ребёнку («Ваня, **божевольник**, ты ходи ко мне, а то там забьёшься»). Смол. [22; Вып. 3, с. 61]); **болЕзка** – ласковое обращение к человеку, особенно к ребёнку; **голубЯтки** – ласковое обращение к детям; **кавЕкуш** – шутовское обращение к ребёнку; всего 24 %);

- наименования двух и более детей, группы детей (**зав-шаА** – дети, детвора; **детвА** – дети (с примеч.: [«употребляется в некотором презрительном или укорительном виде»] Курск. «ДетвА осилила: их одеть, обуть надо». Орл., Ворон., Дон., Куйбыш. [с примеч. «чаще всего маленькие дети одной семьи»] [22; Вып. 8, с. 37]); **детИна** – детвора, дети; всего 2,5 %).

Множество «**Названия ребёнка (детей) по характерным признакам, свойствам, качествам, действиям**» более сложное, оно состоит из следующих подгрупп:

- наименования ребёнка, содержащие прямую или косвенную возрастную характеристику: **маленький ребёнок** (грудной ребёнок, младенец: **авАка**, **груднИк** – грудной ребёнок; **блА-день** – младенец; **годовАльчик** – годовалый ребёнок; ребёнок в период между младенческими и подростковым возрастом: **блА-**

зень – маленький ребёнок; **блАзнятА** – маленькие дети; всего 18%), **ребёнок подросткового возраста** (**большУн** – подросток, мальчик высокого роста; **большУнья** – о девочке-подростке; **ко-былЁха** – о девочке-подростке или девушке; всего 3%);

- наименования малолетнего субъекта с указанием на признак пола: **ребёнок-мальчик** (**борончУк** – ребёнок мужского пола; **малАй** – ребёнок, сынишка, мальчик, парнишка; **малкО** – мальчик, парень; **мальчУжка** – мальчик, мальчуган; всего 2,5 %); **ребёнок-девочка** (**девча(е)нУшка** – девочка; **девчЕшечка** – маленькая девочка; **девчОшко** – девчонка; **девчУга** – девочка; всего 3 %);

- упитанный, здоровый ребёнок, крепыш (**бухрЯк** – толстый, здоровый ребёнок или подросток; **закомЁлок** – крепкий, здоровый ребёнок; **запестовАтик** – толстый ребёнок, толстяк; **лузЗан** – о здоровом ребёнке; **обарАбок** – толстый неповоротливый ребёнок; всего 4%);

- хилый, худой, болезненный ребёнок (**никудаЫка** – болезненный ребёнок; **пИглицА** – больной ребёнок; **понОзырь** (**понозырь**) – рахитичный ребёнок; **сдОхлик** – слабый, хилый, болезненный человек (чаще о ребёнке); всего 1,5 %);

- наименования ребёнка по особенностям внешности: волос, лица, физического строения, роста (**курнОсочка** – о ребёнке с курносим носом; **курчАвешка** – о курчавом ребёнке; **снеговИна** – ребёнок с белым, как снег, лицом; всего 2 %);

- ребёнок, который мочится во время сна в постель или вообще часто мочится (**бУрила** – ребёнок, который ночью мочится под себя; **полУн** – ребёнок, который часто мочится; всего 1%);

- плаксивый, капризный ребёнок (**блИнница** (**кислая блИнница**) – плаксивый ребёнок; **быз** – о плаксивом, капризном ребёнке; **вереззУн** – плаксивый, крикливый ребёнок, плакса; **во-етУжка** – плаксивый ребёнок; всего 10%);

- беспокойный, подвижный ребёнок (**бЕзум** – беспокойный, шаловливый ребёнок, непоседа; **бродУля** – неусидчивый ребёнок; **быстрЯк** – о резвом, шаловливом мальчике; **верете-НО** – очень подвижный, непоседливый человек, непоседа (обычно о ребёнке); всего 9%);

- избалованный, изнеженный ребёнок, требующий к себе особого внимания (**дрОчка** – избалованный, изнеженный ребёнок; **мОдник** – избалованный, капризный ребёнок; **мыЗя** – неженка, капризный, избалованный ребёнок; **наКаверзень** – о ребёнке, любящем быть постоянно на коленях; всего 3%);

- непослушный ребёнок (дети) (**неГолос** – непослушный ребёнок; **северьгА** – непоседливый, непослушный ребёнок; **со-бинка** – о непослушном, шаловливом ребёнке; **сыранЯта** – шаловливый, непослушные дети; всего 2%);

- неопрятный ребёнок, неряха (**гадыш** – неопрятный, нечистоплотный ребёнок («Экой **гадыш**, уж на его не наденъ белой рубахи, **тотчас вывалывается в песок да в грязь**»). Волог. [22; Вып. 6, с. 92]); **дрызгА** – ребёнок, который любит дрызгаться, пакнуть; всего 1%);

- ребёнок, поведение и действия которого не соответствуют его возрасту (**вАженка** – девочка, старающаяся казаться взрослой; **жеребЯтник** – юноша, играющий с маленькими детьми; **зарОдок** – ребёнок, развитый не по летам; всего 1%);

- незаконнорожденный ребёнок (**сыромЯть**; **баяОн**; **безбАтьковщина**; **беспУток**; **богданЁнок**; **быстрЮк**; **валЯвка**; всего 10%);

- ребёнок-сирота (дети-сироты) (**Обморок**; **Обморух**; **остАльчик**; **безОтня**; всего 7%);

- неродной ребёнок (взятый на воспитание или подкидыш) (**безымЕнка** – ребёнок-подкидыш; **вабья** (**вабья**) – подкидыш, найдёныш, чужой ребёнок, принятый в семью; **взЯток** – приемный ребёнок, подкидыш; **воспитАльчик** – ребёнок, взятый на воспитание; **выкормыш** – неродной, приемный ребёнок; **кормЁ-нок** – приемный ребёнок; **найДен** – подкидыш; всего 5%);

- наименования ребёнка, указывающие на его социальное происхождение (**варначАта** – дети каторжников (варнаков); **горюшАта** – о детях горемыки, бедняги; **казАченька(о)** – ребёнок казака; **лЯмочник** – о крестьянском парне-подростке; всего 1 %);

- ребёнок, родители которого разной национальности (**пАболдырь** – ребёнок, у которого один из родителей русский, другой метис, второе поколение метисов; **полушпанЁнок** – ребёнок, родители которого разной национальности («Нянька его молоканка, а отец азербейжанец, а сам он, выходит, **полушпанёнок**»). Азерб. ССР. [22; Вып. 29, с. 172]; всего 1%);

- наименования ребёнка по последовательности рождения: **первый ребёнок** (**первИнчик**; **первоУченко**; **почАтыш**; **почИночек**; **почИнышек** («Медведь спрашивает [лису] – Кума,

кума, как зовут? – **Починишком**». Свердл. [22; Вып. 31, с. 15]); всего 1,5%), **последний ребёнок** (**заскрёбок**; **опоследушек**; **остАтня**; **подскрёбок**; **поскрёбышек**; всего 3%);

- дети (один из детей), одновременно рожденные одной матерью (**двоЕшни** – двойня; **двоЕчник** – один из мальчиков-близнецов; **двоЕчница** – одна из девочек-близнецов; всего 3%);

- единственный ребёнок (**одинАковка** – единственная дочь или внучка; **одинАкушка** – единственный сын или единственная дочь в семье («**Одинакушка-то** – одно чадо у матери, дак платья-то накладывают, богатая невеста». Арх. [22; Вып. 23, с. 26]); **одинАкушко** – единственный сын в семье («**Одинакушко** хороший жених, место делить не надо». Арх. [22; Вып. 23, с. 26]); **одинАрка** – единственная дочь у родителей («Если девица у отца **одинарка**, сына нет, то на её тоже давали землю». Арх. [22; Вып. 23, с. 26]); всего 2,5 %);

- любимый ребёнок (**кохАнка** – любимый ребёнок; **напёрсток** – о любимом ребёнке; **обнимыш** – любимый ребёнок, баловень («Баба возиться с **обнимышем** своим». Даль [без указ. места] [22; Вып. 22, с. 20]); всего 1%);

- поздний ребёнок (**опОздок**; **опОздыш**; **поздОнушка**; **пОздыш**; всего 0,5%);

- ребёнок, систематически выполняющий определённое трудовое поручение (**бороноволОчка** – девочка-бороновальщица; **бороноволОк** – подросток-бороновальщик (Свой **бороноволОк** дороже чужого работника (пословица). Даль [без указ. места]. [22; Вып. 3, с. 117]); **захлЕбenniца** – девочка-нянька («В избах, во время полевых работ, остаются старики и старухи, чтобы присмотреть за детьми, – для этого иногда нарочно держат девочек-подростков лет 10 или 12-ти, которые называются **пестуньями** – им за это никакой платы не дается, а только поят и кормят их, и потому их зовут **захлЕбenniцами**». Арх. [22; Вып. 11, с. 149]); всего 2,5 %);

- ребёнок до совершения над ним таинства Святого Крещения (**лоп**; **богдАн** («Некрещен, так и **Богдан**». «Всех ребят до крещения зовут **Богданами**» [без указ. места]. [22; Вып. 3, с. 47]); **некрещЕнник** («А его унучки **некрещенники**, присыпаники и скидуши». Смол. [22; Вып. 32, с. 7]); всего 1%);

Единичные наименования: ласковый ребёнок (**гИза** – о хитрой и ласковой девочке; **лизУнчик** – ребёнок, любящий ласкаться, целоваться; **лисоейк** – ласковый ребёнок); **своенравный, упрямый ребёнок** (**бык** – об упрямом, капризном ребёнке; **крутЯк** – своенравный, упрямый мальчик; **мурЗа** (**мурЗа**) – упрямый ребёнок); **ленивый ребёнок** (**отдОвка** – непослушная, ленивая девочка («Люба **отдОвка** такая вредна, отдувается, ни за что не пошлешь, все отдувается (отказывается)». Арх. [22; Вып. 24, с. 166]); **стерх** – о ленивом ребёнке); **смышлЕный, способный ребёнок** (**быстрЕчик** – о способном, остроумном мальчике; **прощУлок** – развита и смысленная девочка («А внучка моя, **прощУлка** такая, уже и читать умеет». Ленингр. [22; Вып. 33, с. 59]); **разговорчивый ребёнок** (**гуторОк**); **послушный ребёнок** (**разУмник** – послушный ребёнок); **ребёнок-голыш** (**голендАй** – ребёнок, бегающий без штанов, в короткой рубашке, голыш; **голычОк** – голый, обнаженный ребёнок, голыш («**Голичок** (**голячок**)» – ласкательное имя раздвешемуся ребёнку». Арх. [22; Вып. 6, с. 295]); **голопуз** – ребёнок с оголенным животом (Астрахань арбузами, а мы **голопузами** (пословица). Даль. [22; Вып. 6, с. 324]); **хорошо одетый ребёнок** (**кУночка** – хорошо одетая девочка; **соплЮн** – о хорошо одетом мальчике; **кАмочка** (**камОчка**) – хорошо одетая деревенская девочка); **ребёнок, участвующий в каком-либо обряде и выполняющий в нем определённую функцию** (**дЕвка** – девочка лет пяти-шести, которую, соблюдая определённый обряд, посвятили в работницы («Когда девочка выпрядет первую нитку и сматает ее на клубочек, ядром которого служит большой хлопок, нарочно приготовленный, берут у девочки пряжу и сжигают ее с хлопком, оставшуюся золоту новопоставленная прядильщица должна выпить и закусить хлебом, тогда над нею смеются: «Это съеси – будешь хороша пряжа». Смол. [22; Вып. 7, с. 317]); **подхвОстничек** – ребёнок, бегающий за ряжеными); **ребёнок, которого подменили** (**обмЕн** – 1) по народному поверью, ребёнка лешего, черта, подмененный на человеческое дитя, 2) бранно по отношению к ребёнку (обычно к мальчику), который плохо себя ведет, 3) подкидыв, незаконнорожденный ребёнок; **переменеНок** – ребёнок, которого подменили).

Границы групп условны: ряд лексем распределяет свои значения по разным подгруппам. Например, половозрастные термины (**девчЕшечка** – маленькая девочка; **недорОсле(и)нка**

– девочка-подросток; **саранЁнок** – мальчик-подросток и т.п.) указывают и на возраст, и на пол ребёнка.

Как видно из вышеприведенной классификации и примеров, особые блоки информации составляют номинации ребёнка (детей):

А) **по природным, физическим свойствам, качествам** (всего 35 % наименований): основанием номинаций служат такие признаки, как **полнота** или **худоба** (**опЕстыш**, **покрёпыш** – полный, здоровый, ухоженный ребёнок; **счирЁнок** – о болезненном, хилом ребёнке), крепкое или слабое **здоровье** (**скри(ы)ла** – болезненный, хилый и плаксивый ребёнок; **ослЁток** – здоровый, толстый ребёнок, крепыш («Смотри какой **ослЕток** у тебя растёт, об камень не расшибешь!» Туп. [22; Вып. 24, с. 22]), **особенности внешности** (**белЯк** – ребёнок, имеющий очень белый цвет лица или волос);

Б) **по психическим, интеллектуальным свойствам, качествам, особенностям поведения и развития** (всего 27, 5%): диалектный лексикон констатирует, что ребёнок может быть спокойный, послушный, ласковый или, наоборот, подвижный, плаксивый, капризный, избалованный, своенравный, упрямый, неопрятный, не соответствующий поведением своему возрасту (**гокунОк** – резвый ребёнок, шалун; **гАлман** – о балованном, шумливом и непослушном ребёнке; **нявгУн** – плаксивый, капризный ребёнок; **плаксуОк** – плаксивый ребёнок; **крутЯк** – своенравный, упрямый мальчик; **подхвОстник** – ребёнок, бегающий за матерью, за взрослыми, ко всем пристающий; **сгОзя** – о неопрятном, сопливом ребёнке; **кобылЯк** – о здоровом рослом мальчике, парне, который ведет себя, как ребёнок);

В) **по социально обусловленным признакам** (всего 24 %). К таковым можно отнести **законность рождения** (незаконнорожденный ребёнок: **выгУлок**; **вдЕлок**; **выпраток**; **мирОн** (с примечанием «от слова «мир» – народ») [22; Вып. 18, с. 173]), **наличие кровной связи между детьми и родителями** (**приводец** – приемный сын, приемыш; **привоЛока** – неродной ребёнок, пасынок или падчерица), **национальную принадлежность отца и матери** (**болдырЁнок** – ребёнок-метис);

Г) **по роли и месту в иерархической структуре семьи, по особенностям рождения** (всего 19, 5%): любимый (**кохАнка**), поздний (**поздОнушка**), единственный (**ордиАрец**), первый / последний (**первИнчик**, **послЕдышек**) ребёнок.

В особую группу можно выделить лексемы, называющие ребёнка **по трудовым или обрядовым функциям и действиям** (всего 4%) (**зЫбник** – мальчик лет семи-восьми, который качает колыбель (зЫбку), когда старшие члены семьи уходят в поле; **казачОнок** – 1) мальчик-подпасок; 2) мальчик-бороновальщик; **монашАта** – мальчики-прислужники в монастыре; **подсекАло** – мальчик, помогающий косцу косить траву; **подхвОстничек** – ребёнок, бегающий за ряжеными).

Представленный кластер-анализ позволяет сделать следующие выводы и обобщения.

Наиболее представительно в русских диалектах репрезентирована информация о природных и физических свойствах ребёнка. Исследователи связывают этот факт с традиционностью представлений о детях, в первую очередь, как о существах природных, являющихся частью физической реальности [17; 23]. Несомненно, соответствие природным нормам рождения и развития, физическая полноценность ребёнка были важны с прагматической точки зрения: определяли его жизнеспособность, а в будущем – жизнеспособность семьи и всего крестьянского социума.

Немаловажным для диалектоносителей был и эстетический критерий оценки (**белЯшка** – белокурая девочка; **криволАпник** – ребёнок с кривыми ногами).

Положительно воспринималась здоровая полнота ребёнка: в народном сознании в отношении детей признак «полный (толстый)» коррелирует с признаками «здоровый», «красивый» («Первый у минЯ во какОй **брудАн** радИлси. Так он фсё жизнь **здыравЯк**, **красАвиц**, а **фтарАй**, **дОчка**, **хУдинькыя** **рыдилАсь**, **МАлинькыя**. **АнА** и **щас** **фсё** **такАя** – **кОжа** **ды** **кОсти**». – [18]; см. также: [5, с. 19]).

Признаки, лежащие в основе наименований детей по психическим, интеллектуальным способностям, особенностям поведения и развития, эксплицируют образ ребёнка как субъекта, которому свойственно и плакать, капризничать (**нявгУн** – плаксивый, капризный ребёнок), и быть жизнерадостным, подвижным, шаловливым (**галюноЧик** – шаловливый, подвижный ребёнок; **зуй** – жизнерадостный, подвижный ребёнок; **отчАюха** – озорной, шаловливый ребёнок), умственно развигивать, обучаться

(*прощУюлка* – развитая и смышленная девочка). Естественными свойствами маленького человека были непонятливость, неопытность, неаккуратность (*пущля* – о ребёнке, который еще мало понимает, смыслит, или о неопытном по молодости человеке («Он еще *пущля*, пусть дома играет». Тул. [22; Вып. 27, с. 48]); *маслюшка* – замасленный, засаленный, неопрятный ребёнок). Как отмечают диалектологи, в отличие от именованного взрослого человека, наименования ребёнка, указывающие на его бестолковость, неопрятность, не несут коннотативной окраски неодобрительности. Формально снисходительное отношение к этому свойству ребёнка выражается в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов (*опёнуш-ЕК*, *несмышл-ЁНК-а* – несмышленныш [14, с. 77]), в обращениях с семантикой оценки («[Внуку], *Грязенький*, иди. Садись вот сюда» [5, с. 10]).

Важными для диалектоносителей оказываются социально обусловленные признаки ребёнка. Здесь, по верному замечанию Т.Н. Бунчук, обращает на себя внимание лексико-семантическая разработанность «правильного» и «неправильного» зачатия [19] (диалектная подгруппа «Незаконнорожденный ребёнок» – одна

из самых многочисленных в рассматриваемом семантическом объединении – 10%), наличие естественных для человека кровных и этнических связей (именования ребёнка-сироты составляют 7% слов группы, а неродного ребёнка – 5%).

С момента рождения крестьянский ребёнок был включен в свою социальную группу (что отражается, например, в количественном составе подгруппы «Наименования двух и более детей, группы детей» – 2,5 %), во внутрисемейные отношения, в систему культурных традиций, а взрослея, включался в трудовую жизнь семьи и сельского общества. Эта область крестьянской реальности отражена в наименованиях детей по их роли и месту в структуре семьи, личностным предпочтениям родителей, по трудовым функциям, обрядовым действиям.

Полагаем, что материалы, представленные в статье, могут быть использованы для определения региональных особенностей анализируемого языкового участка, универсального и локального в мировидении диалектоносителей, способствуют дальнейшему изучению культурно-языкового образа ребёнка в традиционной русской культуре, национальной языковой картины мира в целом и отдельных её фрагментов.

Библиографический список

1. Ашхарава А.Т. *Концепт «дитя» в русской языковой картине мира*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Архангельск, 2002.
2. Калюжная И.А. *Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2007.
3. Кварацхелия Ш.М. *Концептуальное моделирование языкового образа ребёнка в английской реалистической прозе XIX века*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 2007.
4. Лебедева М.Ю. *Концептуальное поле «Детство» и его репрезентация в русском языке*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 2013.
5. Угрюмова М.М. *Лингвокультурологический портрет ребёнка в говорах Среднего Приобья*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Томск, 2014.
6. Коконова А.О. *РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 2011.
7. *Народные представления о детях в языке и культуре диалектного социума*: учебное пособие. Авт.-сост. И.В. Поповичева. Тамбов, 2013; ч.1.
8. Аюпова Е.И. Метафорические наименования ребёнка: деривационная и функциональная специфика. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2008; Выпуск 3; Т. 2: 86 – 89.
9. Зверева Ю.В. Наименования детей, образованные с помощью метафорического переноса, в пермских говорах. *Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования*. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2013: 203 – 212.
10. Кражева А.Л. *Особенности вербализации понятия «child / ребёнок»*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 2009.
11. Поповичева И.В., Бунина М.А. Кластер-анализ структуры семантического поля «Ребёнок» (по лексикографическим данным). *Путь науки*. 2014; Выпуск 6: 69 – 72.
12. Угрюмова М.М. Возраст ребёнка в номинативных единицах: лингвокультурологический аспект (на материале говоров Среднего Приобья). *Вестник Томского государственного университета*. 2014; Выпуск 384: 37 – 41.
13. Угрюмова М.М. Константы народной культуры в языковом воплощении представлений о ребёнке (на материале говоров Среднего Приобья). *Вестник Томского государственного университета*. 2012; Выпуск 359: 25 – 27.
14. Костромичева М.В. Этапы становления ребёнка: особенности именования в говорах. *Ученые записки Орловского государственного университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008; Выпуск 1: 76 – 78.
15. Архипова Н.Г., Закирова А.В. Образ ребёнка в русской языковой картине мира: на примере оппозиций «брачный – внебрачный» и «родной – неродной». *Вестник Амурского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2014; Выпуск 64: 167 – 171.
16. Ларина Л.И. Обозначения внебрачного ребёнка в курских говорах. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2014; Выпуск 1(15): 38–44.
17. Федосеева Н.П., Подюков И.А. Диалектная лексика, характеризующая детей (по данным пермских говоров и коми-пермяцкого языка). *Строгановские чтения*. Усолье, 2006; Выпуск 2: 67 – 75.
18. Поповичева И.В. Социально-оценочный компонент в семантической структуре диалектных слов (на примере лексической группы «Ребёнок»). *Филология и литературоведение*: Научно-практический журнал. Available at: <http://philology.snauka.ru/>
19. Бунчук Т.Н. Языковое выражение представлений о рождении ребёнка в усть-цильме: исследование народной культуры. *Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы*. Сыктывкар, 2008: 27 – 36.
20. Звукова Е.Д. Специфика номинации дитя/ребёнок в языке диалектного типа (на материале «Словаря русских народных говоров» (Вып. 1–42)). *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2012; Выпуск 4: 5 – 10.
21. Якимов П.А., Кирина М.М. Концепт «Ребёнок» в оренбургской диалектной картине мира. *Мир науки, культуры, образования*. 2014; Выпуск 1(44): 218 – 220.
22. *Словарь русских народных говоров*. Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Москва-Ленинград: Наука, 1965 – 2010. Выпуски 1 – 43.
23. Баранов Д.А. *Образ ребёнка в представлении русских о зачатии и рождении: По этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам*. Автореферат диссертации ... кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 1999.

References

1. Ashharava A.T. *Koncept «ditya» v russkojazykovoj kartine mira*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Arhangel'sk, 2002.
2. Kalyuzhnaya I.A. *Koncept «detstvo» v nemeckoj i russkoj lingvokul'turakh*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 2007.
3. Kvaracheliya Sh.M. *Konceptual'noe modelirovanie yazykovogo obraza rebenka v anglijskoj realisticheskoy proze XIX veka*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2007.
4. Lebedeva M.Yu. *Konceptual'noe pole «Detstvo» i ego reprezentaciya v russkom yazyke*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2013.
5. Ugryumova M.M. *Lingvokul'turologicheskij portret rebenka v govorah Srednego Priob'ya*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tomsk, 2014.
6. Kokonova A.O. *ROZHDENIE i SMERT' v prostranstve dialekta*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2011.

7. *Narodnye predstavleniya o detyah v yazyke i kul'ture dialektного sociuma*: uchebnoe posobie. Avt.-sost. I.V. Popovicheva. Tambov, 2013; Ch.1.
8. Ayupova E.I. Metaforicheskie naimenovaniya rebenka: derivacionnaya i funktsional'naya specifika. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2008; Vypusk 3; T. 2: 86 – 89.
9. Zvereva Yu.V. Naimenovaniya detej, obrazovannye s pomosh'yu metaforicheskogo perenosa, v permskikh govorah. *Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya*. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN, 2013: 203 – 212.
10. Kryazheva A.L. *Osobennosti verbalizatsii ponyatiya «child / rebenok»*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2009.
11. Popovicheva I.V., Bunina M.A. Klaster-analiz struktury semanticheskogo polya «Rebenok» (po leksikograficheskim dannym). *Put' nauki*. 2014; Vypusk 6: 69 – 72.
12. Ugrumova M.M. Vozrast rebenka v nominativnykh edinicah: lingvokul'turologicheskij aspekt (na materiale govorov Srednego Priob'ya). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014; Vypusk 384: 37 – 41.
13. Ugrumova M.M. Konstanty narodnoj kul'tury v yazykovom voploschenii predstavlenij o rebenke (na materiale govorov Srednego Priob'ya). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012; Vypusk 359: 25 – 27.
14. Kostromicheva M.V. Etapy stanovleniya rebenka: osobennosti imenovaniya v govorah. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2008; Vypusk 1: 76 – 78.
15. Arhipova N.G., Zakirova A.V. Obraz rebenka v russkoj yazykovoj kartine mira: na primere oppozitsij «brachnyj – vnebrachnyj» i «rodnoj – nerodnoj». *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2014; Vypusk 64: 167 – 171.
16. Larina L.I. Oboznacheniya vnebrachnogo rebenka v kurskikh govorah. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2014; Vypusk 1(15): 38–44.
17. Fedoseeva N.P., Podyukov I.A. Dialektnaya leksika, harakterizuyushchaya detej (po dannym permskikh govorov i komi-permyackogo yazyka). *Stroganovskie chteniya*. Usol'e, 2006; Vypusk 2: 67 – 75.
18. Popovicheva I.V. Social'no-ocennochnyj komponent v semanticheskoy strukture dialektnykh slov (na primere leksicheskoy grupy «Rebenok»). *Filologiya i literaturovedenie*: Nauchno-prakticheskij zhurnal. Available at: <http://philology.snauka.ru/>
19. Bunchuk T.N. Yazykovoe vyrazhenie predstavlenij o rozhdenii rebenka v ust'-cilemskoj narodnoj kul'ture. *Deti i detstvo v narodnoj kul'ture Ust'-Cil'my: Issledovaniya i materialy*. Syktyvkar, 2008: 27 – 36.
20. Zvukova E.D. Specifika nominatsii ditya/rebenok v yazyke dialektного tipa (na materiale «Slovara russkikh narodnykh govorov» (Vyp. 1-42)). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Russkaya filologiya. 2012; Vypusk 4: 5 – 10.
21. Yakimov P.A., Kirina M.M. Koncept «Rebenok» v orenburgskoj dialektnoj kartine mira. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014; Vypusk 1(44): 218 – 220.
22. *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova. Moskva-Leningrad: Nauka, 1965 – 2010. Vypuski 1 – 43.
23. Baranov D.A. *Obraz rebenka v predstavlenii russkikh o zachatii i rozhdenii: Po etnograficheskim, fol'klornym i lingvisticheskim materialam*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 1999.

Статья поступила в редакцию 15.07.15

УДК 811.111

Abulaysova N.A., Candidate of Sciences (Philology), senior lecturer, Head of Department of Foreign Languages, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russia), E-mail: Gadjiev82@mail.ru

Ragimkhanova L.K., Candidate of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Foreign Languages, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russia), E-mail: Gadjiev82@mail.ru

Sheygasanova G.M., Candidate of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Foreign Languages, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russia), E-mail: Gadjiev82@mail.ru

EMOTIONALLY EXPRESSIVE VOCABULARY IN MODERN ENGLISH. This article investigates the emotionally-expressive vocabulary in the modern English language. A team of the researchers have used the material of stories by John Cheever "The Sutton Place Story", "Christmas is a Sad Season for the Poor", "The death of Sustina". The background of the work is to reveal and analyze definite language units, which are emotionally marked. In the work the authors use a descriptive-analytical method of the investigation. This method deals with the description and analysis of the investigated facts. In the paper the authors tried to show borderlines of the emotionally-expressive vocabulary in the aspect of the investigation. Analyzing emotionally-expressive vocabulary the researchers have singled out groups of adjectives, nouns and verbs and described emotions that they express.

Key words: emotionally-expressive vocabulary, imagery expressiveness, interjections, largening expressiveness expressively-connonative color, emotionally-marked words.

Л.К. Рагимханова, канд. филол. наук, доц., зав. межкафедетской каф. иностранных языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: Gadjiev82@mail.ru

Н.А. Абулайсова, канд. филол. наук, доц. межкафедетской каф. иностранных языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: Gadjiev82@mail.ru

Г.М. Шейгасанова, канд. филол. наук, доц. межкафедетской каф. иностранных языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала, E-mail: Gadjiev82@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа посвящена исследованию эмоционально-экспрессивной лексики. Мы использовали материалы рассказов Джона Чивера "The Sutton Place Story", "Christmas is a Sad Season for the Poor", "The Death of Sustina". Целью работы является выявление и анализ отдельных языковых средств, несущих экспрессию. В работе был использован описательно-аналитический метод исследования, который предполагает описание и анализ исследуемых фактов. В работе даётся общее определение эмоционально-окрашенной лексики. Нами сделана попытка очертить границы эмоционально-экспрессивной лексики в аспекте нашего использования.

Ключевые слова: эмоционально-экспрессивная лексика, образная экспрессивность, увеличительная экспрессивность, междометия, эмоциональная окраска, экспрессивно-коннотативные слова.

Целью нашего исследования является определение состава эмоционально-экспрессивной лексики и её границы. В соответствии с целью нами была изучена теоретическая литература по данной проблеме. Работы В.В. Виноградова, М.Н. Кожинной, А.И. Смирницкого, Е.М. Галкиной-Федорук, В.А. Звягинцева,

О.С. Ахмановой, Н.М. Разинкиной и других стали основополагающими в области изучения экспрессивной лексики.

Необходимо отметить, что не существует ни одного специального словаря, который точно описывал бы экспрессивную лексику. Отмечается неупорядоченность терминологии, мно-

гозначность термина «экспрессия», хотя многие исследователи-лингвисты оценивают экспрессивную функцию языка как важную, существенную. Современная лингвистика рассматривает проблему употребления экспрессивной лексики как заслуживающей изучения в разных аспектах на разном языковом материале. Слово и его вариант обладает эмоциональным компонентом значения, если выражает эмоции или чувства. Эмоцией называется относительно кратковременное переживание: радость, огорчение, удовольствие, тревога, гнев, удивление. Чувство – более устойчивое отношение: любовь, ненависть, уважение и т.д. Слово обладает оценочным компонентом значения, если оно выражает положительное или отрицательное суждение о том, что оно называет, т.е. одобрение или неодобрение [1].

Эмоциональный компонент возникает на базе предметно-логического, но, возникнув, характеризуется тенденцией вытеснения предметно-логического значения. На первый план в таких конструкциях выступает именно эмоционально-экспрессивный компонент, он становится определяющим [2].

Согласно И.В. Арнольд, лексическое значение каждого отдельного лексико-семантического варианта слова представляет сложное единство денотативного (основного) и коннотативного значения [3].

В коннотативное значение входит эмоционально-оценочный, экспрессивный и стилистический компонент значения.

Слово обладает экспрессивным компонентом, если своей своеобразностью или каким-либо другим способом, подчёркивает, усиливает то, что называется в этом же слове или в других, синтаксически связанных с ним словах. Различают экспрессивность образную и увеличительную.

Образная экспрессивность представляет поэтическое восприятие мира. Она многообразна и чрезвычайно сложна для изучения.

Увеличительная экспрессивность изучена достаточно полно. Она представлена такими словами, которые получили специальное обозначение интенсификаторы [4]. Нам необходимо подчеркнуть, что употребление таких простых интенсификаторов, как

all, ever, even, quite, really, absolutely, so даже при первом чтении изучаемого рассказа достаточно частотно.

Так, к группе интенсификаторов возможно отнести усиленные наречия, которые образуются от разных основ, обозначающих эмоции. Очень много таких наречий образовалось от слов, обозначающих страх: *frightfully, awfully, terribly* и т.д.

Их широкая употребительность свидетельствует о подавлении лексического значения в пользу усилительного компонента: *she looks frightfully well, frightfully decent, frightfully nice, terribly smart, terribly amusing, terribly friendly, awfully pleased*.

Как отмечают Левицкая и Фитерман, в словарном составе каждого языка существует довольно значительная группа слов, имеющих постоянное эмоциональное значение [5]. Эмоциональное значение присуще определённой группе слов, обозначающих всевозможные чувства и эмоции.

Это слова, которые не указывают на предметы, явления или понятия в реальной действительности. Эмоциональное значение слова возникает благодаря тем ассоциациям, которые оно вызывает. Эти ассоциации могут быть положительными или отрицательными в самом широком плане, а не в узком оценочном смысле.

Ассоциации могут быть закреплёнными за словом, постоянно присутствовать в его семантической сочетаемости с определёнными словами из контекстуальных соображений, потом превращаются в относительно постоянные.

Как считает И.В. Арнольд, в категорию слов эмоционального значения входят слова разных групп.

На одном полюсе находятся междометия, т. е. слова, не имеющие на сегодня денотативного значения или его утратившие, как, например, приветствия: *oh, ah, Pooh, damn*.

С точки зрения Арнольда междометия являются чистыми знаками эмоции [3]. Эти слова составляют совершенно особый строй лексики, поскольку у них нет предметно-логического значения. В междометиях сосредоточены все типические черты, отмечающие эмоциональную лексику: синтаксическая факультативность, т.е. возможность опущения без нарушения структу-

Таблица 1

Эмоционально-экспрессивные прилагательные в прозе Джона Чивера

положительные	отрицательные	нейтральные	всего
18	27	3	48
divine	terrible	sensible	
wonderful	vulgar	grave	
beautiful	ignorant	discretionary	
hearty	bitter		
comfortable	desperate		
lovely	hysterical		
amiable	dreadful		
gentle	filthy		
powerful	insane		
burning	sad		
lucky	hesitant		
merry	miserable		
astonishing	preposterous		
humble	cruel		
lively	degrading		
grateful	rough		
merciful	satanic		
cheerful	angry		
	threatening		
	sarcastic		
	inane		
	formidable		
	terrifying		
	intolerable		
	distasteful		
	harsh		
	terrible		

ры фразы; отсутствие синтаксических связей с другими частями предложений, семантическая насыщенность, которая состоит в том, что присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию.

На другом полюсе находятся слова, являющиеся названием различных чувств или человеческих качеств, как, например: *love, heat, envy, pain, joy, gaily*.

Слова эмоционального значения имеют много лексико-семантических вариантов, обладают большим количеством оттенков значений и их семантические границы не столько широки, сколько расплывчаты. Благодаря этому у них легко возникают дополнительные контекстуальные значения, поскольку они легко сочетаются с самыми разнообразными словами [6].

Многие из них легко теряют свое основное значение, употребляясь преимущественно в коннотативном плане, а некоторые прилагательные или наречия – превращаются в усилители (интенсификаторы).

Рассмотрим сложность семантической структуры прилагательного *fierce*, которое имеет следующие значения:

1. свирепый, лютый, жестокий;
2. неистовый, сильный;
3. неудержимый, горячий;
4. бодрый, энергичный;
5. невыносимый, отвратительный.

Her fierce glance became furious, as she directed it from Renny's

Faceto Earnist's. В её свирепом взгляде загорелась ярость, когда она перевел глаза с Рени на Эрнеста.

Слова эмоционального значения обладают широким спектром, легко поддаются индивидуальному употреблению и часто выражают субъективное (личное) отношение автора. В различных контекстах выявляются разные грани или оттенки их значений. Поэтому они легко приспосабливаются к любому контексту [7].

Роль контекста очень значительна в отношении слов эмоционального значения. В ряде случаев слово, лишенное эмоционального значения, приобретает его именно благодаря контексту.

В данной работе исследуются эмоционально-экспрессивные прилагательные в прозе Джона Чивера. Всего эмоционально насыщенные прилагательные в рассказах *"The Sutton Place Story"*, *"Christmas is a Sad Day for the Poor"*, *"The Death of Sustina"* представлены 48 единицами. Из них 27 единиц имеет отрицательную окрашенность – *Her taste, Katherine thought, was avaricious and vulgar*.

18 единиц имеют положительную окраску – *She was a beautiful girl with wonderful heavy hair that had lights of silver and gold*.

3 единицы – нейтральную окраску – *1 thought suddenly of the neglected graves of my three brothers*

Следует отметить своеобразие использования прилагательных и наречий, которые усиливают эмоциональность прилагательных, если они стоят перед этим прилагательным.

Например: *terribly funny*.

Далее, хотелось бы обратить внимание на частотность суффикса – *full* в прилагательных, в материале он представлен 10 единицами. Например: *distasteful*. Писатель намеренно использует прилагательные, образованные от существительных, при этом существительные, как правило, несут отрицательную нагрузку.

Всего эмоционально-экспрессивных глаголов в исследуемых рассказах насчитывается 35 единиц. Из них 27 единиц имеют отрицательную окрашенность – *Children bored and irritated her*.

6 единиц имеют положительную окрашенность – *She said that she loved children and had always wanted children herself*.

2 единицы нейтральную окрашенность – *Each manhole cover, excavation, and flight of stairs dominated the brilliance of the day like he reverse emphasis of a film negative*.

Таблица 2

Эмоционально-экспрессивные глаголы

положительные	отрицательные	нейтральные	всего
6	27	2	35
to love	to bore	to dominate	
to glad	to irritate	to snarl	
to enjoy	to shout		
to admire	to anger		
to reward	to cry		
to fail in love	to sicken		
	to worry		
	to afraid		
	to alarm		
	to scream		
	to broad		
	to condemn		
	to overwhelm		
	to demand		
	to shriek		
	to scare		
	to stung		
	to despise		
	to neglect		
	to bewilder		
	to terrify		
	to lower		
	to aggravate		
	to be outraged		
	to howl		
	to tire		
	to die		

В рассказах Дж. Чивера эмоционально окрашенные существительные представлены 51 единицами. Из них 30 единиц несут отрицательную окрашенность – *Shew as a kind and ignorant woman, and this, more than any bitterness, showed in her face when she took Deborah down stairs.*

15 единиц несут положительную окрашенность – *There was*

such clarity and innocence in her monologue that it seemed like a wonderful part of the bright summer morning.

6 единиц – нейтральную окрашенность – *I told Mrs. Tennyson when I left her that she should take very good care of the little girl.*

Составим общую таблицу использования эмоционально-экспрессивных средств (табл. 4).

Таблица 3

Эмоционально-экспрессивные существительные

положительные	отрицательные	нейтральные	всего
15	30	6	51
pleasure	bitterness	melancholy	
love	instability	emphasis	
clarity	laziness	taciturn	
innocence	harm	pressure	
generosity	grief	orphan	
happiness	imprudence	enforcement	
charity	prisoner		
light	meanness		
excitement	censure		
benevolence	fear		
decency	helpless		
purity	horror		
gentleness	danger		
honour	sickness		
sympathy	depression		
	abandonment		
	loneliness		
	petulance		
	darkness		
	sadness		
	sin		
	feeble		
	anxiety		
	scandal		
	death		
	threat		
	injuries		
	indignation		
	moaning		
	crying		

Таблица 4

Эмоционально-окрашенная лексика				
	Положит.	Отрицательн.	Нейтральн.	Всего
Существительные	15	30	6	51
Прилагательные	18	27	3	48
Глаголы	6	27	2	35
Всего:	39	84	11	134
	29,1%	62,7 %	8,2 %	100%

Даже поверхностный взгляд на материал дает нам право говорить об особом эмоциональном состоянии героев рассказов Чивера. Количественное преимущество лексических средств со знаком минус очевидно: 62,7 %. И среди существительных, и среди прилагательных, и среди глаголов наблюдается подавляющее большинство отрицательно окрашенных единиц. Такое массированное использование негативно-эмоциональных языковых средств сообщает всему повествованию отрицательный настрой. Используя преимущественно отрицательную коннотативную окраску, писатель рисует безрадостные картины жизни бедняков. Такой подбор лексических средств усиливает содержательную структуру произведений. Читатель проникается не только внешней, логической линией повествования. Он одновременно, посредством тщательно отобранной лексики, подвергается экспрессивно-эмоциональному воздействию.

Таким образом, изучение некоторых особенностей использования эмоционально-экспрессивной лексики на материале рассказов известного американского писателя Дж. Чивера *"The Sutton Place Story"*, *"Christmas is a Sad Season for a Poor"*, *"The Death of Sustina"* позволили сделать следующие выводы:

1. Слова эмоционально окрашенные встречаются во всех значимых частях речи – ими могут быть существительные, прилагательные, наречия, глаголы и т.д. Чаще всего ими бывают прилагательные и существительные. Эмоциональные элементы

в них выступают особо ощутимо. Это происходит вследствие особенностей восприятия окружающего мира: предметы и признаки предметов или явлений несут на себе отражение человеческих эмоций.

2. Количественный анализ использования эмоционально-экспрессивной лексики позволяет утверждать, что логическая смысловая сторона повествования оказывает значительно большее воздействие на эмоциональное восприятие читателя благодаря массированному использованию отрицательно-пессимистических языковых средств. Исследуемый материал показывает подавляющее преимущество отрицательной лексики в прозе Чивера.

3. Пессимизм рассказов Чивера очевиден. В них нет так называемого *"happy end"*. Его пронизательность, его проникновение в социальные и психологические глубины американского образа жизни делают его зорким наблюдателем современного мира. Стиль Чивера кажется небрежным и обрывочным, но простота обманчива, за ней – сложная жизнь. И она не всегда счастливая и беззаботная.

Мы полагаем, что наша попытка исследовать эмоционально-экспрессивную лексику в прозе Джона Чивера является началом большой и сложной работы постижения основ писательского мастерства. Безусловно, рамки данного исследования малы, чтоб говорить о серьезных выводах. Тема интересна и требует своего дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. *Профессору Московского университета акад. В.В. Виноградову в день его 60-летия*. Москва, 1958: 83 – 97.
2. Баранов А.Г. Эмоциональная экспрессия – язык – текст. *Филология. Philology* 1993; 1: 6 – 10.
3. Арнольд И.В. *Стилистика современного английского языка*. Ленинград: «Просвещение», 1981.
4. Качалова К.Л., Израилевич Е.Е. *Практическая грамматика английского языка*. Москва, 1998.
5. Левичкая Т.Р., Фитерман А.М. *Теория и практика перевода с английского языка на русский*. Москва, 1963.
6. Каушанская В.Л. *Грамматика английского языка*. Ленинград, 1967.
7. Гальперин И.Р. *Очерки по стилистике английского языка*. Москва, 1958.

References

1. Galkina-Fedoruk E.M. Ob 'ekspressivnosti i 'emotional'nosti v yazyke. *Professoru Moskovskogo universiteta akad. B.V. Vinogradovu v den' ego 60-letiya*. Moskva, 1958: 83 – 97.
2. Baranov A.G. 'Emocional' naya 'ekspressiya – yazyk – tekst. *Filologiya. Philology* 1993; 1: 6 – 10.
3. Arnol'd I.V. *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka*. Leningrad: «Prosveschenie», 1981.
4. Kachalova K.L., Izrailevich E.E. *Prakticheskaya grammatika anglijskogo yazyka*. Moskva, 1998.
5. Levickaya T.R., Fiterman A.M. *Teoriya i praktika perevoda s anglijskogo yazyka na russkij*. Moskva, 1963.
6. Kaushanskaya V.L. *Grammatika anglijskogo yazyka*. Leningrad, 1967.
7. Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka*. Moskva, 1958.

Статья поступила в редакцию 05.06.15

УДК 811.161.1'42

Romashova O.V., postgraduate, Department of the Russian language and documentary, Volgogradsky State University, Deputy Head of Department of administration and Human Resources, Ministry of Health of Russian Federation (Moscow, Russia), E-mail: ol_2202@mail.ru

EVOLUTION OF AN IMAGE OF THE AUTHOR IN A MEDICAL DOCUMENT. The paper describes evolution of the author's image in case history, which is caused by expansion of a document's functions on the background of the changing socio-political conditions, scientific and technical progress. The research has shown that the collective nature of subject of the text becomes more clearly marked, and the means of its expression are significantly more complicated. Special attention is paid to the appearance of collegiality in the patient treatment process, which leads to increase the number of "collaborators", makes a more pronounced collective character, which is reflected in the structural-speech organization document text. We substantiate the idea that a large number of means of expression of the author of the text and the diversity of their semantics indicates the fundamental importance of this category for document text. Study of the regularities of document formation through the prism of the author category will complement the existing science information about the properties of document systems and their typological diversity.

Key words: medical document, case history, patient's medical card, author image, subject of a text, semantics of social status, semantics of evaluation, semantics of intentional states.

О.В. Ромашова, аспирант заочной формы обучения каф. русского языка и документалистики, ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», зам. начальника отдела Департамента управления делами и кадров Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Москва, E-mail: ol_2202@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА АВТОРА В МЕДИЦИНСКОМ ДОКУМЕНТЕ

В работе описана эволюция образа автора в истории болезни или медицинской карте стационарного больного, которая обусловлена расширением функций документа на фоне изменения социально-политических условий, развитием медицины и здравоохранения; охарактеризованы средства выражения образа автора и их семантика. Особое внимание уделено появлению коллегиальности в процессе лечения пациента, которая приводит к расширению круга «соавторов», делает более

выраженным его коллективный характер, что находит отражение в структурно-речевой организации документного текста. Обосновывается мысль о том, что большое количество средств выражения автора текста и разнообразие их семантики свидетельствует о принципиальной важности данной категории для документного текста. Исследование закономерностей формирования документа сквозь призму категории автора позволит дополнить имеющиеся в науке сведения о свойствах документных систем и их типологическом разнообразии.

Ключевые слова: медицинский документ, история болезни, медицинская карта стационарного больного, образ автора, средства выражения образа автора, семантика социального статуса, семантика оценки, семантика интенциональных состояний.

Деятельность общества невозможна без совершенствования различных аспектов деловой коммуникации, осуществляемой за счёт передачи информации. Информация составляет базис управления, и с целью рационального использования ее фиксируют в документах, что придает ей организационную форму и позволяет перемещать во времени и пространстве. В связи с поступательным развитием общества сфера деловой коммуникации постоянно расширяет свои границы и становится объектом изучения многочисленных научных дисциплин. Изменения, коснувшиеся здравоохранения на фоне социальной динамики в обществе, а также в связи с переходом к страховой медицине и принятием в 2011 г. закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», потребовали научных подходов к оптимизации управленческой деятельности, а это, в свою очередь, привело к усилению роли документной составляющей в лечебно-диагностическом процессе. В то же время недостаточная изученность текстов, документирующих диагностику и лечение, существенно затрудняет совершенствование управления.

Особое значение для исследования медицинских документов имеет позволяющий глубже понять их сущность анализ категории автора. На важность этой категории в художественном тексте указывал В.В. Виноградов, считавший, что образ автора является центром, фокусом, в котором скрещиваются и объединяются, синтезируются все стилистические приёмы произведений словесного искусства [1]. М.П. Брандес отмечал объединяющую роль субъекта художественного текста, указывая, что «образ автора – это та цементирующая сила, которая связывает все стилевые средства в цельную словесно-художественную систему, это внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения» [2, с. 52].

Однако категория автора документного текста оценивается исследователями неоднозначно. Так, традиционно принято считать, что тот, кто непосредственно создает документ, оказывается полностью отстраненным от написанного им текста и субъект текста в деловом документе не персонафицируется [3; 4 и др.]. Согласно другой точке зрения, автор тем или иным образом представлен в документном тексте, где содержатся признаки, характеризующие «сферу субъекта текста», под которой понимают свойство текста эксплицировать образ автора и его отношение к окружающему [5 – 7]. Образ автора, его единоличный / коллективный характер, становится основанием одной из классификации документных текстов [6].

Неоднозначная трактовка образа автора документного текста определяет необходимость и актуальность изучения специфики этой категории, средств её выражения в документах различных видов, в том числе и медицинских.

Известно, что любые документы являются продуктом общественных отношений, то есть социально детерминированы. Они порождаются социумом, сопровождают его деловую активность в различных сферах. Социальные факторы, в частности способ, характер и организация деловой деятельности в обществе, во многом определяют работу с документами.

Рассмотрев историю формирования медицины как науки и организации медицинской помощи, а также специфику здравоохранения как особой сферы общественных отношений, мы выделили 3 основных периода (дореволюционный, советский и современный), характеризующихся особенностями документирования процесса оказания медицинской помощи, что определенным образом находит отражение в истории болезни (ИБ), переименованной впоследствии в медицинскую карту стационарного больного (МКСБ): первый период (начало XIX в. – 20-е годы XX в.) – это зарождение и формирование рассматриваемого документа; второй период (20-е – 80-е годы XX в.) связан с появлением нормативно-правовых актов, регулирующих оформление и ведение истории болезни; третий период (80-е годы XX в. – современность) обусловлен отменой указанных нормативных актов и введением в действие нового документа – приказа Минздрава

СССР от 04.10.1980 № 1030 «Об утверждении форм первичной медицинской документации учреждений здравоохранения» (последние изменения и дополнения в него внесены в 2002 г.), что изменило форму документа. Этот приказ является действующим и в настоящее время.

Соответственно этим периодам были отобраны и изучены ИБ и МКСБ за 1913–1914, 1943–1944 и 2013–2014 гг. одного из старейших стационаров Санкт-Петербурга – Мариинской больницы.

В дореволюционной России возникновение истории болезни было связано со становлением клинической медицины. Характерными чертами клинической медицины считаются, во-первых, наличие университетских клиник, во-вторых, внедрение клинического преподавания, и, в-третьих, применение методологии опытного знания как основы клинического мышления. Временем становления клинической медицины в России стала первая половина XIX века [8], тогда же появились первые записи, характеризующие течение заболевания и ход лечения, названные впоследствии историей болезни (ИБ). С момента возникновения ИБ и до советского периода традицию ее ведения регламентируют лишь потребности медицинской науки и практики, заинтересованность врачей в познании закономерностей течения болезни. В этот период ИБ выполняла в основном информативно-кумулятивную функцию и её оформление базировалось на существовавшем опыте и традициях. Все это определяло специфику образа автора в рассматриваемом документе.

Основным автором ИБ является лечащий врач, однако в процессе лечения косвенным образом принимают участие и другие лица, что также находит отражение в документе. Условно назовем других авторов «соавторами». Это:

- те, кто направил пациента на лечение в больницу (в документе имеется направление, написанное кем-либо из членов Попечительского совета больницы, врачом или частным лицом, к которому обратился больной (генерал от артиллерии Владимир Николаевич Хлебников, почетный опекун), с резолюцией кого-либо из входящих в попечительский совет;
- те, кто делал сопутствующие записи (сестра милосердия, заполнявшая температурный лист);
- название лечебного заведения (Мариинская больница для бедных).

Таким образом, уже на первом этапе формирования ИБ авторство этого документа можно охарактеризовать как «коллективное», и термин «автор» мы будем использовать в обобщенном значении, понимая под ним основного автора (лечащего врача) и соавторов (иных лиц, косвенно участвующих в процессе лечения пациента).

Автор эксплицирован в ИБ разными средствами языка.

В **реквизите «подпись»** используются:

- имя нарицательное + имя собственное, называющее фамилию (принял врач Соболев);
- имя нарицательное + имя собственное, называющее инициалы (как правило, один) и фамилию (принял врач П. Козиковский), причём особенностью является то, что отсутствует указание отчества, что, вероятнее всего, связано с особенностями медицинского образования того времени (многие врачи стажировались за границей или проходили обучение в России у иностранных специалистов из Европы, где обращение по имени-отчеству не принято);
- оборот речи, включающий нарицательные существительные, причастие с зависимыми словами, имена собственные: господа врачи, пользовавшие больного, Александров, Мисерова.

В **тексте документа** образ автора имплицитирован; о нём можно судить по описанию врачом болезни пациента, его симптомов, результатов лечения: среднего роста, хорошего питания, дыхание свободное, сердце в нормальных границах. Для текста ИБ свойственен констатирующий характер изложения, немногословие, информационная плотность. Имплицитно, определённо-личными предложениями, выражены и соавторы,

например, попечители (*прошу не отказать в приеме нуждающегося в больничном лечении; прошу господина дежурного врача принять на 2 хирургическое отделение; покорнейше прошу принять на лечение*).

Средства обозначения автора выражают его **социальные характеристики, систему ценностей и интенциональные состояния**.

Социальные характеристики автора отражены на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях.

На **лексическом уровне** они представлены:

- существительными или субстантивными словосочетаниями со значением «лицо», называющими человека в аспекте его социальных функций: *врач, исполняющий обязанности директора, генерал от артиллерии, почетный опекун*;
- неодушевленным нарицательным существительным, содержащим в структуре значения сему 'организация': *больница*;
- антропонимами – именами собственными, называющими врача (*Кочичев, Москвин*) в написании, соответствующем нормам русского языка того времени.
- эргонимами – именом собственным организации (лечебного учреждения): *«Мариинская больница для бедных»*.

На **синтаксическом уровне** имеют место односоставные определённо-личные предложения: *Прошу многоуважаемого товарища не отказать в приеме служащего, Прошу господина дежурного врача принять на 2 хирургическое отделение и тотчас сообщить доктору Зеттарду*.

На **текстовом уровне** реквизиты как структурные части документа включают вербальный компонент в виде наименования организации: *«Мариинская больница для бедных»* и невербальный компонент в виде подписи.

Система ценностей автора текста в ИБ выражена языковыми единицами с семантикой оценки.

На **лексическом уровне** они представлены отглагольными существительными *улучшение* и *ухудшение*, передающими мнение автора о течении заболевания и лечении.

На **синтаксическом уровне** выявлены оценочные единицы в сочетании с интенсивом: *в общем, чувствует себя лучше*, которые также выражают мнение автора о ходе лечебно-диагностического процесса.

На **текстовом уровне** обнаруживаются отдельные оценочные единицы, концентрирующиеся в эпикризах: *выписывается с улучшением, случилось осложнение*.

Интенциональные состояния автора текста отражены слабо.

На **лексическом уровне** отмечены глаголы физического состояния: *страдать, чувствовать*, при помощи которых врач фиксирует процесс лечения пациента.

На **текстовом уровне** это жанровое обозначение, входящее в реквизит «заголовок к тексту»: *эпикриз; явления, которыми обнаружилась болезнь*; такие номинации играют роль текстового ключа, определяющего задачу текста или его части.

В советский период продолжается практика ведения ИБ на основе сложившихся традиций и потребностей медицины. Лишь к концу 20-х гг. XX века начинает складываться типовая форма этого документа, что было обусловлено необходимостью анализа информации из ИБ в медико-статистическом и научно-клиническом аспектах. В целях внесения необходимого порядка в составление историй болезни, а также обеспечения их правильного хранения и надлежащего использования Наркомздравом РСФСР в 1927 г. разработана типовая форма этого документа, а в 1929 г. изданы «Инструкция о заполнении истории болезни» и «Инструкция о порядке хранения историй болезни». Для упорядочивания работы медицинских учреждений, финансируемых государством, в 1939 г. Наркомздрав СССР утверждает единую для всей страны форму истории болезни (приказ № 122 от 23.02.1939 г.). Дальнейшее развитие делопроизводства и практические потребности здравоохранения обусловили выход в 1968 году приказа МЗ СССР № 55, изменившего название документа «история болезни» на более правильно отражающую его сущность – «медицинская карта стационарного больного» и закрепившего ее форму. Таким образом, в советский период на основе традиций, а также потребностей прикладной медицинской науки и клинической практики, достижений документоведения, формируется МКСБ, а принципы её ведения фиксируются нормативными актами. В этот период, помимо основной информативно-кумулятивной функции МСКБ, актуализируется дополнительная контролирующая функция [9]. В связи с этим претерпевает изменения и образ автора документа.

В этот период **автором** является лечащий врач (*Левина*), **соавторами** – заведующий отделением (зав. отд. Сокович), специалисты-консультанты (*обход профессора Рысса С.М.*), врачебно-контрольная комиссия (врачи Сокович, Круглов), средний медицинский персонал (они оставляют записи в документе, измеряя кровяное давление, вес, уровень аскорбиновой кислоты в крови, проводя санобработку).

Образ автора в ИБ приобретает более выраженный коллективный характер с различной долей участия в формировании документа этих лиц.

Средства обозначения автора текста в ИБ советского периода, по сравнению с дореволюционным, более разнообразны.

Социальные характеристики автора представлены единицами разных уровней языка.

На **лексическом уровне** они передаются:

- существительными, называющими человека в аспекте его социальных функций (*главврач, директор, пациент, врач, заведующий отделением, профессор, зав. квартирной помощью поликлиники*);
- неодушевленными нарицательными существительными, содержащими в структуре значения сему 'организация': *больница, скорая помощь, тубдиспансер*;
- антропонимами – именами собственными, фамилиями врачей: *Новиков Александр Семенович, М. Михеев, Левина*;
- эргонимами – именами собственными, называющими лечебные учреждения: *«Больница им. Куйбышева», «Ленинградский горздравотдел», «Бюро госпитализации»*.

На **синтаксическом уровне**, как и в предыдущий период, имеют место односоставные безличные предложения: *Иванов Артур 16 лет с упадком сердечной деятельности при истощении 3 степени направляется для стационарного лечения; Продолжить лечение на 10 дней*.

На **текстовом уровне** реквизиты как структурные части текста по-прежнему включают вербальные компоненты, однако становятся более выраженными невербальные составляющие, обозначающие общепринятую форму истории болезни (*здрavoоxр. ф. № 3, подпись*).

Система ценностей автора текста, как и в дореволюционный период, выражена языковыми единицами с рационально-оценочной коннотацией.

На **лексическом уровне** они представлены:

- отглагольными существительными *улучшение* и *ухудшение*;
- именами прилагательными с положительной (*благоприятный, удовлетворительный*) и отрицательной (*неблагоприятный, тяжелый*) семантикой.

На **синтаксическом уровне** наблюдаются оценочные единицы в сочетании с интенсивом: *Чувствует себя лучше, состояние остается средней тяжести*.

На **текстовом уровне** обнаруживаются оценочные единицы, концентрирующиеся в эпикризах, консилиумах, совместных осмотрах: *За время лечения состояние улучшилось, отек исчез, боли прекратились*.

Интенциональные состояния автора отражены опосредованно, через его оценку состояния пациента, эффективности лечения, необходимости его продления.

На **лексическом уровне** это глаголы физического состояния: *страдать, чувствовать*, с помощью которых врач характеризует самочувствие пациента.

На **синтаксическом уровне** отмечаются конструкции, в которых выдвигается на первый план действие, а не его субъект, – инфинитивные, неопределенно-личные и безличные предложения: *Курит; Поступил в больницу с жалобами*. Они несут в себе информацию, целенаправленно выявленную врачом и имеющую непосредственное отношение к диагностике и лечению.

На **текстовом уровне** это жанровое обозначение текста, входящее в реквизит «заголовок к тексту»: *эпикриз, перевязка, обход*, играющего роль текстового ключа, который определяет задачу текста или его части.

Третий период – современный, его начало в 80–90 гг. XX века совпадает с интенсивным развитием медицинской науки и внедрением ее достижений в практику. В России это еще и время перехода к страховой медицине: функция финансирования лечения от государства постепенно переходит к страховым компаниям, изменяются подходы к качеству медицинской помощи, что оказывает непосредственное влияние на требования, предъявляемые к медицинской документации. В начале периода выходит приказ Министерства здравоохранения СССР от 04.10.1980

г. № 1030 «Об утверждении форм первичной медицинской документации учреждений здравоохранения», определяющий формы медицинских документов, в том числе и МКСБ, на бумажных носителях, остающийся актуальным и действующим до настоящего времени.

В то же время современный период ознаменовался появлением электронной медицинской карты (ЭМК), которая представляет собой комплекс медицинских записей, содержащих данные о состоянии пациента и назначаемом ему лечении, обрабатываемых и хранимых электронным способом. В России с 1 января 2008 г. действует национальный стандарт «Электронная история болезни. Общие положения» (ГОСТ Р 52636–2006), описывающий понятие электронной истории болезни и требования к ней. ГОСТ Р 52636–2006 оперирует понятиями *электронная медицинская карта (ЭМК), электронная персональная медицинская запись (ЭПМЗ) и электронный медицинский архив (ЭМА)*. Термин ЭМК является переводом международного термина EMR – Electronic Medical Record. Однако в нашей стране электронная медицинская карта пока не находит широкого применения, ею ограничено пользуются лишь отдельные коммерческие медицинские организации. До настоящего времени в отношении ведения МСКБ на бумажном носителе, в связи с ее повсеместной распространенностью, продолжает действовать приказ Минздрава СССР от 04.10.1980 г. № 1030 «Об утверждении форм первичной медицинской документации учреждений здравоохранения», последние изменения и дополнения в который внесены в 2002 г.

В современный период актуализируются учетно-финансовая и правовая функции МКСБ. Обращает на себя внимание увеличение числа *соавторов* рассматриваемого документа: это лечащий врач, заведующий отделением, специалисты-консультанты, средний медицинский персонал, направившее пациента в стационар лечебное учреждение (скорая помощь, поликлиника, больница), а, кроме того, соавтором становится сам пациент или его законный представитель, так как эти лица дают информированное согласие на обследование и лечение.

Соавтор-пациент в тексте документа выражен: местоимениями 1 лица ед. ч. И.п. в двусоставных предложениях (*я согласен*); местоимениями 1 лица ед. ч. Д.п. в односоставных безличных предложениях (*мне разъяснено*); именами собственными, называющими фамилию, имя и отчество пациента или его законного представителя в реквизите «подпись».

Разноуровневые языковые средства обозначения автора также выражают его социальные характеристики, систему ценностей и интенциональное состояние.

Социальные характеристики представлены единицами лексического уровня:

- существительными, называющими человека в аспекте его социальных функций и характеристик; лексическая семантика выражена в МКСБ при помощи специальных словообразовательных морфем со значением «лицо»: *дежурный врач, лечащий врач, заведующий отделением, законный представитель*;
- антропонимами – именами собственными, называющими врача или среднего медицинского работника: *Иванова Татьяна Петровна, И.М. Майоров*;
- неодушевленными нарицательными существительными, содержащими в структуре значения сему 'организация', и словосочетаниями, обозначающие юридическое лицо: *больница, стационар, скорая помощь, поликлиника*;
- эргонимами – названиями лечебного учреждения: *«Мариинская больница», «Александровская больница»*.

Морфологический уровень характеризуют:

- существительные, называющие фамилию, имя и отчество врача, его должность; имплицитно он представлен в виде изложения, повествования от его имени (*состояние удовлетворительное, неврологическая симптоматика с положительной динамикой, выявлено наличие внутримозговой гематомы*).
- личное местоимение 1-го лица ед. и мн. ч. *я*;
- притяжательное местоимение *мой*; глаголы в форме 1-го лица ед. и мн. ч. *доверяю, согласен, отказываюсь*;
- категория состояния, выраженная языковыми единицами, предполагающими наличие субъекта (*показано = ему показано; рекомендовано = ему рекомендовано*).

На **синтаксическом уровне** имеют место:

- односоставные определенно-личные предложения: *Прошу не проводить патологоанатомическое вскрытие*;
- односоставные безличные предложения: *Показано оперативное лечение*;

- вводные конструкции, выражающие различные субъективно-модальные значения (вводные слова для выражения связей, отношений и зависимости: *в связи с этим, таким образом, следовательно*).

На **текстовом уровне** это реквизиты как структурные части текста, включающие вербальные и невербальные компоненты (*цифровые и штрих-коды; наименование организации; справочные данные об организации; подпись и др.*), содержащие значимую, понимаемую другими участниками деловой коммуникации информацию об организации, создавшей документ.

Система ценностей автора текста в МКСБ выражена языковыми единицами с рационально-оценочной коннотацией, а также может быть охарактеризована опосредованно, через описание врачом динамики заболевания и хода лечебно-диагностического процесса.

На **лексическом уровне** система ценностей представлена:

- отглагольными существительными *улучшение и ухудшение*;
- нейтральной лексикой с положительной (*благоприятный, удовлетворительный, показано и др.*) и отрицательной (*неблагоприятный, тяжелый, не показано и др.*) рационально-оценочной коннотацией;

- безоценочными словами, приобретающими положительную или отрицательную коннотацию в результате практического опыта; они становятся употребительными, и закрепляются в языке МКСБ: *я, Иванов И.И., доверяю врачу Петрову Н.Н. выполнить оперативное вмешательство; я, Иванов И.И., отказываюсь от дальнейшего обследования и лечения*.

На **синтаксическом уровне** выявляются оценочные единицы в сочетании с интенсивом, которые в МКСБ нередки: *Состояние пациента остается крайне тяжелым, прогноз неблагоприятный*.

На **текстовом уровне** обнаруживаются оценочные единицы, концентрирующиеся в эпикризах, консилиумах, совместных осмотрах: *с целью купирования отека головного мозга назначена дегидратационная терапия, проведенное лечение эффективно; рекомендовано реабилитационно-восстановительное лечение*.

Интенциональные состояния автора текста также отражены на нескольких уровнях различными языковыми средствами; в них прослеживается тесная связь автора, характеризующего и фиксирующего ход лечебно-диагностического процесса, и пациента.

На **лексическом уровне** это глаголы личной отнесенности, которые обозначают действие, устойчиво ориентированное на лицо; в их семантике наблюдается антропоморфная производность действия или состояния (речемыслительной деятельности): *назначать, выполнять, обследовать, осматривать*; а также не относящиеся непосредственно к автору, но характеризующие состояние пациента, фиксируемое врачом, глаголы эмоционального состояния: *жаловаться*; глаголы лично-предметной отнесенности (физического состояния: *страдать, чувствовать*).

На **синтаксическом уровне** имеются конструкции, выдвигающие на первый план действие, а не его субъект, – инфинитивные, неопределенно-личные и безличные предложения: *С целью купирования анемии показано переливание эритроцитарной массы (= пациенту показано)*. При этом врачом обосновывается необходимость того или иного вида лечения или обследования.

На **текстовом уровне** отмечается жанровое обозначение текста, входящее в реквизит «заголовок к тексту»: *предоперационный эпикриз, заявка на компьютерную томографию, информированное согласие на обследование и лечение*, играющего роль текстового ключа, который определяет задачу текста или его части.

Таким образом, в процессе развития истории болезни как медицинского документа образ автора меняется. Актуализация новых функций этого документа, появление коллегиальности в процессе лечения пациента приводит к расширению круга «соавторов» МКСБ, делает более выраженным его коллективный характер, что находит отражение в структурно-речевой организации документного текста. Большое количество средств выражения автора текста и разнообразие их семантики позволяют говорить о принципиальной важности данной категории для документного текста. Исследование закономерностей формирования документа сквозь призму категории автора позволит дополнить имеющиеся в науке сведения о свойствах документных систем и их типологическом разнообразии.

1. Виноградов В.В. Проблема образа автора в художественной литературе. *О теории художественной речи*. Москва, 1971.
2. Брандес М.П. *Стилистический анализ*. Москва, 1971.
3. Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва, 2004.
4. Валгина Н.С. *Теория текста*: учебное пособие. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/eabout.htm>
5. Косова М.В., Кулько О.И. *Документная лингвистика. Документный текст в современном коммуникативном пространстве*: учебное пособие. Волгоград, 2011.
6. Кулько О.И., Косова М.В. Субъект документного текста: семантика и способы представления. *Вестник ВолГУ*. Сер. 2, Языкознание. 2011; 2 (14).
7. Ковалев Н.С. *Древнерусский литературный текст: Проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки*. Волгоград, 1997.
8. Бородин В.И. *История клинической медицины*: лекции. Москва, 2006.
9. Ромашова О.В. Жанрово-стилевая специфика медицинского документа (на материале медицинской карты стационарного больного). *Мир науки, культуры, образования*. 2014; 5 (48).

References

1. Vinogradov V.V. Problema obraza avtora v hudozhestvennoj literature. *O teorii hudozhestvennoj rechi*. Moskva, 1971.
2. Brandes M.P. *Stilisticheskij analiz*. Moskva, 1971.
3. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob`ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. Moskva, 2004.
4. Valgina N.S. *Teoriya teksta*: uchebnoe posobie. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/eabout.htm>
5. Kosova M.V., Kul'ko O.I. *Dokumentnaya lingvistika. Dokumentnyj tekst v sovremennom kommunikativnom prostranstve*: uchebnoe posobie. Volgograd, 2011.
6. Kul'ko O.I., Kosova M.V. Sub`ekt dokumentnogo teksta: semantika i sposoby predstavleniya. *Vestnik VolGU*. Ser. 2, Yazykoznanie. 2011; 2 (14).
7. Kovalev N.S. *Drevnerusskij literaturnyj tekst: Problemy issledovaniya smyslovoj struktury i `evolyucii v aspekte kategorii ocenki*. Volgograd, 1997.
8. Borodulin V.I. *Istoriya klinicheskoy mediciny*: lekcii. Moskva, 2006.
9. Romashova O.V. Zhanrovo-stilevaya specifika medicinskogo dokumenta (na materiale medicinskoj karty stacionarnogo bol'nogo). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014; 5 (48).

Статья поступила в редакцию 01.07.15

УДК 811.512.141

Khuramshina A.R., postgraduate, Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla (Ufa, Russia),
E-mail: kafedra_bmp@mail.ru

COMPLIMENTS IN THE SYSTEM OF A SPEECH ACT IN THE BASHKIR LANGUAGE. The research article focuses on the compliments in the system of a speech act in Bashkir. Currently the issues of speech acts attract the interest of many researchers increasingly, such as compliments, congratulations, condolences, etc. Every person is in the constant, ongoing process of communication: speaking, talking, arguing. Our speech is like a mirror; it reflects the level of general culture, a state of mind, depth of thinking and intelligence. Problems of interpersonal verbal communication and interaction between people require thorough research of any form of the speech behavior of native speakers and their communicative and pragmatic features. Compliments, being one of the complex elements, are of particular interest in relation to the pragmatic orientation on the successful realization of the language communication.

Key words: illocution, Bashkir language, compliments, pragmatics, speech act.

А.Р. Хурамшина, аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа,
E-mail: kafedra_bmp@mail.ru

Данная статья посвящена комплиментам в системе речевых актов башкирского языка. В настоящее время всё чаще вызывают интерес у многих исследователей вопросы речевых актов, таких как комплименты, поздравления, соболезнования и др. Человек находится в постоянном общении, коммуникации: говорит, беседует, спорит. Наша речь, словно зеркало, отражает уровень общей культуры, состояние души, глубину мышления и интеллекта. Проблемы межличностного вербального общения и взаимодействия людей между собой требуют углубленного исследования любой формы речевого поведения носителей языка и их коммуникативных и прагматических особенностей. Compliments, являясь одним из сложных, представляют особый интерес в связи с прагматической направленностью на успешную реализацию языковой коммуникации.

Ключевые слова: иллюкуция, башкирский язык, комплименты, прагматика, речевой акт.

С древнейших времен принято осознание того, что слова по самой сути всемогущи и обладают удивительной силой возвышать и унижать, воскрешать и убивать, вдохновлять на славные, достойные, великие подвиги и дела и, в то же время лишать смысла жизни и интереса ко всему, что существует на земле. Исследователи приписывали словам магическую силу возбуждать сильные чувства и потрясения, призывали обращаясь с ними не как с частями речи, а как с зародышами святых образов, как с зёрнами воспоминаний, почти как с живыми существами. И возможно поэтому во многих культурах с глубоким почтением относились к человеку, умеющему разумно говорить, последовательно, убедительно и уместно, по достоинству оценивали умную, рассудительную речь собеседника, взвешивая каждое сказанное слово, прислушиваясь к вложенному в него смыслу, судили о воспитанности, об умственных возможностях и о характере человека. Возрастающий интерес лингвистов к проблемам межличностного вербального общения

и взаимодействия людей между собой требует углубленного исследования любой формы речевого поведения носителей языка и их коммуникативных и прагматических особенностей. По мнению видного башкирского ученого, профессора Л.Х. Самситовой: «каждый человек обслуживает все социокультурные потребности его носитель, он является отражением культуры определенного этноса» [1, с. 5].

Комплименты, являясь одним из сложных, но интересных и эффективных элементов речевого акта, представляют особый интерес в связи с прагматической направленностью на успешную реализацию языковой коммуникации. Термин «речевой акт», введённый в теоретическую литературу Оксфордской школой позитивизма, обозначает основную единицу вербальной коммуникации. Понятие речевого акта впервые ввел представитель английской лингвистической философии, логик Дж. Остин, исходя из деятельностного подхода Л. фон Витгенштейна, который рассматривал язык как деятельность, осу-

существляемую людьми в конкретных общественных ситуациях, как особую форму общественного существования. Теория речевых актов понималась как учение о строении элементарной единицы речевого общения – речевого акта, понимаемого как актуализация предложения, причем речевое общение рассматривается как форма проявления преимущественно межличностных отношений. Позднее это понятие уточняет и разъясняет В.З. Демьянков, который интерпретирует речевой акт как «элементарную единицу речи, последовательность языковых выражений, произнесенную одним говорящим, приемлемую и понятную по меньшей мере одному из множества остальных носителей языка» [2, с. 223 – 235]. Исходя из этого, можно предположить, что теория речевых актов направлена на изучение речевого общения, когда во главу угла ставится использование языковых средств в вербальной коммуникации с вполне определенной целью, для выражения особых интенций говорящего. Теория речевых актов представляет собой «попытку взглянуть на речь и на язык через призму действий носителя языка и определить значение как употребление предложения в конкретных обстоятельствах» [2, с. 223 – 235]. В структуре речевого акта выделяются следующие аспекты: локуция, иллюкуция и перлокутивный эффект. Существенным элементом в структуре речевого акта является иллюкутивный акт, и поэтому речевой акт в основном отождествляется с иллюкутивным актом. Классификации речевых актов осуществляются по иллюкутивным признакам. Е.М. Вольф рассматривает комплимент как «особый вид иллюкутивных актов, где действуют специфические именно для них иллюкутивные силы, целью которых является вызвать у собеседника определенный перлокутивный эффект – эмоциональную реакцию» [3, с. 280].

В нашем предыдущем исследовании мы говорили о речевом этикете: «Комплимент, как один из атрибутов речевого этикета, привлекает внимание многих исследователей. В настоящее время изучению комплимента посвящены исследования разных областей гуманитарного знания: прагматика, лингводидактика, лингвистика, культурология, риторика, социология» [4, с. 196 – 198]. Выявляем, что комплимент – это один из видов иллюкутивных актов, целью которого является желание говорящего сделать приятное собеседнику, подчеркнув его личностные характеристики, умственные способности, умения. Комплимент относится к экспрессивным речевым актам, имеющим своей целью вызвать психологическое состояние адресанта. Предметом настоящего исследования является речевой акт комплимента, являющийся неотъемлемым компонентом речевого этикета в башкирском языке. Комплимент входит в состав речевого этикета, который является системой устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников. Вслед за В.А. Масловой, мы рассматриваем речевой этикет как «социально заданные и культурно-специфические правила поведения людей в тех или иных ситуациях общения. Речевой этикет соответствует «социальным и психологическим ролям, ролевым и межличностным отношениям», в которые вступают люди «в официальной и неофициальной обстановках общения» [5, с. 203].

В первую очередь комплимент выполняет фатическую функцию, в основе которой лежит интенция установления контакта, проявления вежливости для поддержания или создания психологического комфорта.

Комплимент – это речевое высказывание, применяемое в различных ситуациях: приветствие, знакомство, прощание, благодарность, поздравление. Характер речевых этикетных формул зависит от особенностей общения, опирается на универсальные принципы вежливости и принцип соответствия речевой ситуации. Н.И. Формановская, рассматривая комплимент как одну из составляющих единиц речевого этикета, отмечает, что «комплимент, одобрение реализуются и в стереотипных, и в более и менее свободно построенных фразах» [6, с. 159].

О.С. Иссерс включает комплимент в группу положительных ритуальных речевых действий, поскольку и ритуал, и комплимент предполагают знание и соблюдение универсальных максим вежливости, предусматривающих оформление адресатного высказывания в рамках речевого этикета [7, с. 250]. Как нам представляется, ритуализированные речевые ситуации – это такие ситуации, за которыми закреплён определённый набор форм, употребляемых говорящими автоматически в зависимости от их социальной роли и ситуации общения. Следовательно, понятия «ритуал» и «речевой этикет» в данном случае синонимичны и взаимозаменяемы. Ядром комплимента является положительная оценка. Это сближает комплимент с речевой тактикой похвалы: и комплимент, и похвала выражают позитивное отношение говорящего к собеседнику.

Следовательно, осуществляется прагматическая функция, которая заключается в непосредственном воздействии адресанта на адресата. Прагматическая функция связана со стратегией речевого поведения. «Стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда становится целью достижения определенных долговременных результатов. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели». В каждой ситуации реализуется своя стратегия. В комплименте стратегическая задача говорящего – вызвать симпатию, расположить к себе собеседника. Как отмечает В.И. Карасик, «речевой акт комплимента представляет собой двухходовое образование: комплимент – ответ на комплимент» [8, с. 477]. Основной перлокутивный эффект, который ожидает говорящий в ответ на комплимент, – принятие комплимента. Показателем этого может быть и невербальная реакция (улыбка, благодарный взгляд – при непосредственном общении), и вербальная (слова благодарности, ответный комплимент). Нежелательным перлокутивным эффектом является явное отклонение комплимента, что также может быть выражено паралингвистическими средствами (презрительный взгляд, пожатие плечами) или вербально. Для успешной реализации комплимента необходимо наличие определенных условий: ситуации, располагающей к произнесению комплимента, эмоционально-психологического настроя коммуникантов и правильного выбора говорящим форм и содержания комплимента.

Таким образом, комплимент является составной частью речевого этикета, который определяет корректные формы и значение действий в процессе коммуникации. Данный речевой акт служит не только для установления контакта между адресантом и адресатом, но может и изменить вектор отношений между ними в положительном направлении.

Библиографический список

1. Самситова Л.Х. *Культурные концепты в башкирской языковой картине мира*: монография. Уфа: Гилем, Башкирская энциклопедия, 2015.
2. Демьянков В.З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений). *Новое в зарубежной лингвистике*: Вып.17. Теория речевых актов. Москва: Прогресс, 1986: 223 – 235.
3. Вольф Е.М. *Функциональная семантика оценки*. Москва: Эдиториал УРСС, 2002.
4. Хурашшина А.Р. Комплименты в башкирской и казахской лингвокультурах. *Молодежь и наука: индустриально-инновационное развитие страны*: сборник научных работ молодых учёных и студентов. Актобе: РИО АГУ им. К. Жубанова, 2013: 196 – 198.
5. Маслова В.А. *Лингвокультурология*. Москва, 2001.
6. Формановская Н.И. *Речевой этикет и культура общения*. Москва, 1989.
7. Иссерс О.С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва: Эдиториал УРСС, 2002.
8. Карасик В.И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*: монография. Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград: Перемена, 2002.

References

1. Samsitova L.H. *Kul'turnye koncepty v bashkirskoj yazykovoj kartine mira*: monografiya. Ufa: Gilem, Bashkirkaya `enciklopediya, 2015.
2. Dem'yankov V.Z. «Teoriya rechevyh aktov» v kontekste sovremennoj lingvisticheskoy literatury: (Obzor napravlenij). *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*: Vyp.17. Teoriya rechevyh aktov. Moskva: Progress, 1986: 223 – 235.
3. Vol'f E.M. *Funkcional'naya semantika ocenki*. Moskva: `Editorial URSS, 2002.

4. Hiramshina A.R. Komplimenty v bashkirskoj i kazahskoj lingvokul'turah. *Molodezh' i nauka: industrial'no-innovacionnoe razvitie strany: sbornik nauchnyh rabot molodyh uchenyh i studentov*. Aktobe: RIO AGU im. K. Zhubanova, 2013: 196–198.
5. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya*. Moskva, 2001.
6. Formanovskaya N.I. *Rechevoj 'etiket i kul'tura obscheniya*. Moskva, 1989.
7. Issers O.S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. Moskva: Editorial URSS, 2002.
8. Karasik V.I. *Yazykovyj krug: lichnost', koncepty, diskurs*: monografiya. Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. Volgograd: Peremena, 2002.

Статья поступила в редакцию 29.06.15

УДК 81-25

Bedareva I.A., *Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia),*
E-mail: bediral@mail.ru

SEMANTIC MODELS OF NAMING DOMESTIC BIRDS IN THE RUSSIAN DIALECTS OF ALTAI (HISTORICO-ETYMOLOGICAL ANALYSIS). The article presents an analysis of 23 dialectal names of domestic birds recorded in the dialects of the Altai. The study focuses on the semantic aspect and etymology. On the material of the dialects of the Altai the author reiterates that each lexical group, singled out by a semantic theme, has its own set of motivational signs, depending on the objective properties of the referent object that is a manifestation of the language system in the nomination process. A set of basic motivational signs in each semantic model is due to mainly unlinguistic factors and has a strong pragmatic orientation (the sound, appearance, behavior, biological characteristics). The presented material is allowed to find out the semantic development of individual lexemes and their occurrences in the lexical system of the Russian language, to give an analogy of names in other dialects, to do the grouping by region distribution, to mark phonemic, lexical and morphological, accentological versions of the lexemes.

Key words: dialects of Altai, semantic model, etymology, regional lexicology.

И.А. Бедарева, канд. филол. наук, доц. Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск,
E-mail: bediral@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НАИМЕНОВАНИЙ ДОМАШНИХ ПТИЦ В РУССКИХ ГОВОРАХ АЛТАЯ (ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье представлен анализ 23 диалектных наименований домашних птиц, зафиксированных в говорах Алтая. В исследовании акцентируется внимание на семантическом аспекте и этимологии. На материале говоров Алтая подтверждается положение о том, что каждая лексическая группа, выделенная по тематическому принципу, имеет свой набор мотивировочных признаков, зависящий от объективных свойств самих обозначаемых объектов, что является проявлением системы языка в процессе номинации. Набор основных мотивировочных признаков в каждой семантической модели обусловлен, главным образом, внематематическими факторами и имеет ярко выраженную прагматическую направленность (издаваемый звук, внешний вид, поведение, биологические особенности). Представленный материал позволил выяснить особенности семантического развития отдельных лексем и время их вхождения в лексическую систему русского языка, привести аналогии наименований в других диалектах, сделать группировку по регионам распространения, отметить фонематические, лексико-морфологические, акцентологические варианты лексем.

Ключевые слова: говоры Алтая, семантическая модель, этимология, региональная лексикология.

Системный анализ региональной лексики составляет одну из важных и актуальных проблем современной лингвистики. Диалекты русского языка исследователи характеризуют как чрезвычайно сложные языковые системы, которые отличаются от литературного языка не только наличием особых диалектных слов, но и характером парадигматических и синтагматических связей слов. Изучение отдельно взятой диалектной системы в полном объеме – задача чрезвычайно сложная, поэтому среди диалектологов в настоящее время всё большее признание получает исследование системных связей и их особенностей в рамках отдельных лексических групп.

В данной статье представлен историко-этимологический анализ группы наименований домашних птиц в русских говорах Алтая. Актуальность работы определяется тем, что современный этап развития этимологии характеризуется, по замечанию В.Н. Топорова, ориентацией «на семантику, на значение – смысл, на результаты, достигнутые в области диахронической и синхронической семасиологии и формулируемые в виде семантических «почти универсалий», фреквенталий и шире – типовых схем «смыслового производства» [1].

Специфические диалектные явления в иных экстралингвистических условиях обнаруживают различную степень устойчивости. Наиболее изменчивыми оказываются факты диалектной лексики. Но наблюдения показывают, что и эта часть языка в определенных регионах имеет место быть до настоящего времени. Локальные лексические особенности сохраняются не только в Европейской России, их можно наблюдать и во вторичных говорах Алтая, Сибири и Дальнего востока.

Новизна исследования определяется тем, что названия домашних птиц на материале русских говоров Алтая целенаправленному изучению не подвергались. Исследования наименований птиц велись по следующим темам: принципы наименования

(работы О.П. Сологуб, Н.Д. Голева); происхождение названий и этимология (работы П.Я. Черных, Г.П. Клепиковой, А.Ф. Журавлева, Е.М. Шанского, Л.И. Шелеповой); описание тематической группы (работы А.А. Булаховского, М.М. Гинатулина, Э.Ф. Имбердина, Н.П. Савельевой, В.Я. Сениной). Обзор исследований показал, что многие лингвисты изучали эту тему с разных сторон, однако, наш материал – названия домашних птиц в говорах Алтая – исследованию не подвергался, в то время как для этимологии и истории языка каждое новое слово, новое значение ценно и актуально.

Анализ ряда работ, посвященных проблемам современной исторической лексикологии, свидетельствует о том, что большинство исследователей при выяснении истории и этимологии слов прибегают к использованию диалектного материала. Это работы Г.М. Левиной «Наименование курицы в русских народных говорах», Ж.Ж. Варбот «Заметки об этимологии русской диалектной лексики», М.А. Липовской «Диалектные названия петуха», Г.А. Якубайлик «К истории слова хребет и хребтовый. (по материалам сибирских говоров)», Л.С. Безручко «Лексические заимствования в русском старожиловском говоре Пий-хемского района Тувинской АССР», А.Н. Ростовской «Показания языкового сознания носителей диалекта как лингвистический источник», К.М. Герасимовой «О составе лексико-семантической группы прилагательных со значением вкуса» и многих других. Данные работы свидетельствуют о том, что в последнее время повышается роль диалектного источника в решении этимологических проблем.

Жизнь коренного населения Республики Алтай и Алтайского края испокон веков тесно связана с природой, лексика растительного и животного мира охватывает практически все сферы хозяйственной деятельности и промыслы местного населения, тем самым, составляя значительную часть их словаря. Наблю-

дения над говорами Алтая позволили выделить 23 диалектных наименования домашних птиц, имеющих прозрачную внутреннюю форму слова, и распределить лексические единицы по 4 семантическим моделям, образованным на основе мотивировочных признаков.

1. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «звукоподражание» представлена 12 наименованиями: *квохтунья*, *квохтуха*, *квохча*, *квочка*, *клохтуха*, *клохтуша*, *клочка*, *клошка*, *курка*, *куричонка*, *курушка*, *гусиха*. Рассмотрим некоторые наименования данной модели.

Квохтунья – «курица-наседка» [2, т. 2, ч. 2, с. 33]. Лексема также встречается в ярославских, тамбовских [3, т. 13, с. 170] и в среднеобских говорах: «Когда курица парит, её квохтунья называли» [4, т. 2, с. 76]. *Квохтуха* имеет в говорах Алтая аналогичное значение («Курица-квохтуха, когда ей сидеть на яйцах» [2, т. 2, ч. 2, с. 33]. Та же лексема встречается в обаянских, курских, воронежских и псковских говорах. Слово *квохтуха* характерно только для говоров. В старорусской письменности, как и в говорах, мы встречаем однокоренной глагол *квохтати* в переносном значении: «Жаба да баба квохчють да клохчють» [5, т. 7, с. 108]. *Квочка* – «курица-наседка» [2, т. 2, ч. 2, с. 33]. Лексема широко распространена в говорах: ярославских, вологодских, курских, новгородских, уральских, красноярских («Загоны квочку с цыплятами» [3, т. 3, с. 170]); приамурских («Курица наседка – квочкой называли» [6, с. 115]); среднеобских («Наседку-курицу звали квохтуней, мая свекровка звала квочкой» [4, т. 2, с. 76]). В древнерусской письменности зафиксирован глагол *квочити* в переносном значении: «Жена же зыла и корима бѣсится и квочима выхиться» [7, т. 1, ч. 2, ст. 1203]. В.И. Даль отмечает только прямое значение слова «наседка» [8, т. 2, с. 104]. В современном русском литературном языке лексема *квочка* имеет значение «курица-наседка» [9, т. 2, с. 45]. *Клочка* – «курица на яйцах с цыплятами» [2, т. 2, ч. 2, с. 44]. Слово *клошка* так же встречается в томских и кемеровских говорах [3, т. 13, с. 307], в говорах Приамурья [6, с. 118], Урала [10, с. 234].

Лексемы *квохтунья*, *квохтуха*, *квочка*, *квохча*, *клохтуха*, *клохтуша*, *клочка* имеют прозрачную внутреннюю форму и являются производными от глаголов *квохтать*, *клохтать*. Н.М. Шанский определяет глаголы как общеславянские, хотя они и выступают в разном фонетическом облике в славянских языках [11, с. 193]. М. Фасмер относит глаголы к звукоподражательным [12, т. 2, с. 253]. Таким образом, названия птиц, производные от глаголов звукоподражательного происхождения.

Курка – «курица» [2, т. 2, ч. 2, с. 125]. В связи с выяснением семантики слова на разных этапах его развития можно проследить интересную тенденцию. Начиная с XI века известно слово *кур*, как это зафиксировано в «Остромировом Евангелии»: «Гл҃ѣ тебѣ іаковъ сиѣжъ нощь, прѣжде даже коурѣ възгласитъ три кр҃аты отвержѣшиа мя» [7, т. 1, ч. 2, с. 1379]. В современном русском литературном языке множественное число сохраняется от этого слова. Так, в МАС указывается две формы множественного числа от слова курица: *курицы* и *куры* [9, т. 2, с. 152]. В древнерусском языке женскую особь называли *кура* [5, т. 8, с. 135], форма сохранилась в диалектах (архангельских, вологодских, новгородских, вятских, ярославских и других говорах) и во многих славянских языках [13, т. 13, с. 129]. Слово *курка* зафиксировано в XVII веке в «Сказании о куре и лисице»: «А я-су подумалъ: кормилца то есть наша, детки у нея, надобно ей курки» [5, т. 8, с. 135]. Слово *курица* отмечено и ранее (1128 год): «Яко же курица гнѣздо свое подъ криле» [Там же]. Все эти названия известны диалектам Алтайского края. Это явление подчеркивает способность говоров сохранять первоначальные формы и значения слов. При выяснении этимологии слова *курка*, рассмотрим его как образование с помощью суффикса *-иц(а)* от слова *куръ* в значении «петух», которое в свою очередь представляет собой образование с помощью суффикса *-ръ* от звукоподражательного *ку-*. Сравните, например, в древнеиндийском *kauti* – «кричать». Следовательно, *куръ* – буквально «крикун, певец» [11, с. 277]. Объединяем слова *курка*, *курушка*, *куричонка* как родственные с *куръ* и считаем их происхождение звукоподражательным.

Гусь [9, т. 1, с. 359], *гусиха* – «гусыня. Две гусихи да два гусака» [2, т. 1, с. 241]. Аналогичное название этой птицы мы встречаем в архангельских, вологодских, вятских говорах: «К весне оставили одного гуся да трех гусих» [3, т. 7, с. 244], а также в русских старожиловских говорах средней части реки Оби: «Гусиха опять поплелась» [4, т. 1, с. 113]. Лексема *гусыня* впервые зафиксирована в «Псковской судебной грамоте» (XIV – XV вв.): «А за гоусак и за гоусыню присужат по .в. денги» [4, т. 1, ч. 1,

с. 611] и, как видно, используется в значении названия птицы. В старорусской письменности лексема *гусыня* так же употребляется в прямом значении: «Дворовые женки... украли гусыню и посадили въ садокъ» [5, т. 4, с. 162]. В.И. Даль рассматривает слово *гусиха* в значении «самка гуся» [8, т. 1, с. 410]. Такое толкование слова мы также обнаруживаем в современном русском языке. На данном этапе, родственное слову *гусиха*, *гусь* употребляется также во фразеологизмах: «Гусь лапчатый. Гусей дразнить – бесцельно вызывать раздражение»; «Как с гуся вода...» [9, т. 1, с. 359]. Этимологи толкуют лексему как звукоподражание [16, т. 1, с. 171; 12, т. 1, с. 478; 11, с. 66; 13, т. 7, с. 88]. Мы соглашались с данным мнением и считаем, что слово *гусь* является суффиксальным производным от того же звукоподражания *га*, что и немецкое *Gans*, латинское (*h*)anser, древнеиндийское *hanisa*. Исконное **gans* изменилось в **gōs*, где носовой перешел в у (*гусь*). Птица названа по характерному для нее крику. С давних пор, до последнего времени выдвигается и дискутируется мысль о заимствовании славянского *gōsъ* из германского, причем ссылаются на отклонения в славянском от сатемного рефлекса, а также на изобилие в древней Германии гусей отличного качества. О.Н. Трубачев против заимствования славянского *gōsъ*, в частности из германского **gans-*, приводит наличие *-l-* основы в славянском языке, регулярно продолжающей древний тип на согласный; против этого говорит и древнее производное **gōseŕь*, с собственным соответствием в латинском, а не германском [13, т. 7, с. 88]. Таким образом, название птицы является звукоподражательным.

2. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «внешние особенности птицы» представлена 4 названиями: общий внешний вид птицы – *пырун*, *пырушка*; окраска – *белуха*, *чернушка*.

Пырун – «индюк» [2, т. 3, ч. 2, с. 189]. Лексема характерна только для говоров Алтая. *Пырушка* – «индейка» [2, т. 2,

ч. 2, с. 189]. В XIX веке зафиксирован глагол *пырить* в значении «топорщить, вздымать шерсть, перья и оттопыривать» [8, т. 3, с. 547]. М. Фасмер отмечает связь наименования индюка с глаголом *пырить* «топорщить» [12, т. 3, с. 410]. Таким образом, название птице дано по внешнему виду, то есть по оттопыренным перьям. *Белуха* – «кликча птицы по цвету перьев» [2, т. 1, с. 55]. Наименование птицы *белуха* зафиксировано только в говорах Алтая в Усть-Канском районе. Лексема имеет прозрачную внутреннюю форму. Несомненно, птица получила название по цвету перьев, что подтверждается носителями диалектов: «Располичам куриц по масти. Скажем: склала чернуха там, пеструха <...> белянка ли, белуха» [2, т. 1, с. 55].

Можно отметить следующую особенность, характерную для говоров: по окраске птиц в диалектах создаются их клички. Ярким примером этому могут послужить следующие наименования: *белуха*, *пеструха*, *чернуха* – «кликчи куриц по цвету перьев» [2, т. 1, с. 55]. Лексемы имеют прозрачную внутреннюю форму: птицы названы по цвету перьев. Что подтверждается примером из говоров: «Располичам куриц по масти. Скажем: склала чернуха, там пеструха <...> белянка ли, белуха» [2, т. 1, с. 55].

3. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «поведение» представлена 6 лексемами: *парунык*, *паруныя*, *седунья*, *клевуи*, *клевуныя*, *парица*.

Клевуныя – «Женск. к клевун; клеуи – «Петух, имеющий привычку часто клевать» [2, т. 2, с. 40]. Наименование *клевуи* зафиксировано также в вологодских говорах [3, т. 13, с. 272]. Впервые наименование встречается в XVIII веке в «Словаре Академии Российской» в форме *клевака*, называя «драчливую птицу» [14, т. 10, с. 51]. Следовательно, названия *клевуи*, *клевуныя* отражают поведение птицы.

Парица – «курица-наседка» [2, т. 3, с. 16]. *Парунык* – «курица-наседка»: «Парунык – это, знаешь, когда курица на яйцах сидит» [2, т. 3, с. 19]. Данное наименование зафиксировано в говорах среднего Урала: «Вот парунык вчарась сигнала» [10, с. 393]. *Паруныя* – «паруныя, которая сидит на яйцах» [2, т. 3, с. 19]. Данное наименование распространено в красноярских, среднеобских говорах в значении «наседка» [15, с. 143; 4, т. 2, с. 10]. Наименование птицы зафиксировано в старорусской письменности, в XVII веке, имея аналогичное значение [5, т. 14, с. 157]. М. Фасмер и А.Г. Преображенский объясняют происхождение слова *паруныя* как производное от «*парить*», сравнивая с литовским *perėti* «высиживать» [12, т. 3, с. 210; 16, т. 2, с. 739]. Считаем, что наименования *парица*, *парунык*, *паруныя* имеют прозрачную внутреннюю форму и являются суффиксальными производными от глагола *парить*.

Седу́нья – «курица-наседка»: «Она сперва клохчет, а потом сидит» [2, т. 4, с. 69]. В среднеобских говорах зафиксировано аналогичное наименование наседки: «У меня седу́нья сидит на яйцах» [4, т. 3, с. 134]. Лексема *седунья* имеет прозрачную внутреннюю форму и называет птицу по поведению.

4. Семантическая модель, основу которой составляет мотивировочный признак «биологические особенности» представлена наименованием *кладунья* – «курица, несущая много яиц» [2, т. 2, с. 38]. Лексема зафиксирована только в говорах. В Словаре русских народных говоров отмечено два значения наименования: 1. «курица, несущая много яиц», 2. «женщина, часто рожаящая, имеющая много детей» [3, т. 13, с. 260]. В основе наименования птицы положена следующая биологическая особенность: способность к яйценоскости.

В результате исследования удалось выявить особенности семантического развития отдельных лексем и время их вхождения в лексическую систему русского языка: в древнерусском периоде зафиксированы лексемы *гусыня*, *кур*; в старорусской письменности – *гусыня*, *кур*; в XVIII-XIX веке – *гусыня*, *квочка*, *кур*, *клевака* «драчливая птица», *парунья*; в современном русском литературном языке – *гусыня*.

В некоторых наименованиях прослеживается следующая тенденция: слово употребляется в традиционной форме и значении с древнерусского периода до XIX века, в современном русском литературном языке значение сохраняется, а звуковая оболочка изменяется, однако в говорах слова сохраняют ту форму, которая была присуща им на предыдущих этапах. Это подчеркивает способность говоров удерживать архаические явления, сохранять первоначальные значения слов. Например, в современном русском литературном языке *курица*, а в говорах и в более ранние периоды развитие языка – *кур*.

Большинство названий птиц в говорах Алтая имеют аналогии в других диалектах. Названия птиц можно сгруппировать по регионам распространения: а) названия, охватывающие Урало-Сибирский регион: *парунья* (в уральских), *седунья* (в среднеобских), *квочка* (в уральских); б) названия, известные не только на Урале и в Сибири, но и на Севере Европейской России: *кладунья* (в вологодских), *клеву́н* (в вологодских), *гусиха* (в архангельских, вологодских, вятских, среднеобских), *квочка* (в вологодских, красноярских), *клохтуша* (в иркутских, вятских, ярославских), *курушка* (в архангельских, орловских); в) названия, отмеченные в южнорусских говорах: *клохтуха* (в псковских), *квочка* (в курских), *курушка* (в орловских, архангельских). Таким образом, группировка по ареалам распространения свидетельствует о разноречивой основе говоров Алтайского края.

Есть лексемы, зафиксированные только в говорах Алтая: *пырун* «индюк»; *белуха* «курица белой масти»; *парица* «наседка»; *пырушка* «индейка». Все проанализированные лексемы имеют в говорах Алтая прямые значения наименования птиц. Известны случаи, когда одна птица имеет несколько наименований. Например, *седунья*, *клеу́нья*, *кладунья*, *парица* – «курицу». Это связано с тем, что в основу наименования положены различные мотивировочные признаки для названия птицы. Из примеров можно проследить характерную для диалектов особенность – детализацию названий одного и того же биологического вида.

Сопоставления делают очевидным то, что любая тематическая группа представлена в диалектах несравненно большим количеством лексем, чем в литературном языке. Данное обстоятельство не может не содействовать большей объективности и

обоснованности выводов о семантических связях слов, анализируемых в составе того или иного лексического объединения.

Изучение словарного состава тематической группы «Названия птиц» в говорах Алтая показало, что каждое слово его связано с другими словами. Эти связи исключительно разнообразны и сосуществуют одновременно. Так, например, диалектное слово *парунья* в говорах Алтая в значении «курица-наседка» связано мотивировочными отношениями со словом *парить* и его одно-корневыми лексемами, структурно-семантическими связями со словами *кладунья* «курица, несущая много яиц», *седунья* «наседка».

В исследуемой группе можно отметить следующие виды вариантов слов: лексико-фонетические, морфологические, лексико-семантические. Вслед за О.И. Блиновой, под лексико-фонетическими вариантами слова мы понимаем «такие лексические единицы (лексемы), которые различаются или звуковым составом корневой морфемы, или местом ударения» [17, с. 101]. В связи с этим лексико-фонетические варианты слова делятся на фонематические, различающиеся количеством или качеством фонем (при неизменном ударении), и акцентологические, различающиеся местом ударения.

В говорах отмечены фонематические варианты слов: *квочка* (Алейский район) – *клочка* (Краснощекинский район); *квохтуха* (Шипуновский район) – *квахтуха*; *квохту́нья* (Ребрихинский район) – *клохту́нья* (Усть-Канский район); акцентологические варианты: *курушка* (Бийский район) – *курушка́*; лексико-морфологические варианты представлены суффиксальным типом: *гусыня* – *гусиха* (Усть-Канский район); *кура* – *курка* (Усть-Канский район); *квохтуха* (Шипуновский район) – *квохту́нья* (Ребрихинский район) – *клохту́ша* (Усть-Канский район); *парунья* (Тюменцевский район) – *пару́нька* (Троицкий район).

Кроме того, в группе представлены словообразовательные парадигматические отношения, которые позволяют сделать вывод о том, что домашние птицы имеют общие названия, названия самок, самцов и детенышей, а также в данной группе есть междометия, используемые для обозначения подзыва и крика птиц, и есть глаголы, обозначающие крики птиц. Данная группа представлена на всей территории края. Можно отметить подробную детализацию в названии курицы, что свойственно диалектам. Широта данной группы связана с тем, что домашние птицы находятся рядом с человеком, приносят пользу.

Таким образом, на материале говоров Алтая подтверждено положение о том, что каждая лексическая группа, выделенная по тематическому принципу, имеет свой набор мотивировочных признаков, зависящий от объективных свойств самих обозначаемых объектов, что является проявлением системы языка в процессе номинации. Набор основных мотивировочных признаков в каждой семантической модели обусловлен, главным образом, внемарксистическими факторами и имеет ярко выраженную прагматическую направленность.

Материалы данного исследования могут быть использованы для приобщения учащихся к общекультурным и национальным ценностям через региональный аспект образования, отражающий особенности конкретного региона. Реализация регионального компонента в языковом образовании предполагает обязательное обращение к местным языковым особенностям, к лингвистическому краеведению. Наряду с изучением региональной ономастики, языка фольклора своего родного края, языка художественных произведений местных авторов необходимо обращение и к диалектной речи.

Библиографический список

1. Топоров В.Н. Из индоевропейской этимологии. V (1). *Этимология 1991 – 1993*. Москва, 1994.
2. *Словарь русских говоров Алтая*: в 4 томах. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1993.
3. *Словарь русских народных говоров*. Москва-Ленинград: Наука, 1965-1987; тт. 1 – 23.
4. *Словарь старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби*. Томск: ТГУ, 1965 – 1967, тт. 1 – 3.
5. Срезневский И.И. *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, вып. 1-6. Москва, 1975 – 1979.
6. *Словарь русских говоров Приамурья*. Сост. Ф.П. Иванов и др. Москва: Наука, 1983.
7. *Словарь древнерусского языка XI – XIV вв.*: в 10 томах. Москва, 1988 – 1991.
8. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 томах. Москва: Русский язык, 1989 – 1991.
9. *Словарь русского языка*: в 4 томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
10. *Словарь русских говоров Среднего Урала*. Екатеринбург, 1996.
11. *Краткий этимологический словарь русского языка*. Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Москва: Просвещение, 1975.
12. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 томах. Москва, 1996.
13. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Под редакцией О.Н. Трубачева. Вып. 1 – 22. Москва, 1975 – 1995.
14. *Словарь русского языка XVIII век*. АН СССР. Институт русского языка; Главный редактор Ю.С. Сорокин. Ленинград: Наука. 1984 – 1991. Вып. 1 – 6.
15. *Словарь русских говоров южных районов Красноярского края*. Под ред. В.Н. Рогова. Красноярск, 1968.

16. Преображенский А.П. *Этимологический словарь русского языка*: в 2 томах. Москва, 1986.
17. Блинова О.И. *Введение в современную региональную лексикологию*. Томск, 1973.

References

1. Toporov V.N. Iz indoevropskoj etimologii. V (1). *Etimologiya 1991 – 1993*. Moskva, 1994.
2. *Slovar' russkikh govorov Altaja*: v 4 tomah. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 1993.
3. *Slovar' russkikh narodnyh govorov*. Moskva-Leningrad: Nauka, 1965-1987; tt. 1 – 23.
4. *Slovar' starozhil'cheskich govorov srednej chasti bassejna reki Obi*. Tomsk: TGU, 1965 – 1967, tt. 1 – 3.
5. Sreznevskij I.I. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.*, vyp. 1-6. Moskva, 1975 – 1979.
6. *Slovar' russkikh govorov Priamur'ja*. Sost. F.P. Ivanov i dr. Moskva: Nauka, 1983.
7. *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI – XIV vv.*: v 10 tomah. Moskva, 1988 – 1991.
8. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*: v 4 tomah. Moskva: Russkij yazyk, 1989 – 1991.
9. *Slovar' russkikh govorov*. Pod red. A.P. Evgen'evoj. Moskva: Russkij yazyk; Poligrafresursy, 1999.
10. *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala*. Ekaterinburg, 1996.
11. *Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. N.M. Shanskij, V.V. Ivanov, T.V. Shanskaya. Moskva: Prosveschenie, 1975.
12. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*: v 4 tomah. Moskva, 1996.
13. *Etimologicheskij slovar' slavyanskich yazykov. Praslavyanskij leksicheskij fond*. Pod redakciej O.N. Trubacheva. Vyp. 1 – 22. Moskva, 1975 – 1995.
14. *Slovar' russkogo yazyka XVIII vek*. AN SSSR. Institut russkogo yazyka; Glavnyj redaktor Yu.S. Sorokin. Lenigrad: Nauka. 1984 – 1991. Vyp. 1 – 6.
15. *Slovar' russkikh govorov yuzhnyh rajonov Krasnojarskogo kraja*. Pod red. V.N. Rogova. Krasnojarsk, 1968.
16. Preobrazhenskij A.P. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*: v 2 tomah. Moskva, 1986.
17. Blinova O.I. *Vvedenie v sovremennuyu regional'nuyu leksikologiyu*. Tomsk, 1973.

Статья поступила в редакцию 28.07.15

УДК 81'362

Gainutdinova A.F., Doctor of Sciences (Philology), chief researcher, Institute of Language, Literature and Art of Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia), E-mail: albina_gain@mail.ru

Farkhutdinova L.T., postgraduate (Philology), Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Republic of Tatarstan (Kazan, Russia), E-mail: l.talgatovna@gmail.com

COMPARATIVE STUDY OF A GERUND IN ENGLISH AND AN ACTION NAME IN TATAR. This article investigates a gerund in English and an action name in Tatar, what makes the research be a comparative study. It plays one of the most important roles in an active vocabulary. The research has studied the two phenomena in English and Tatar, which belong to different structural forms, in the functional-semantic, morphological and syntactic levels. During the study some similarities among non-finite verbal forms in English and Tatar were found, such as the ability to express a grammatical voice and to form a negative form; both the gerund and the action nouns don't have category type and ability to express duration, etc. The gerund and the action nouns have features of both a noun and a verb. In a sentence they often function as a subject and an object. Despite the overwhelming number of similarities between the gerund and the action nouns in the studied languages, they also have distinctive features.

Key words: comparative linguistics, comparative grammar, non-finite verbs, gerund in modern English, action nouns in the modern Tatar language.

А.Ф. Гайнутдинова, д-р филол. наук, гл. науч. сотр. отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, E-mail: albina_gain@mail.ru

Л.Т. Фархутдинова, соискатель уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, E-mail: l.talgatovna@gmail.com

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГЕРУНДИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье исследуются герундий английского языка и имя действия татарского языка в сопоставлении. Герундий и имя действия представленных разнотипных языков были изучены на функционально-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. В ходе работы над данным исследованием были обнаружены некоторые сходства в системе неличных форм глагола английского и татарского языков, такие как способность выражать залого, образовывать отрицательную форму, отсутствие категории вида и способности выражать время действия и т. д. Герундий и имя действия обладают свойствами существительного и глагола, а в предложении чаще выполняют функции подлежащего и дополнения. Несмотря на преобладающее количество общего между герундием и именем действия в исследуемых языках, также у них наблюдаются и отличительные черты.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание, сравнительная грамматика, неличные формы глаголов, герундий в современном английском языке, имя действия в современном татарском языке.

Сопоставительное изучение разнотипных языков всё глубже укрепляется в языкознании как одно из ключевых направлений. Сопоставительный анализ английского и татарского языков представляет большой интерес в грамматическом плане с точки зрения общей характеристики строя современного английского и татарского языков, одной из специфических особенностей которых является развитая система неличных форм глагола. Актуальность данной работы состоит в том, что до сих пор в языкознании не были достаточно изучены неличные формы глагола в разнотипных английском и татарском языках, которые составляют не только активный словарь, но и представляют собой особые трудности при их переводе и употреблении. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые делается

попытка сопоставительного изучения герундия английского языка и имени действия татарского языка на семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Теоретической базой для настоящего исследования послужили работы таких авторов, как А.И. Смирницкий, Б.А. Ильиш, М.Я. Блох, И.П. Иванова, В.Д. Аракин, В.Н. Жигadlo, Л.С. Бархударов, В.Л. Каушанская, Е.И. Беляева, О. Есперсен, М.З. Закиев, Ф.Ю. Юсупов, Ч.М. Харисова, а также труды по сопоставительной типологии разнотипных языков В.Н. Хисамовой, З.З. Гатиатуллиной, А.Ю. Гиниятуллиной, А.Ф. Гайнутдиновой.

Герундий является неличной формой английского глагола, которая объединяет в себе признаки имени существительного и глагола. Герундий образовался от отглагольного существитель-

ного, которое с течением времени приобрело глагольные признаки, сохраняя при этом субстантивные качества. Герундий, так же, как и причастие I английского языка, образуется путем прибавления аффикса *-ing* к основе глагола.

В татарском языке английскому герундию соответствует имя действия (исем фигылъ). Имя действия обозначает действие (состояние, процесс и т. п.) в наиболее общем виде безотносительно к наклонению и времени. Имя действия образуется от глагольной основы путем присоединения к ней форманта *-у/-ү*. В некоторых тюркских грамматиках его называют субстантивированной формой глагола, неопределенной формой глагола, либо отглагольным именем [1]. Отдельные имена действия, теряя глагольные признаки, превращаются в имена существительные: *буяу* «крашение, краска»; *уку* «чтение, учеба»; *язу* «написание, записка»; *жиңу* – «побеждать, победа» [2].

Герундий и имя действия обладают следующими **свойствами существительного**:

1) Герундий может быть в предложении подлежащим, составной частью сказуемого, а также прямым дополнением. Герундию может предшествовать предлог, и в этом случае герундий может являться в предложении как предложным дополнением, так и определением или обстоятельством. Имя действия является чаще подлежащим, определением, дополнением.

2) Герундий может иметь в качестве определения существительное в притяжательном или общем падеже, или притяжательное местоимение. Имя действия, так же, как и герундий, может управлять именем в каком-либо падеже [1, с. 233].

3) Имя действия татарского языка в отличие от герундия английского языка принимает аффиксы принадлежности, числа и падежа: *килү-ем-нең*, *күченү-ләр*, *кайту-га*.

Герундий и имя действия обладают следующими **свойствами глагола**:

1) Герундий и имя действия выражают залого. Таким образом, от переходных глаголов английского языка герундий образует формы действительного и страдательного залога:

He liked neither reading aloud nor being read aloud to (Maugham). – Он не любил ни читать вслух, ни слушать чтение других.

В татарском языке имя действия имеет формы следующих залогов: *юу* (основной залог) «мыть», *ю-ын-у* (возвратный залог), *ю-ыл-у* (страдательный залог), *ю-ыш-у* (совместный залог) «помочь мыть», *ю-дырт-у* (понудительный залог) «указание помыть что-либо».

2) Герундий выражает соотнесенность во времени, т. е. одновременность или предшествование времени действия, выраженного личной формой глагола. В татарском же языке имя действия не обладает глагольными формами времени. Следует отметить, что в форме Indefinite Active и Passive герундий может выражать действие, относящееся к прошлому и будущему, безотносительно ко времени глагола-сказуемого в предложении, в зависимости от обстоятельственных слов или смысла всего высказывания [3], что так же характерно и для имени действия татарского языка, например:

I remember meeting you somewhere before. – Я помню, что где-то встречал вас раньше.

The research party was sure of finding rich seams of coal. – Изыскательская партия была уверена в том, что она найдет богатые пласты угля.

В первом примере герундий *meeting* относится к глаголу-сказуемому *remember* в настоящем времени, однако выражает действие, относящееся к прошлому, на что указывает наречие *before*. Во втором примере герундий *finding* связан с глаголом-сказуемым в прошедшем времени *was sure*, но по смыслу всего высказывания герундий выражает действие, которое произойдет в будущем.

Бу шомлы сузларне пионерларның беренче ишетүләре түгел иде (Г. Гобей). – Эти тревожные слова пионеры слышали не первый раз.

В рассматриваемом выше примере имя действия *ишетүләре* определяется существительным *пионерларның*, не указывая при этом на время совершения действия. Однако вспомогательный глагол *иде* указывает на действие, относящееся к прошлому.

3) Как герундий, так и имя действия принимают форманты аспекта: *speaking* «говорение», *writing* «письмо», *reading* «чтение»; *белү* «знание», *ташлау* «бросание».

4) Отрицательная форма герундия в английском языке образуется при помощи отрицательной частицы *not*, которая занимает

его позицию перед герундием. Имя действия татарского языка, в свою очередь, принимает аффикс отрицания *-ма -мә*. Например, в английском языке отрицательной формой герундия *riding* является *not riding, watching – not watching*. В татарском же языке отрицательная форма образуется синтетическим путем: *бару – бармау*, *күрү – күрмәу* и др.

Отличительной особенностью герундия является то, что в различных его употреблениях одновременно могут выступать как его именные, так и глагольные свойства [4]:

The energy of a body is its capacity for doing work. – Энергия тела – это его способность выполнять работу.

В данном примере герундий *doing* выполняет синтаксическую функцию определения существительного *capacity*, указывая при этом на именное свойство герундия, и в то же время определяется прямым дополнением *work*, в чем проявляются его глагольные качества.

Имена действия татарского языка в большинстве случаев употребляются в функции существительных:

Мин гомернең кая барганын, уйнауның, балачакның ни икәнен белми яшим (Г. Ибраһимов). – Я живу, не зная, куда идет жизнь, что такое игры и детство.

В синтаксическом плане герундий и имя действия выполняют следующие основные функции в предложении:

Подлежащее:

Dancing had not begun yet... (Mansfield). – Танцы еще не начались...

Talking mends no holes (Proverb). – Разговоры не помогают в беде.

Баганага белдерү ябыштырылган иде (А. Шамов). – На столб было приклеено объявление.

В данных примерах герундий и имя действия выполняют функцию подлежащего в предложении. Необходимо отметить, что как в английском, так и в татарском предложениях подлежащее переводится на русский язык именем существительным.

Часть составного сказуемого:

Corder didn't realize there was a war on. All he thought of was reading books (R. Gr.). – Кордер не представлял себе ясно, что идет война. Он думал только о чтении книг.

Формы имени действия могут сочетаться с послелогом. При этом они выполняют функцию сказуемого синтетических придаточных [5, с. 120]:

Кояш чыгу белән, көн жылынды. – С восходом солнца день стал теплее.

Вакытында яңгыр булмау сәбәпле сабаннар да уңмады (И. Гази). – Из-за того, что вовремя не было дождей, и яровые не уродились.

Дополнение:

She enjoyed singing and playing to him (London). – Ей доставляло удовольствие петь и играть для него.

Charlie did not succeed in taking things easily (Priestley). – Чарли не удавалось смотреть легко на вещи.

Герундий может выполнять функции как прямого, так и предложного дополнения. Так, в первом примере герундий *singing* и *playing* выполняет функцию прямого дополнения. Во втором примере герундий *taking* является предложным дополнением.

Сезнең кайтуыгызы кәтәбез. – Мы ждем вашего возвращения.

В данном примере имя действия татарского языка выполняет роль дополнения в предложении.

Кроме всего вышеперечисленного герундий в английском языке и имя действия в татарском языке в предложении могут выполнять функции определения и обстоятельства.

Герундий часто входит в состав сложных существительных, указывая на основное назначение предмета, обозначенного именем существительным: *writing-paper* «писчая бумага», *driving force* «движущая сила», *drilling machine* «буровая машина». В татарском языке имя действия также является составной частью изафетных конструкций, выступая в качестве первого или второго компонента [1, с. 234]: *кайту хәбәре* «весть о возвращении», *сикерү таягы* «палка для прыжка», *артистың уйнавы* «игра артиста».

Несмотря на сходства, которые имеют герундий и имя действия, они все же обладают и некоторыми отличительными чертами. Так, например, в татарском языке имена действия, в отличие от герундия английского языка, принимают аффиксы многократности на *-гала/-гәлә*: *килү* «приход» – *кил-гәлә-ү* «приhajивание», *бару* «идти» – *бар-гала-у* «изредка ходить».

Таким образом, мы пришли к заключению, что герундий английского языка и имя действия татарского языка являются неличными формами глагола, обладающими схожими свойствами как имени существительного, так и глагола. Несмотря на принадлежность к разным языковым семьям, сходства в системе

неличных форм глагола английского и татарского языков имеют немаловажное значение не только для сопоставительного языкознания, но и для переводоведения, преподавания английского языка в учебных заведениях с татарским языком обучения, а также татарского языка для иностранных студентов.

Библиографический список

1. Закиев М.З. *Татарская грамматика: Морфология*. Казань, 1995; Т. 2.
2. Гайнутдинова А.Ф. *Частеречная транспозиция (субстантивация) в татарском языке в сопоставлении с русским языком*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Казань, 2011.
3. Ильиш Б.А. *Современный английский язык: теоретический курс*. Ленинград, 1980.
4. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. *Теоретическая грамматика современного английского языка*. Москва, 1981.
5. Опара А.А. *Типологические характеристики финитно-инфинитивных конструкций в разнотипных языках*. Диссертация кандидата ... филологических наук. Волгоград, 2003.
6. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. *Грамматика английского языка*. Москва, 1973.
7. Блох М.Я. *Теоретическая грамматика английского языка*. Москва: Высшая школа, 2000.
8. Гатиатуллин З.З. *Сравнительная типология родного (татарского) и английского языков*. Казань, 1979.
9. Казем-бек А.К. *Общая грамматика турецко-татарского языка*. Казань, 1838.
10. Плоткин В.Я. *Грамматические системы в английском языке*. Кишинев: Штиинца, 1975.
11. Харисова Ч.М. *Татарский язык: справочник*. Казань: Магариф, 2009.

References

1. Zakiev M.Z. *Tatarskaya grammatika: Morfologiya*. Kazan', 1995; T. 2.
2. Gajnutdinova A.F. *Chasterechnaya transpoziciya (substantivaciya) v tatarskom yazyke v sopostavlenii s russkim yazykom*. Avtoreferat dissertacii ... doktora filologicheskikh nauk. Kazan', 2011.
3. Il'ish B.A. *Sovremennyy anglijskij yazyk: teoreticheskij kurs*. Leningrad, 1980.
4. Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptov G.G. *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo anglijskogo yazyka*. Moskva, 1981.
5. Opara A.A. *Tipologicheskie harakteristiki finitno-infinitivnykh konstrukcij v raznostrukturnykh yazykah*. Dissertaciya kandidata ... filologicheskikh nauk. Volgograd, 2003.
6. Barhudarov L.S., Shteling D.A. *Grammatika anglijskogo yazyka*. Moskva, 1973.
7. Bloh M.Ya. *Teoreticheskaya grammatika anglijskogo yazyka*. Moskva: Vysshaya shkola, 2000.
8. Gatiatullina Z.Z. *Sravnitel'naya tipologiya rodnoho (tatarskogo) i anglijskogo yazykov*. Kazan', 1979.
9. Kazem-bek A.K. *Obschaya grammatika turecko-tatarskogo yazyka*. Kazan', 1838.
10. Plotkin V.Ya. *Grammaticheskie sistemy v anglijskom yazyke*. Kishinev: Shtiinca, 1975.
11. Harisova Ch.M. *Tatarskij yazyk: spravochnik*. Kazan': Magarif, 2009.

Статья поступила в редакцию 30.07.15

УДК 801.733 + 141.32

Morozov I.V., postgraduate, Foreign Philology Department, MCTTU, Foreign Languages teacher, School № 1212 (Moscow, Russia), E-mail: ivan-ruchinkan@mail.ru

AXIOLOGICAL ISSUES IN "THE DEAD WITHOUT BURIAL" BY J.-P. SARTRE. The paper is dedicated to the issue of axiology in Jean-Paul Sartre's play "The dead without burial" (1946). The issue has until recently received relatively little attention. Throughout the play, we can trace the motifs of existential axiology, which help determine the value foundations of human existence and track the changes of these principles in extreme conditions. Value can be seen as an opportunity to realize yourself in a historical epoch and a principle to create your own existence. It can give an answer to life's challenges and essential absurdity and be estimated as prevailing concept of consciousness and existence, aimed at obtaining the perfect being. This concept affects personality development and the world around by filling them with meaning and significance. It should be noted that the existential view of value is stated in understanding its essence as subjectivity.

Key words: existential axiology, existential drama, value foundations of human existence, creation of existence, fundamental change of human existence.

И.В. Морозов, аспирант каф. зарубежной филологии ГБОУ ВПО МГПУ, учитель иностранных языков в ГБОУ Школа № 1212, г. Москва, E-mail: ivan-ruchinkan@mail.ru

ПЬЕСА Ж.-П. САРТРА «МЕРТВЫЕ БЕЗ ПОГРЕБЕНИЯ»: ПРОБЛЕМЫ АКСИОЛОГИИ

Статья посвящена проблемам аксиологии в пьесе Ж.-П. Сартра «Мертвые без погребения» (1946), которой до сих пор не уделялось необходимого внимания. В тексте пьесы звучат мотивы экзистенциальной аксиологии, что позволяет определить ценностные основания человеческого бытия, а также проследить изменение этих принципов в экстремальных условиях. Ценность трактуется как возможность самореализации собственного «я» в определенную историческую эпоху и является принципом характерным для создания, выбранного человеком бытия. Она может становиться ответом на жизненный вызов и абсурдность безочеловечного существования и квалифицироваться как доминанта сознания и экзистенции, направленная на достижение совершенного бытия, влияющая на внутреннее развитие личности и окружающий мир через наполнение их значимостью и смыслами. Также, стоит отметить, что экзистенциальное видение ценности выражается в понимании её сущности как проявления субъективности.

Ключевые слова: экзистенциальная аксиология, экзистенциальная драматургия, ценностные основания человеческого бытия, создание бытия, преобразование человеческого бытия.

Проблематика подлинного и неподлинного бытия определяет сюжетные линии во французской художественной литературе XX века. Обращение к данному вопросу служит важным показателем нравственно-этической позиции автора, позволяет прояснить его оценку созданных им персонажей.

В пьесе «Мёртвые без погребения» Ж.-П. Сартр предоставляет зрителю возможность осмыслить ценности человеческого

сознания современников, попавших в пограничную ситуацию, когда «на кону» – жизнь. Герои пьесы пять партизан, находящихся в плену, которых пытаются, чтобы выведать пребывание их командира. Запертые на чердаке, люди полностью меняются. Те ценности, которые имели смысл на воле, неизбежно теряют свою значимость и постепенно заменяются иными. Персонажи пытаются сделать выбор в пользу долга, тем самым, обезопасить

свое бытие и придать вес принесенной ими жертве. «Театр абсурда демонстрирует ситуации поиска спасительного настоящего образа жизни, показывает, какие сложности возникают перед человеком в разграничении реального от самообмана» [1, с. 68].

У Ж.-П. Сартра герои делятся на две группы: партизаны и полиция. Так же как и в любой игре, каждая команда стремится к победе. Вот только победа неодинакова по смыслу. Для полиции – добыча сведений о местонахождении командира, для партизан – молчание и сохранение незапятнанной совести, вопреки любому возможному финалу. Мы видим, как каждый из заключенных воспринимает «стену», т. е. замкнутое пространство, в котором он заключен.

Partisans: Un grenier éclairé par une lucarne. Pêle-mêle d'objets hétéroclites: des malles; un vieux fourneau, un mannequin de couturière [2, p. 87].

Темный чердак – это внутренний мир всех пяти узников. В их сознании темнота, мысли словно загнаны в глубины подсознания, они вырываются наружу и не дают покоя. Старая кухонная плита – давние воспоминания, являющиеся и оберегающим их щитом и мечом, который невозможно парировать. Свет в слуховом окне – луч надежды, тонкий, но согревающий сердца героев. Изначально, комнату наполняет непроницаемая тишина, хотя мысли и чувства людей очевидны и без слов.

Canoris et Sorbier sont assis, l'un sur une malle, l'autre sur un vieil escabeau, Lucie sur le fourneau. Ils ont les menottes. François marche de long en large. Il a aussi les menottes. Henri dort, couché par terre [2, p. 87].

В поведении Франсуа – налицо нервозность, мысли не дают покоя, тишина убивает. Все пятеро партизан скованы наручниками. Это означает как реальную, так и метафорическую беспомощность что-то изменить, вернуться ли в прошлое и найти альтернативу, в общем – тупик. Периодически слышится резкая, вульгарная музыка – отзвуки внешнего мира, т.е. комнаты вражеской команды.

La milice: Une salle d'école. Bancs et pupitres. Murs crépis en blanc. Au mur du fond, carte d'Afrique et portrait de Pétain. Un tableau noir. A gauche une fenêtre. Au fond une porte. Poste de radio sur une tablette, près de la fenêtre [2, p. 131].

Каждый предмет в комнате обладает своим уникальным символом. Портрет Петена – это Франция под пятой коллаборационистского правительства (режим Виши). Африка – колония вне контроля вишистского режима. Все реалии комнаты, карта и портрет – символы противостояния, с одной стороны, людей, поддерживающих оккупантов, и с другой стороны – участников движения Сопротивления. Класс, парты, стены, доска – это символы мирной жизни, познания мира, обучения чему-либо. Из этого следует, что учениками-преподавателями являются полицейские. В этом классе они «преподают» боль, пытаются, дабы выудить нужную информацию. У коллаборационистов те же методы, что и у их учителей: уничтожить неугодных, евреев, интеллигенцию, склонить чашу весов в свою сторону, победить любыми способами. Pellerin: Tu as de l'instruction, salaud. (Aux miliciens.) Tapez dessus [2, p. 142].

В петеновской милиции служат малообразованные французы. Им свойственны ненависть и злоба к просвещенным людям. Вот эта сцена. Pellerin: Sa médecine! Le salaud. J'ai quitté le lycée à treize ans, moi, il fallait que je gagne ma vie. Je n'ai pas eu la chance d'avoir des parents riches pour me payer mes études [2, p. 147]. Landrieu: Oui. Les salauds! <...> Tous. Les Allemands aussi. Ils se valent tous. Si c'était à refaire [2, p. 137].

Подобные чувства испытывают и узники, запертые на чердаке. Физические пытки еще не начались, а каждый уже переживает душевную боль за поступки, совершенные в прошлом. Это высказывает Сорбье: Il y en a beaucoup d'autres qui sont morts. Des enfants et des femmes. Mais je ne les ai pas entendus mourir. La petite, c'est comme si elle criait encore. Je ne pouvais pas garder ses cris pour moi tout seul [2, p. 89].

Каждый из партизан раскаивается по-своему. Они пытаются облегчить свою совесть, сваливая все на невыполнимый приказ, приводящий либо к неминуемой смерти, либо к ситуации, в которой они оказались. Приведем характерные примеры. François: Nous avons obéi aux ordres. <...> Nous ne pouvions pas réussir. <...> Je suis le plus jeune: je n'ai fait qu'obéir. Je suis innocent! Innocent! Innocent! [2, p. 90 – 91]. Sorbier: A cause de nous, dans ce village il n'y a plus que des miliciens, des murs et des pierres. Ce sera dur de crever avec ces cris dans les oreilles [2, p. 91].

Герои заранее переживают те ужасы, которые выпадут и на их долю. Многие не выдерживают такого психологического гнета

та, ожидание и безвестность – невыносимы. Они страшнее, чем побои полицейских. Каждый пытается разобраться в себе, ощущая приближающийся финал, подвести итоги тому, кем они стали к исходу жизни, смогут ли они умереть с чистой совестью, перейти в иной мир достойно. Lucie: Je ne veux pas m'y préparer. Pourquoi vivrais-je deux fois ces heures qui vont venir? [2, p. 100].

Иную точку зрения высказывает Сорбье: je voudrais me connaître. Je savais qu'ils finiraient par me prendre et que je serais, un jour, au pied du mur, en face de moi, sans recours. Je me disais, tiendras-tu le coup ? <...> mais je suis volé: je vais souffrir pour rien, je mourrai sans savoir ce que je vaudrais [2, p. 105]. Анри также чувствует на себе груз ответственности: Il y a eu faute: je me sens coupable <...> Je n'aurais pas voulu mourir en faute. Si je pouvais trouver cette faute <...> Un homme ne peut pas crever comme un rat, pour rien et sans faire ouf [2, p. 107 – 108].

Подлинное бытие – высшая ценность экзистенциализма. Человек свободен, он имеет право на выбор. Ситуация свободного выбора является еще одним часто встречающимся компонентом сюжета, позволяющим раскрыть характер персонажа [1]. В своих пьесах, Ж.-П. Сартр всегда помещает героев в безвыходную ситуацию. Назовем некоторые его пьесы: «За закрытыми дверями» или «Затворники Альтоны». Уже в названиях присутствует мотив замкнутого пространства, из которого нельзя выйти. Выбор у мыслителя предстает в двух ипостасях: тот, который надо было бы совершить, чтобы предотвратить трагический сценарий развития событий и, выход, предлагаемый автором, в духе «театра абсурда». Только выбор, за который хватаются герои, несмотря, порой, на его притягательность, всегда ведет к смерти, по Ж.-П. Сартру, к концу проекта, и умереть, спокойно не получается. Автор как бы играет со своими персонажами, дает им абсурдную надежду на спасение, но итог всегда одинаков.

В пьесе Ж.-П. Сартра «Мертвые без погребения», ценности, обсуждаемые персонажами, предстают перед читателем в разных ипостасях. Вопросы, связанные с аксиологией популярны и актуальны на сегодняшний день: на этот счет существует обширная литература. В.Г. Вешинский предлагает широкий репертуар типов ценностей. Некоторые из них взяты на вооружение из его типологии для аксиологического анализа пьесы [3].

Первый тип ценностей, обсуждаемый персонажами пьесы – военно-силовой. Партизаны выполняют определенное задание разведывательного характера. Даже в плену, их задача – сохранение информации и предотвращение любой ее утечки. Секретность задания, долг перед родиной и товарищами, которые должны будут занять деревню, для них – незыблемые ценности. Партизаны готовы поступиться чем угодно, даже жизнью товарища, но исполнить свой долг.

Второй тип ценностей в пьесе – персоналистский. Данный тип относится к ценностям личной самореализации. Персонажи, испытывающие на себе весь ужас пыток, реализовать себя по-разному. Канорис и Анри не уступают полициям ни в чем. Их лица непроницаемы. Они не показывают ни невыносимую боль от пыток, ни готовности к сотрудничеству с полициями и, при этом, пытаются сохранить некое подобие духа. В момент выбора, должен ли жить Франсуа, они без каких-либо колебаний, приговаривают его к смерти.

Сорбье, сомневающийся в себе, и не знающий своего истинного «я», пытается всеми силами противостоять охватывающему страху умереть трусом и испытывать перед смертью вину. Моментом его самореализации, правомерно считать его самоубийство для сохранения информации о командире. Жан самореализуется в момент смерти Франсуа. Бездействие здесь тоже предстает в виде выбора. Любое решение персонажей – это выбор собственного «я» в конкретном бытии, являющимся ценным для экзистенциалистских подходов Ж.-П. Сартра.

Последний тип ценностей, обсуждаемый в пьесе – этический. Этические ценности в пьесе подчинены долгу партизан. Чтобы сохранить тайну, партизаны убивают своего товарища по оружию. Исток этого поступка можно уловить в момент пытки единственной женщины в отряде – Люси. По возвращении на чердак, Люси меняется, она духовно умирает и уже ничего не ощущает. Сестринская забота о брате, чувства к возлюбленному убиты тягостной пустотой внутри нее, подобием смерти при жизни. Впоследствии, она, как и другие партизаны в отряде, одобряет убийство Франсуа. Жизнь человека, в данном случае родного брата, обесценивается. В этот момент, для персонажей жизнь как ценность менее значима, чем долг. Моральная сторона поступка остается не совсем ясной. С одной стороны, интересы большинства правят меньшинство и для общего блага необходимы

жертвы. С другой же стороны, смерть Франсуа оказывается бесполезной, она лишь становится дополнительным грузом вины, легшим на плечи всех партизан.

Ценности героев в пограничной ситуации резко меняются. Если раньше – это были жизнь, здоровье, честь, чистая совесть, братство, то теперь они другие, либо трансформируются в нечто иное. Если узники играют в игру с полицией, средства для достижения целей могут быть любыми, вплоть до самоубийства. Герои идут ва-банк ради выигрыша. Sorbier: Il bondit à la fenêtre et saute sur l'entablement. J'ai gagné! N'approchez pas ou je saute. J'ai gagné! J'ai gagné! [2, p. 156].

Жизнь и здоровье человека обесцениваются. Преграды, которые сохраняли неизблемые истины «не убий!», разбиты в прах. Честь, чистая совесть, родственные связи – все принесено в жертву игре. Попытка изгадить себя от мук совести перед смертью – это чистой воды эгоизм. С одной стороны, молчание ради своего командира – верный выбор, с другой – убийство своего товарища по оружию, а в отдельном случае брата, основываясь лишь на предположение о неминуемой смерти – это затронутая гордость. Lucie: Il faut qu'il se taise. Les moyens ne comptent pas [2, p. 176].

Ж.-П. Сартр утверждал, что каждый человек имеет выбор, независимо оттого к каким последствиям он может привести [4]. Жан Жене переворачивает формулу Ж.-П. Сартра и делает принципом свободы лишь выбор зла. «Человек может состояться только тогда, когда он сам совершает действие, а не покорно исполняет то, что решено за него» [5, с. 6]. Однако персонажи сартровской пьесы могут реализовать себя только в злодеянии. «В этом злодеянии – проявление абсурдности мира, в котором экзистенциальный выбор совершается только при условии полного нарушения общественных норм» [5, с. 6].

Преступлением для узников чердака было убийство пятнадцатилетнего Франсуа, который, по молодости и незрелости, поддавался панике. «Состояться» он не смог, т. к. товарищи, по сути, лишили персонажа этой возможности, убив его. Зато они сделали свой выбор, вымостили себе дорогу в ад благими намерениями, обезопасили, в первую очередь, не неразглашение местонахождения командира, а собственную совесть, которая так и не принесет им покоя. Все ради выигрыша, игра, в которой на кон ставятся не деньги или материальные ценности, а духовное: жизни и души.

Henri: Les copains viendront dans ce village <...> Soixante qui t'ont fait confiance et qui vont crever mardi comme des rats. Jean: Vous n'avez pas le droit de me demander de choisir [2, p. 177]. Canoris: Il fallait qu'il meure [2, p. 181]. Вот она проигранная ставка. С каждым проигрышем человек теряет кусочек себя, перерождается, обесцвечивается, становится таким же белесым как стены класса, а сознание темным чердаком, но без слухового окна.

Поступки, совершённые любым из членов отряда, накладывают отпечаток и на остальных. Теперь они все связаны друг с другом. Если представить, что партизаны – это какая-то часть человеческого организма, любое действие заставляет двигаться остальных, и вина будет также разделена между «частями тела». Henri: Vous n'avez pas le droit de m'abandonner. Quand j'avais mes mains autour de son cou, il me semblait que c'étaient nos mains et que nous étions plusieurs à serrer, autrement je n'aurais jamais pu [2, p. 181].

Поэт А. Мишо в своем позднем сборнике «Угловые опоры» (1972) предлагает оригинальную трактовку выбора, отличающуюся от вариантов Ж.-П. Сартра (как «Бытия и ничто», так и «Экзистенциализм – это гуманизм»). Мишо призывает обратить внимание на отброшенные варианты, подумать о вероятных альтернативах проекта [1, с. 73]. «Жизнь была выбором, много раз, сотни раз, но главным образом – между пятью и шестью «возможными», стимуляторами различных жизней (каждая – удавшаяся, загубленная или никакая). И ты выбрал одну из них, все прочие устранив. В этом, ни в чем другом, и заключается перво-родный грех, если таковой существует» [6, с. 15].

Экзистенциальное видение ценности выражается в понимании ее сущности как манифестации субъективности и ее роли как возможности «перекодировки» реальности [7]. Сартровские

партизаны пытаются «перекодировать» реальность. После долгих и мучительных пыток, страшной смерти Франсуа, партизаны решают обмануть полицаев и показать место, где прячется командир. Ценность жизни снова становится для них значимой, но выбор, сделанный ранее, показывает им всю абсурдность их ситуации. Даже новый, хорошо продуманный план, не избавляет их от предыдущей ошибки. Выжив после плена, они все равно теряют часть себя. Физические экзекуции, осуществляемые полицаями, становятся психологическими пытками, которые останутся с ними до самого конца. «Перекодирование» своего нынешнего существования, реализуется у партизан в рамках уже выбранного ими бытия.

Подводя итог, можно посмотреть, добились ли партизаны той истинной победы, которую они так жаждали. Смерть с чистой совестью, как некий заветный кубок, так никому и не достался, разве что Сорбие, который не участвовал в убийстве товарища и умер, до момента пока его чуть было не «сломили» полицаи. Самоубийство было избавлением для него от превращения в «белесое существо» [8]. Что до остальных, их смерть не назавешь спокойной, хотя они были готовы к ней. Дело сделано, победа в кармане, но она не истинна, цена выигрыша слишком велика. Lucie: Si j'avais su que tu allais manger le morceau, crois-tu que je vous aurais laissé toucher à mon frère [2, p. 213]. Для Жана события того дня останутся навечно в его памяти и сердце. Пусть его не расстреляли, но совесть будет мучить его всю жизнь, пока не наступит момент освобождающей смерти, которого, по пьесе, он лишен. Неспособность действовать и руководить в качестве лидера оставит несмываемый след в его душе.

В конце пьесы, герои понимают, что расставаться с жизнью – это безрассудство. Несмотря на ужасную смерть их товарищей, жизнь снова становится значимой для оставшихся партизан. Canoris: Ils nous ont un peu abîmés, mais nous sommes encore parfaitement utilisables [2, p. 207].

Вот только поздно уже, отчисления на счет выполнены, игра выиграна. Выбор собственного бытия уже сделан всеми тремя партизанами. Попытка «перекодировать» свое бытие за счет изменения ценностей уже невозможна для них. Реализовав себя через убийство своего брата по оружию, партизаны, тем самым, лишили Франсуа возможности творить свою судьбу. Теперь, они находятся в похожем положении, что и Франсуа. Их жизни зависят от решения других людей.

В поступке Клоше, одного из полицаев, решавшего судьбу пленников, есть что-то гуманное и, в тоже время, садистское. С одной стороны, персонаж нарушает данное партизанам обещание и, таким образом, полностью обесценивает их поступки. Все жертвы узников, их мучения и преданность делу – бесполезны. С другой стороны, люди, совершившие столько ошибок за сутки, не смогли бы жить нормальной жизнью. Время, проведенное в плену, жестокие пытки полицаев, искалечили их физически и духовно. Самой страшной карой для них были бы воспоминания о погибших товарищах, о сделанном выборе. Можно предположить, что расстрел являлся метафорическим освобождением для Канориса, Анри и Люси, но кто знает, что ожидало бы их после смерти. Возможно, они стали бы тремя героями, живущими по соседству в аду с Эстель, Инес и Гарсэном из пьесы «За закрытыми дверями».

Партизаны проигрывают «я», объединяющее их как соратников. В конце они лишаются единственной ценности – их жизнью. Ценность жизни была столь ничтожна для них на протяжении всей пьесы, но теперь, обретя истинную значимость, её вырывают из их рук, тем самым, подвергнув их самым страшным пыткам – крушению надежды и духовному умерщвлению. Воспоминания об этом дне останутся у четырех человек: у Жана, Пеллерена, Клоше и Ландрие. Возможно для Жана, наблюдавшего за всем со стороны, подобно зрителю, «разыгранный спектакль» станет хорошим уроком. Сохранение ценностей, как неких принципов в жизни, могут помочь сделать выбор, не превращающий ее в подобие пытки. Это и есть способ преобразования собственного бытия. Ценность как элемент фундамента, всегда необходима для построения новой картины мира персонажа. Таков итог драматического произведения Ж.-П. Сартра, рассмотренный в контексте экзистенциальной аксиологии.

Библиографический список

1. Трещев В.В. *Экзистенциализм: репрезентация в художественной культуре Франции и Германии*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008.
2. Sartre J.-P. *Les morts sans sépulture*. Paris: Gallimard, 2010.
3. Вешинский Ю.Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства). *Мир психологии*. 2005; 4.

4. Сартр Ж.-П. *Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии*. Москва: Республика, 2002.
5. Максимов В.И. *Театр Жана Жене*. Санкт-Петербург: Гисрион, Гуманитарная академия, 2001.
6. Мишо А. Поэзия. Живопись. *Анри Мишо близкий и далекий*. Москва, 1997: 3 – 20.
7. Баева Л.В. Экзистенциальная аксиология. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*. 2006; 2.
8. Великовский С.И. Путь Сартра-драматурга. *Scepsis.ru*: научно-просветительский журнал. Available at: http://scepsis.ru/library/id_1019.html

References

1. Treschev V.V. *Ekzistencializm: reprezentaciya v hudozhestvennoj kul'ture Francii i Germanii*. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2008.
2. Sartre J.-P. *Les morts sans sépulture*. Paris: Gallimard, 2010.
3. Veshninskij Yu.G. Axiologiya kul'turnogo prostranstva-vremeni (v granicah postsovetского kul'turnogo prostranstva). *Mir psichologii*. 2005; 4.
4. Sarrtr Zh.-P. *Bytie i nitchto: opyt fenomenologicheskoy ontologii*. Moskva: Respublika, 2002.
5. Maksimov V.I. *Teatr Zhana Zhene*. Sankt-Peterburg: Giisrion, Gumanitarnaya akademiya, 2001.
6. Misho A. *Po'eziya. Zhivopis'. Anri Misho blizkij i dalekij*. Moskva, 1997: 3 – 20.
7. Baeva L.V. *Ekzistencial'naya aksiologiya. 'Ekzistencial'naya tradiciya: filosofiya, psichologiya, psihoterapiya*. 2006; 2.
8. Velikovskij S.I. Put' Sartra-dramaturga. *Scepsis.ru*: nauchno-prosvetitel'skij zhurnal. Available at: http://scepsis.ru/library/id_1019.html

Статья поступила в редакцию 30.07.15

УДК 821

Sinishina O. O., postgraduate, Department of Chinese Philology, Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia), E-mail: oxana504@mail.ru

INFLUENCE OF ENGLISH ABBREVIATION UPON CHINESE. At the present stage, China is an active participant in global economic, political and cultural processes. Close cooperation with international organizations, foreign companies, scientific-technical, cultural exchanges with the foreign world, inevitably give rise to the need to speak foreign languages, to adopt international standards for communication and terminology. There are new lexical items, among which are more and more cuts. The process is so massive, in recent years, the penetration of English abbreviations in Chinese language and word formation, Métis – "hunsyue'r" makes it necessary to scientific analysis and evaluation of the consequences of this for the penetration of the Chinese language system as a whole. The purpose of the article is to show the influence of the English language on Chinese as a result of the globalization process, the possibility and consequences of mixing languages with different sign and phonetic system, as well as the adaptation of Chinese society to the foreign words. The author studies some problems of penetration of English abbreviations into the modern Chinese and three ways for their use. The material of the study is based on instant messaging, social networks, blogs, chat rooms and video chats (WeChat – 微信 wēixìn, Viber, Skype, QQ, 阿里旺旺 ālǐwǎngwǎng, Facebook). The author has studied and analyzed today's Internet vocabulary of the Chinese language, which consists of borrowing. The work is also based on interviews with informants. The theoretical basis of the article is based on the works of Russian and foreign linguists (N.V. Solntseva, A.A. Khamatova, Tan Aoshuan, A.A. Shchukin).

The author notes that it is possible to notice how the lexical system of the Chinese language updates nowadays. Borrowing new ways of word formation makes the modern Chinese languages move from purely root languages to a type of agglutinative languages.

Key words: insulating type, English, abbreviation, Chinese, neologisms, lexical unit.

O.O. Синишина, аспирант каф. китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, E-mail: oxana504@mail.ru

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЙСКИХ АББРЕВИАТУР НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

На современном этапе Китай выступает активным участником мировых экономических, политических и культурных процессов. Тесное взаимодействие с международными организациями, иностранными компаниями, научно-технический, культурный обмен с зарубежным миром, неизбежно порождают необходимость говорить на иностранных языках, принимать международные стандарты коммуникации и терминологию. Возникают новые лексические единицы, среди которых все чаще встречаются сокращения. Процесс столь массового, в последние годы, проникновения английских аббревиатур в китайский язык и образования слов-метисов – «хуньсюэ'р», приводит к необходимости научного анализа и оценки последствий этого проникновения для китайской языковой системы в целом. Цель статьи: показать влияние английского языка на китайский в результате процесса глобализации, возможность и последствия смешения языков с разными знаковыми и фонетическими системами, а также адаптация китайского общества к иноязычным словам. Затронуты проблемы проникновения английских аббревиатур в современный китайский язык, три направления их использования. Материалом исследования послужили службы мгновенных сообщений, социальные сети, блоги, чаты и видеочаты (WeChat – 微信 wēixìn, Viber, Skype, QQ, 阿里旺旺 ālǐwǎngwǎng, Facebook). Была изучена и проанализирована современная интернет-лексика китайского языка, в которую входят заимствования, сокращения, буквенные слова. Также была проведена работа с информантами. Теоретическая база статьи основывается на работах отечественных и зарубежных лингвистов Н.В. Солнцева, А.А. Хаматовой, Тань Аошун, А.А. Щукин.

Автор приходит к выводу, что происходит обновление лексической системы китайского языка. Заимствования новой формации в определенной мере выводят современный китайский язык из разряда чисто корневого в разряд агглютинативных языков.

Ключевые слова: изолирующий тип, английский язык, аббревиатура, китайский язык, неологизмы, лексическая единица.

В отличие от литературной формы, в которой динамика развития языка замедлена, устная форма характеризуется разного рода инновациями. Одной из инноваций является интенсивное заимствование иностранных слов, в первую очередь англоязычного происхождения. Ведь практическая роль английского языка как языка международного общения становится несомненной на рубеже XX-XXI веков, видоизменяя многие языки, наполняя их английскими аббревиатурами и новой лексикой. Это касается не

только языка Интернета, в котором практически не осталось места полным грамматическим формам, но и языка повседневного общения. Например, благодаря омонимии создается интересный стилистический эффект:

Выражение 偶来了! (оулайла) – я очень рад что ты пришел – соответствует двум фразам 我来了 во лай ла – Я пришел 我很快乐 во хэнь куайлэ – Я очень рад/доволен. В данном примере я является омофоном 偶, а 来了 омофон 快乐, но для просто-

ты написания выбирают 来了. Здесь проявляется диффузность китайских слов, т.е. порядок оказывается несущественным и слова взаимодополняются.

Китай находится в ряду стран, пытающихся на юридической основе противостоять экспансии английских аббревиатур, не имеющих аналогов в родном языке. «Закон о государственном общепринятом языке», запрещающий чрезмерное использование в китайских изданиях английских аббревиатур, мотивируется идеей патриотического сохранения национального языка в его канонических культурных традициях, исторической уникальности иероглифической письменности [1]. Однако пространственное взаимопересечение и коммуникативные связи разных языков мира, их взаимообогащение неотвратимо адаптируют психологию человека к обстоятельствам нового времени. Достаточно сравнить 4 и 6 издания нормативного «Словаря современного китайского языка», в котором количество английских аббревиатур возросло от 39 до 239 неологизмов [2]. Существует необходимость равнозначного перевода на китайский язык англоязычных заимствований для людей, не владеющих иностранным языком, или поиски аналогичных аббревиатур в родном языке. Так председатель ассоциации переводчиков КНР Хуан Юи заявлял об опасности потери независимой лингвистической системы китайским языком, с ним полемизирует Лю Яоин, профессор университета коммуникаций, считающий, что смешение языков – это часть мировой глобализации [3].

Так как китайский язык относится к языкам изолирующего типа, его структурные особенности в некоторой степени препятствуют проникновению иноязычной лексики. Возникает ряд специфических проблем, и стандартные способы заимствования иностранных слов зачастую не срабатывают. Основные сложности могут быть связаны с особой фонетической структурой или с самим характером китайской иероглифической письменности.

Так, фонетические заимствования в чистом виде чужды китайскому языку, поскольку полностью теряется связь иероглифического написания с понятием, а дословный перевод по иероглифам никак не связан со значением нового слова в целом, например, 三明治 *сэньминчи* «сэндвич» – фонетическое заимствование, состоит из иероглифов 三 «три», 明 «яркий» и 治 «управлять», значения которых, ни в совокупности, ни по отдельности никак не связаны со смыслом образованного неологизма.

Иногда для иноязычного слова создавались новые иероглифы. Данные неологизмы повторяли особенности построения фоноидеограмм, одних из ключевых элементов китайской иероглифики, соответственно, такие неологизмы более гармонично вписывались в структуру языка. Приведём несколько примеров: 咖啡 *кафэй* – кофе (ключ «рот» + фонетик); 柠檬 *нинмэн* – лимон (ключ «дерево» + фонетик). Следует отметить, что этот способ образования неологизмов был характерен для слов, пришедших в китайский язык довольно давно.

В целом, лингвисты выделяют три направления использования англоязычных аббревиатур, т.е. аббревиатур, в которых используются английские буквы. Первое из них связано со сферой межличностного общения, в которой аббревиатуры находятся в свободном употреблении, например, IP 地址 IP 地址 – адрес электронной почты. Второе направление относится к терминологическому применению ограниченного ряда английских аббревиатур в специализированных областях, таких как: медицина, спорт, политика, искусство и др. Например: X光 X-guan – рентген. Третье направление – фактически неконтролируемое бытование англоязычных аббревиатур в Масс-Медиа, в сфере деятельности социальных услуг: BTV 北京电视台 *бэйцзин дэньтай* Пекинское телевидение, CCTV Chinese Central Television основной телеведущий в материковом Китае [2].

Таким образом, происходит сдвиг китайского языка, носители которого становятся активными пользователями Интернета и мобильной связи. В повседневной речи среднего китайца происходит вытеснение традиционных грамматических форм. Речь идет о изменении глобализацией системы мышления нового поколения людей, способных воспринимать информацию иностранного происхождения без текстового сопровождения на родном языке.

Китайский язык, фактически являясь изолирующим языком, характеризуется малой распространенностью словоизменения, но он всё активнее подвергается на современном этапе влиянию других языковых культур. Имеются виды заимствования в китайском языке, количество которых динамично увеличивается в соответствии с кардинальными изменениями во всех общественных сферах. В ряде работ Н.В. Солнцевой, начиная

от проблемной статьи «Куда идет китайский язык?» (1998 г.) [4, с. 15 – 22] рассматриваются «исключения» (термин Н.В. Солнцевой), создаваемые новыми внутренними и внешними факторами в процессе традиционного развития языка. В результате расширение словарного актива ведёт к появлению новых сложных слов на основе разных вариаций соединения простых. А смешение языков, нередко в пределах одного языкового единения, оценивается Н.В. Солнцевой как сильный внешний фактор, ведущий к «типологическим сдвигам», в разной мере меняющим морфологию языка. При этом иностранные лексические единицы, чутко реагируя на закономерные факторы развития китайского языка, могут поменять звуковой состав, приводя его в соответствие с данной звуковой системой, усиливая внесистемные для китайского языка звуки. Формируется целый пласт практического востребованных слов [4, с. 15 – 22], например, 啤酒 *пичжо* – пиво (фонетическая калька 啤 *пи* + 酒 *цзо* алкоголь); 生日卡 *шэнжика* – поздравительная открытка с днем рождения (生 *шэн* рождение + 日 *жи* день + 卡 *ка* фонетическая калька от англ. card).

Теоретически лингвисты определяют важную роль перевода иностранных слов в процессе включения в китайский язык заимствований нового типа – «хуньсюэ'р» (1). О проникновении слов-метисов во все сферы жизни Китая от политики, экономики, образования и культуры до области частных взаимоотношений, личностной психологии человека пишет А.А. Хаматова [5, с. 179 – 182]. Также заимствования можно разделить на 4 группы:

1. Инициальные аббревиатуры, заимствованные из английского языка и видоизмененные китайским языком в форме сокращённых слов, которые используются в качестве самостоятельной лексической единицы. Например: ОА от английского «Office Automation» – «автоматизация работы в офисе»: 在日本的报刊电视和广告中, 随时都能看见 «ОА» 的字样, 可以说 «ОА» 热潮已经卷日本. Цай жибиэнь дэ баокань дэньши хэ гуангао чжун, суйши доу нэн каньцзянь «ОА» дэ цзыян, кэи шо «ОА» жэчао ицзин цзюань жибиэнь. «В японской печати, на телевидении и в рекламе всегда можно увидеть аббревиатуру «ОА», можно сказать, что волна Автоматизации Офисов уже захлестнула Японию». Р (party) «вечеринка», D (disc) «дискотека», FAQ (frequently asked questions) – 常见问题 *чан цзянь вэньти* – часто задаваемые вопросы и т.д.

2. Англоязычные лексические единицы, включающие английские имена собственные. Это брендовые названия известных европейских фирм от автомобильных до косметических: TOYOTA, NISSAN, KIA, NIVEA, LANCOME и т.д. Часто используются целые слова: 我 kiss 你 (*Bo kiss ni*) «Целую тебя». 我的第三个 Interview. (*водэ дисаньгэз Interview*) «Мое третье интервью». Причем название косметических средств, имена производителей и медийных лиц, звезд шоу-бизнеса и т.д. даются в латинском варианте (VOGUE, COSMOPOLITAN, Madonna, Michael Jackson, PSY (2)). Основной интерес представляют выводы Н.В. Солнцевой о процессе грамматикализации компонентов китайского языка, который охватывает не только исконные китайские слова, но и собственно заимствования: 他们OK不了我们的计划. Тамэнь ОК буляо вомэньдэ цзихуа. «Они не одобряют наш план». Английская аббревиатура «OK» не только прочно вошла в китайский язык, но и начала принимать грамматические формы китайского языка. В данном примере сокращение «OK» приобрело грамматические особенности китайского глагола и здесь употребляется в конструкции возможности/невозможности совершения действия «OK不了» [4, 15 – 22].

3. Соединение китайского слова и аббревиатуры в гибридное образование. Например: BP机 «пейджер» (BP (broadcasting pigeon) – аббревиатура английского сокращения слова «пейджер» в сочетании с китайским словом 机 *цзи* «механизм, устройство»). BP组 (BPцзу) «группа пользователей пейджерами». Например: 可见 BP组形形色色, 两有不起. Кэцзянь BPцзу синсинсэсэ, лян ю буци. «Среди группы пользователей пейджерами бывают всякие: и хорошие и плохие». К金 (*К цзинь*) – золото определенной пробы (К «карат» и 金 *цзинь* «золото»). В «деловом кейсе» каждого PR-специалиста, есть 三B (*сань В*), где «В» обозначает три английских слова «baby», «beauty», «beast», являющиеся самыми популярными персонажами рекламных сюжетов: ребенок, красивая девушка и животное. 用三B (美女, 动物, 儿童) 做广告也是一种国际广告业的常事. Юн сань В (мэйну, дуну, эртон) цзо гуангао е ши ичжун гоци гуангао дэ чанши. «Использование принципа 3B (baby, beauty, beast) для производства рекламной продукции – это также одно из распространенных явлений в мировой рекламной индустрии» [6]. SOS儿童村 (SOS эртун цунь) «детская деревня SOS», где «SOS» означает английское слово-

сочетание «Save Our Souls» (спасите наши души) – «приют для детей оставшихся без родителей». Прагматичные современные китайцы – жители огромных мегаполисов охотно используют выражение AA制 (AA制) – формула расчетов, по которой каждый платит за себя, где AA – это графическое изображение равного долевого участия в оплате счета: 一个人去吃饭很没有意思, 便要他AA制就一块儿吃饭各自自己付钱. *Игэ жэнь цюй чифань хэнь мэю исы, бянь яо та ААчжи цюй икуар чифань гэ цыцзи фуцань.* «Одному обедать скучно, поэтому гораздо лучше пригласить его вместе пообедать, но пусть каждый платит за себя сам» [6].

4. Аббревиатуры, созданные из инициалей китайских слов, входящих в словосочетание, буквы которых произносятся на английский манер. Например: HSK – 汉语水平考试 *ханьюу шуйпинь каоши* «государственный экзамен, определяющий уровень знания китайского языка иностранцами». 开P (кай Р) «устроить вечеринку» образуется путем сложения китайского глагола 开 «открывать» и английской аббревиатуры Р (party) «вечеринка». Таким же способом образовались весьма распространенные среди китайцев слова 无 OK (у ОК) не согласен, 去 D (цюй D) отправиться на дискотеку, 走 gum (цзоу gum) заниматься гимнастикой. По А.А. Хаматовой, они, являясь самостоятельными лексическими единицами, подтверждают тезис автора о «типологических сдвигах» в языке нового Китая.

Итак, в условиях современного мира все чаще появляется необходимость во внедрении слов и выражений иностранного происхождения, как для выражения новых значений, так и для обновления лексической системы. Активные культурные, экономические и политические связи Китая с другими государствами в последнее время вызывает массированное проникновение английских заимствований в современный китайский язык. Эти иноязычные элементы проходят различные степени адаптации, что представляет собой достаточно необычное явление для языка с иероглифической письменностью. Заимствования новой формации в определенной мере выводят современный китайский язык из разряда чисто корневого в разряд агглютинативных языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) 混血儿 *хуньсюэ* – метисы
- (2) Пак Чэ Сан южнокорейский исполнитель и автор песен, выступающий под псевдонимом PSY.

Библиографический список

1. *ТрейнЭксперт.Ру* Available at: http://www.tran-express.ru/novost/2013/01/18/vlijanie_anglijskih_
2. *Available at: abbreviatur_na_kitajskij_yazyk*
3. *Рашн.чайна.орг.сн.* Available at: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-01/11/content_27656330.htm
4. *Лента.Ру* Available at: <http://lenta.ru/news/2010/04/07/china/>
5. Солнцева Н.В. Куда идет китайский язык? *Китайское языкознание: Изолирующие языки: материалы IX Международной конференции.* Москва, 1998: 15 – 22.
6. Хаматова А.А. Некоторые размышления о проблеме неологизмов в современном китайском языке. *Китайское языкознание: Изолирующие языки: материалы IX Международной конференции.* Москва, 2002: 179 – 182.
7. *РефсРу.Ком* Available at: <http://www.refsr.com/referat-15109-9.html>
8. *Вестник-МГУ.* Available at: <http://vestnik-mgu.ru/web/library/files/incoming/3/2010/4/st13.pdf>
9. *Блог.Пипл.Ком.* Available at: <http://blog.people.com.cn/article/271346123441915.html>
10. Буров В.Г., Семенов А.Л. *Китайско-русский словарь новых слов и выражений.* Москва, 2007.
11. Скоробогатых А.А. Новый тип заимствования в современном китайском языке. *Китайское языкознание: Изолирующие языки: материалы IX Международной конференции.* Москва, 1998: 159 – 166.
12. Солнцев В.М. *Введение в теорию изолирующих языков.* Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
13. Тань Аошун. *Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языков изолирующего строя.* Московский Государственный Университет: ИСАА. Москва: Языки славянской культуры, 2002.
14. Щукин А.А. *Справочник по новокитайскому сленгу.* Москва: Муравей, 2003.
15. Щукин А.А. *Современная китайская аббревиатура. Справочник.* Москва: Восток-Запад, 2004.

References

1. *Trejn'Ekspert.Ru* Available at: http://www.tran-express.ru/novost/2013/01/18/vlijanie_anglijskih_
2. *Available at: abbreviatur_na_kitajskij_yazyk*
3. *Rashn.chajna.org.sn.* Available at: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-01/11/content_27656330.htm
4. *Lenta.Ru* Available at: <http://lenta.ru/news/2010/04/07/china/>
5. Solnceva N.V. Kuda idet kitajskij yazyk? *Kitajskoe yazykoznanie: Izoliruyuschie yazyki: materialy IX Mezhdunarodnoj konferencii.* Moskva, 1998: 15 – 22.
6. Hamatova A.A. Nekotorye razmyshleniya o probleme neologizmov v sovremennom kitajskom yazyke. *Kitajskoe yazykoznanie: Izoliruyuschie yazyki: materialy IX Mezhdunarodnoj konferencii.* Moskva, 2002: 179 – 182.
7. *RefsRu.Kom* Available at: <http://www.refsr.com/referat-15109-9.html>
8. *Vestnik-MGU.* Available at: <http://vestnik-mgu.ru/web/library/files/incoming/3/2010/4/st13>
9. *Blog.Pipl.Kom.* Available at: <http://blog.people.com.cn/article/271346123441915.html>
10. Burov V.G., Semenas A.L. *Kitajsko-russkij slovar' novyh slov i vyrazhenij.* Moskva, 2007.
11. Skorobogatyh A.A. Novyj tip zaimstvovaniya v sovremennom kitajskom yazyke. *Kitajskoe yazykoznanie: Izoliruyuschie yazyki: materialy IX Mezhdunarodnoj konferencii.* Moskva, 1998: 159 – 166.
12. Solncev V.M. *Vvedenie v teoriiy izoliruyuschih yazykov.* Moskva: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995.
13. Tan' Aoshuan. *Problemy skrytoj grammatiki: sintaksis, semantika i pragmatika yazykov izoliruyuschego stroya.* Moskovskij Gosudarstvennyj Universitet: ISAA. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002.
14. Schukin A.A. *Spravochnik po novokitajskomu slengu.* Moskva: Muravej, 2003.
15. Schukin A.A. *Sovremennaya kitajskaya abbreviatura. Spravochnik.* Moskva: Vostok-Zapad, 2004.

Статья поступила в редакцию 19.07.15

УДК 811

Sinishina O. O., postgraduate, Department of Chinese Philology, Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia), E-mail: oxana504@mail.ru

MORPHEMIC CONTRACTION AS A WAY OF WORD-FORMATION. Language is a complex dynamic system and is in constant motion. It develops and actively enriches by numerous terms, borrowings and new words that reflect the reality of life. Therefore, the question of the linguistic variability is an important and eternal problem of a living language. The most striking example of the dynamic nature of the language is its ability to replenish its vocabulary by neologisms. In the history of every language, there are periods of rapid development and replenishment of the vocabulary. In Chinese there are two periods of active formation of new units: the early years of the PRC and the years of open door policy. There was a tendency of complicating the structure of a word. Until the twentieth century, linguists noted that the development of the vocabulary of the Chinese language came from monosyllabism to polysyllabism. The purpose of the article is to show the effect of the contraction of the character morpheme lexical structure of modern Chinese language. The author also studies the reduction of compound words. The material of the study is based on works by Lee Sitszun, Sun Lyanfen, A.A. Shchukin, A.A. Shchukin, V.G. Burov, A.L. Semenas. The author analyzed today's Internet vocabulary of the Chinese language, which consists of many borrowed words. A few informants were interviewed. The theoretical basis of the article

is made up by works of Russian and foreign linguists (Lee Sintsun, Sun Lyanfen, A.A. Khamatova, V.G. Drilling and A.L. Semenas, A.A. Shchukin).

The author concludes that the lexical system of the Chinese language actively develops. The semantic features of morphemic contraction include preservation of important semantic components of reduced words and phrases. Acronyms are formed by the first three models of composition: attribute and copulative verb-object.

Key words: morphemic contraction, abbreviation, Chinese language, word formation, morpheme.

О.О. Силишина, аспирант каф. китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва,
E-mail: oxana504@mail.ru

МОРФЕМНАЯ КОНТРАКЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Язык является сложной динамичной системой и находится в непрерывном движении. Он развивается и совершенствуется, активно пополняется многочисленными терминами, заимствованиями, а также новыми словами, отражающими реалии жизни. Поэтому вопрос о языковой изменчивости является важнейшей и вечной проблемой живого языка. Наиболее ярким примером динамичного характера языка служит его способность пополнять свой словарный состав неологизмами. В истории каждого языка есть периоды бурного развития и пополнения словарного состава. В Китае можно выделить два периода активного образования новых единиц: первые годы образования КНР и годы политики открытых дверей. Выявлена тенденция усложнения структуры слова. До XX века лингвисты отмечали, что развитие лексики китайского языка шло от моносиллабизма к двусложности. В настоящее время просматривается тенденция к усложнению лексики – полисиллабизму. Цель статьи: показать влияние морфемной контракции на характер лексического состава современного китайского языка. Затронута проблема сокращения сложных слов и словосочетаний. Материалом исследования послужили работы Ли Сицзун, Сунь Ляньфэнь, А.А. Щукина, В.Г. Бурова, А.Л. Семенаса. Была изучена и проанализирована современная интернет-лексика китайского языка, в которую входят заимствования, сокращения, буквенные слова. Также была проведена работа с информантами. Теоретическая база статьи основывается на работах отечественных и зарубежных лингвистов Ли Синцзуна, Сунь Ляньфэна, А.А. Хаматовой, В.Г. Бурова и А.Л. Семенаса, А.А. Щукина.

Автор приходит к выводу, что происходит обновление лексической системы китайского языка. Семантическая особенность морфемной контракции – сохранение важных смысловых компонентов сокращаемых слов и словосочетаний. Сокращения образуются по первым трем моделям словосложения: атрибутивной, копулятивной и глагольно-объектной.

Ключевые слова: морфемная контракция, аббревиация, китайский язык, словообразование, морфема.

В современном китайском языке каждая лексическая единица несёт определенную информационную нагрузку, поэтому процесс словообразования в современном китайском языке показывает следующую тенденцию. Двухсложные слова не всегда являются эффективными в общении и возникают неологизмы большей количественной структуры – четырехсложные и трехсложные образования. Создание новых слов и выражений не всегда следует нормативам литературного китайского языка, т.к. их авторами являются журналисты, писатели, публицисты, деятели культуры и просто обычные люди.

«В китайском языке стал активно распространяться процесс противоположного словосложению – сокращение слов и словосочетаний, морфемная контракция» [1]. Конечно же, многосложные неологизмы могут более полно выразить те сложные понятия и явления, которые становятся реалиями жизни. Но в то же время, многосложность влечет определенные трудности в процессе коммуникации. Эта проблема решается путем сокращения сложных слов и словосочетаний.

В справочнике сокращений Ли Синцзуна и Сунь Ляньфэна включено более 10 тысяч единиц, что свидетельствует о том, что морфемная контракция активно влияет на характер лексического состава современного китайского языка [2, с. 149; 3].

Такие слова часто появляются в рекламе, названиях предприятий, вывесках и т.д. Их появление связано с общественными движениями, поэтому их значение позволяет уяснить тенденции развития современного китайского общества. Сложносокращенные слова присутствуют в любой структуре новых лексических образований, но наибольшее их число приходится на двуслоги. Существуют следующие способы сокращения:

а) Сокращение первичных лексем: 挖潜 (挖掘潜力) wāqián (wājié qiánli) – вскрывать резервы, выявлять возможности; 家电 (家用电器) jiādiàn (jiāyòng diànr) – бытовые электроприборы; 参赛 (参加比赛) cānsài (cānjiā bǐsài) – участвовать в соревновании;

б) Сокращение с числительными: 五讲四美 (讲文明, 讲礼貌, 讲卫生, 讲道德, 讲秩序和心灵美, 语言美, 行为美, 环境美) wǔ jiǎng sì měi (jiǎng wénmíng, jiǎng lǐmào, jiǎng wèishēng, jiǎng dàodé, jiǎng zhìxù hé xīnlíng měi, yǔyán měi, xíngwéi měi, huánjīng měi) – быть культурным, быть вежливым, соблюдать гигиену, соблюдать дисциплину, блюсти нормы нравственности, обладать красивой душой, красиво говорить, совершать красивые поступки, заботиться о природе.

Сокращения, так же как и полные наименования, являются достаточно информативными и дают представление о новых явлениях в жизни общества. Причиной их появления является тенденция к экономии языковых средств. В процессе употребления

языка говорящие стремятся отобрать наиболее рациональные средства. При этом они руководствуются требованием к сокращению текста при условии сохранения его информативности. Первоначально сокращенные варианты возникают как вторичные наименования, и в этом плане можно говорить об их избыточности. В дальнейшем они часто становятся единственным средством обозначения данного понятия.

Согласно классификации В.Г. Бурова и А.С. Семенаса сложносокращенные слова включают 4 вида:

1. Сокращенные названия 简称此 jiǎnchēngcí. Сокращения действуют в рамках контекста. Подобные слова создаются путем сокращения длинных существительных, например, 短导 (短程导弹) duǎndǎo (duǎnchéng dǎodàn) – ракета небольшой дальности; 中共十三大, 十三大 (中国共产党第十三次全国代表大会) zhōnggòng shísān dà, shísān dà (zhōngguó gòngchǎndǎng dì shísān cì quán guó dàibǎo dàhuì) – Тринадцатый Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая;

2. Аббревиатуры 略语词 lüèyǔcí. Подобные слова создаются путем сокращения глагольных форм или прилагательных. Например, 支边 (支援边疆) zhībiān (zhīyuan biānjiāng) – помогать пограничному району; 亚打 (亚厉打击犯罪活动) yàdǎ (yàlì dǎjī fànzuì huódòng) – решительно бороться с преступной деятельностью;

3. Составные названия 合称词 héchēngcí. Подобные слова образуются путем сокращения двух или более терминов, названий. Например, 中西医 (中医, 西医) zhōngxīyī (zhōngyī, xīyī) – китайская и европейская медицина; 工青妇 (工人, 青年, 妇女) gōngqīngfù (gōngrén, qīngnián, fùnǚ) – обычно обозначает профсоюз, комсомол, союз женщин;

4. Обобщающие выражения 粮无缩词语 lǎngwú suō cíyǔ. Подобные выражения – это сокращенные обороты речи, образованные с помощью чисел, цифр для обозначения одинаковых, сходных частей нескольких выражений. Например, «老五篇» lǎo wǔ piān – «пять старых статей Мао Цзэдуна (2)». В данном случае обобщаемые с помощью цифр части единого выражения «пять старых статей» совпадают не по названию, а по принадлежности одному человеку – Мао Цзэдуну [4].

Следует заметить, что китайские лингвисты не обращали большого внимания на сложносокращенные слова. В прошлом их не включали в словари. В настоящее время сложносокращенные слова получили широкое распространение, многие из них стали употребляться чаще, чем их первоначальные формы. Некоторые из них превратились в обычные слова и уже не воспринимаются как сокращенные формы, например, 公关 gōngguān – общественные отношения (первоначальная форма: 公共关

系 gōnggòng guānxì); 武警 wǔjǐng – вооруженная полиция (первоначальная форма: 武装警察 wǔzhuāng jǐngchá).

Не все лингвисты считают морфемную контракцию способом словообразования, например, Жэнь Сюэлян рассматривает это явление как простые сокращения существующих слов [5].

Китайские лингвисты Ли Сицзун и Сунь Ляньфэнь выделяют 4 основных вида морфемной контракции:

- 1) Сжатие (缩合 suōhé);
- 2) Опускание (省略 jiéluè);
- 3) Сокращение с замещением (简代 jiǎndài);
- 4) Обобщение (统括 tǒngkuò) [6]

Рассмотрим каждый вид:

1. Сжатие (缩合 suōhé)

Данный вид характеризуется тем, что слово или словосочетание разбивается на компоненты (3), далее часть из них опускается, а оставшиеся соединяются вместе, образуя сокращенное слово. Например: 扫除文盲 sāochú wénmáng – «ликвидация неграмотности» можно разделить на компоненты 扫除 sāochú – «ликвидация» и 文盲 wénmáng – «неграмотность», затем морфемы 除chú и 文wén опускаются, а оставшиеся 扫sǎo и 盲máng соединяются вместе, и получается аббревиатура 扫盲sǎománg – «ликвидация неграмотности».

Этот вид морфемной контракции встречается в современном китайском языке чаще остальных и имеет ряд разновидностей. Соединение морфем осуществляется по разным моделям словосложения, но в основном это атрибутивная и копулятивная.

1) Соединение начальных морфем:

- сочинительная (копулятивная) модель: 科学技术 kēxué jìshù – 科技 kējì – наука и техника, научно-технический;
- атрибутивная модель: 立体式交通 lìtǐshì jiāotōng – 立交 lìjiāo – многоуровневая транспортная развязка;
- глагольно-объектная модель: 反对霸权主义 fǎnduì bàquánzhǔyì – 反霸 fǎnbà – антигегемонизм, борьба против гегемонизма.

2) Соединение начальной морфемы первого слова и конечной морфемы второго:

- атрибутивная модель: 归国华侨 guīguó huáqiáo – 归侨 guīqiáo – китайский реэмигрант;
- глагольно-объектная модель: 增加生产 zēngjiā shēngcǎn – 增产 zēng chǎn – увеличение производства, увеличивать выпуск продукции.

3) Соединение начальной морфемы первого слова с начальной и конечной морфемами второго слова. Этот вид используется в основном в сокращениях наименований организаций, коллективов, объединений:

- атрибутивная модель: 共产主义青年团 gòngchǎnzhǔyì qīngniántuán – 共青团 gòngqīngtuán – комсомол.

4) Соединение первого слова с начальными морфемами каждого последующего слова:

- атрибутивная модель: 国际乒乓球联合会 guójì pīngpāngqiú liánhéhuì – 国际乒联 guójì pīnglián – Международная федерация настольного тенниса.

5) Соединение первого слова с конечной морфемой последнего слова:

- атрибутивная модель: 供销合作社 gōngxiāo hézuòshè – 供销社 gōngxiāoshè – кооператив по снабжению и сбыту.

6) Соединение конечной морфемы первого слова с начальной морфемой последующего слова:

- атрибутивная модель: 人民警察 rénmin jǐngchá – 民警 mínjīng – народная милиция;
- сочинительная модель: 预防治疗 yùfáng zhìliáo – 防治 fángzhì – профилактика.

7) Соединение конечных морфем обоих слов:

- атрибутивная модель: 华侨事务 huáqiáo shìwù – 侨务 qiáowù – дела и проблемы, связанные с китайскими эмигрантами;
- сочинительная модель: 教师学生 jiàoshī xuéshēng – 师生 shīshēng – преподаватели и студенты.

8) Соединение начальных морфем первых слов с последним словом:

- атрибутивная модель: 降低噪音系数 jiàngdī zàoyīn xìshù – 降噪系数 jiàngzào xìshù – коэффициент снижения шума.

9) Соединение конечных морфем первых слов с последним словом:

- атрибутивная модель: 记录重放磁头 jìlù chóngfàng cítóu – 录放磁头 lùfàngcítóu – магнитная головка записи воспроизведения.

10) Модель с нефиксированной позицией опускаемых морфем: 数学 shùxué, 物理 wúlǐ, 化学 huàxué – 数理化 shùlǐhuà – математика, физика, химия (естественные науки).

тематика, физика, химия (естественные науки).

Вышеперечисленные 10 моделей морфемной контракции входят в рамки сжатия (缩合 suōhé), которое базируется на принципе различия позиции соединяемых морфем. Авторы словаря сокращений Ли Сицзун и Сунь Ляньфэнь выделяют еще три модели, которые рассматриваются в рамках сжатия (缩合 suōhé):

11) Модель с изменением порядка следования морфем: 相角调制 xiāngjiǎo tiáozhì – 调相 tiáoxiāng – фазовая модуляция.

12) Модель с опущением целого слова. По этой модели образуются названия организаций, учреждений и научно-техническая терминология:

- Опускается последнее слово: 中等专业学校 zhōngděng zhūānyè xuéxiào – 中专 zhōngzhuān – среднее специальное учебное заведение;

- Опускается первое слово: 中国共产党中央军委 zhōngguó gòngchǎndǎng zhōngyāng jūnshì wēiyuánhui – 中央军委 zhōngyāng jūnwěi – Военный Совет ЦК КПК

- Опускается слово, стоящее в середине: 抗日军政大学 kàng rì jūnzhèng dàxué – 抗大 kàngda – Военно-политическая академия сопротивления Японии;

- Опускается первое слово и стоящее в середине: 中华人民共和国第六届全国人民代表大会 zhōnghuá rénmin gònghéguó dìliù jiè quánquó rénmin dàibiào dàhuì – 六届人大 liùjiè réndà – сессия ВСНП 6-го созыва.

13) Модель с выделением общего компонента: 中医西医 zhōngyī xīyī – 中西医 zhōngxīyī – китайская и западная медицина.

14) Сокращение дат. Даты определенных событий. В данной модели опускаются компоненты 月 yuè – месяц и 日 rì – число: 五月四日 wǔyuè sìrì – 五四 wǔsì – четвертое мая (4) [6, с. 2-8].

II. Опускание 省略 jiéluè

При данном способе оставляется лишь часть, обозначающая специальное имя, название, остальная часть или части опускаются. Как правило это либо конец, либо начало сложного образования:

复旦大学 Fúdàn dàxué – 复旦 Fúdàn – Фуданьский университет;

王府井大街 Wángfǔjǐng dàjiē – 王府井 Wángfǔjǐng – улица Ванфуцзин.

III. Сокращение с замещением 简代 jiǎndài

Данный вид морфемной контракции образует названия местностей, стран, городов, а также термины, прочно вошедшие в язык. Сокращения оказываются чрезвычайно стабильными и произвольно изменяться не могут. Некоторые из таких неологизмов не имеют непосредственной морфемной связи со словом, которое они замещают.

1) Сокращённые названия. Имеют непосредственную связь с первоначальным словом или словосочетанием. Достаточно распространены и разнообразны по структуре. Сюда относятся сокращённые названия регионов, стран, городов, маршрутов, имен:

A. Сокращения названий городов, стран и регионов (5):

- сокращения, состоящие из начальной либо конечной части слова: 天津 Tiānjīn – 津 Jīn – Тяньцзинь, 北京 Běijīng – 京 Jīng – Пекин;

- сокращения, состоящие из соединения начальной морфемы с конечной: 中华人民共和国 Zhōnghuá rénmin gònghéguó – 中国 Zhōngguó – Китай;

- соединение начальной морфемы первого слова с начальной морфемой последнего слова: 苏维埃社会主义共和国联盟 Sūwéiāi shèhuìzhǔyì gònghéguó liánméng – 苏联 Sūlián – СССР;

- сокращение, при котором остается одно лишь первое слово: 罗马尼亚人民共和国 Luómǎniyà rénmin gònghéguó – 罗马尼亚 Luómǎniyà – Румыния.

B. Сокращение названий маршрутов, линий сообщений. В данном случае нет единых требований в отношении того, какой компонент замещает полное название города: 成都 – 昆明 Chéngdū – Kūnmíng – 成昆线(6) ChéngKūnxiàn – линия Чэнду-Куньмин, 北京 – 广州 Běijīng – Guǎngzhōu – 京广线 JīngGuǎngxiàn – линия Пекин-Гуанчжоу.

C. Сокращения имён (7):

- сокращения по должности или другим характеристикам: 毛泽东主席 Máo Zédōng zhǔxí – 毛主席 Máo zhǔxí – Председатель (Мао Цзедун);

- сокращение фамилий либо имен: 周挺杉 Zhōu Tǐngshān – Чжоу Тиншань – можно называть по фамилии, опустив имя: 老周 Lǎo Zhōu – почтенный Чжоу, либо по имени, опустив фамилию: 挺杉 Tǐngshān – Тиншань.

IV. Обобщения 统括 tǒngkuò

В довольно распространенном выражении выделяется одна общая часть и перед ней добавляется числительное, которое обозначает количество составных частей, подвергающихся контракции. Данный способ делится на несколько подвидов:

1. Обобщение по ключевому слову. В зависимости от позиции ключевого слова этот подвид делится на несколько моделей:

- ключевое слово занимает начальную позицию: 讲文明 jiǎng wénmíng, 讲礼貌 jiǎng lǐmào, 讲卫生 jiǎng wèishēng, 讲秩序 jiǎng zhìxù, 讲道德 jiǎng dàodé — 五讲 wǔjiǎng — пять заповедей: соблюдать культуру поведения, вежливость, гигиену, порядок и мораль.

- ключевое слово занимает конечную позицию: 农业现代化 nóngyè xiàndàihuà, 工业现代化 gōngyè xiàndàihuà, 科学技术现代化 kēxuéjìshù xiàndàihuà, 国防现代化 guófáng xiàndàihuà — 四个现代化 sìge xiàndàihuà — четыре модернизации: модернизация сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники;

- ключевое слово занимает различные позиции: 与群众同吃 yǔ qúnzhòng tóng chī, 同住 tóngzhù, 同劳动 tóng láodòng, 同商量 tóngshāngliáng, 把政策通到底 bǎ zhèngcè tōng dào dǐ — 四通一通 sìtōng yītōng — четыре совместности, одно проникновение: вместе с народными массами питаться, жить, трудиться, обсуждать, до конца проводить политический курс.

2. Комплексное обобщение. Представляет собой обобщение по смыслу и по ключевому слову вместе со стилистическим приемом (метафорой или гиперболой): 王Wáng, 张Zhāng, 江 Jiāng, 姚Yáo — 四害 sìhài — «Четыре вредителя» — Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо, Цзян Цин, Яо Вэньюань. В данном сокращении слово «вредитель» является метафорой — образное обозначение членов «банды четырех» [7, с. 171–179].

Таким образом, семантическая особенность морфемной контракции — сохранение важных смысловых компонентов сокращаемых слов и словосочетаний. Сокращения образуются по первым трем моделям словосложения: атрибутивной, копулятивной и глагольно-объектной. Что касается фонетических особенностей морфемной контракции, то длинные и непривычные для китайского языка названия государств, научно-технические термины сокращаются до двухсложного, трехсложного состава.

Несомненно, что процесс сокращения зависит от речевой ситуации, сферы общения и стиля. «Основной средой сокращения является общественно-политическая и терминологическая лексика. Могут встречаться сокращения, понятные только в определенном кругу или в определенной географической местности. Аббревиатуры и полные слова взаимозаменяемы, могут применяться вместе в одном предложении в целях акцентирования на них внимания; аббревиатуры могут быть вынесены в заголовки статей; аббревиатуры могут заменять полные слова в длинных предложениях, чтобы сделать речь более лаконичной и понятной» [7, с. 180].

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Увеличение трехсложной, четырехсложной и т. д. лексик.

(2) «Пять статей Мао Дзэдуна», хотя авторы «Китайско-русского словаря новых слов и выражений» В.Г. Буров и А.С. Семенов не точно называют их «идеями».

(3) имеется в виду морфемы, слова или словосочетания

(4) Движение 4 мая — массовое антиимпериалистическое (преимущественно антияпонское) движение в Китае в мае — июне 1919 года, возникшее под влиянием Октябрьской революции в России. Развернулось в ответ на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун.

(5) При сокращении названия стран следует отметить, что наиболее часто встречаются сокращения, состоящие из первого слова. Оно представляет собой устоявшееся историческое название страны и является ключевым в полном названии и как бы «замещает» полное название. Так же, сокращение названий стран, регионов может идти до одной морфемы: 中国 Zhōngguó — 中 Zhōng (либо Huá) — Китай, 美国 Měiguó — 美 Měi — США, 美洲 Měizhōu — 美 Měi — Америка. При таких сокращениях не возникает двусмысленности в их понимании, из-за устоявшейся традиции.

(6) Сокращение от 路线 lùxiàn — линия, маршрут

(7) Сокращение имен по должности либо по имени-фамилии привносит оттенок уважения или фамильярности.

Библиографический список

1. Хаматова А.А. Тенденция развития лексики китайского языка в начале XXI века. ГРНТИ: 16 Языкознание. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012; 4.
2. Хаматова А.А. К вопросу о тенденциях развития современной китайской лексики. Актуальные проблемы китайского языкознания: Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. Москва, 1994
3. Ли Сицзун, Сунь Ляньфэн. Люэюй шуоцэ. Справочник сокращений. Шанхай, 1986.
4. Буров В.Г., Семенов А.С. Китайско-русский словарь новых слов и выражений. Москва: Восточная книга, 2007
5. Жэнь Сюэлян. Ханьюй Цзаоцифа. Словообразование китайского языка. Пекин, 1981.
6. Ли Сицзун, Сунь Ляньфэн. Люэюй шуоцэ. Справочник сокращений. Шанхай, 1986.
7. Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. Москва, 2003.
8. Шукин А.А. Справочник по новокитайскому сленгу. 2003.
9. Шукин А.А. Современная китайская аббревиатура. Справочник. 2004.
10. Буров В.Г., Семенов А.Л. Китайско-русский словарь новых слов и выражений. 2007.
11. 现代汉语词典 现代汉语词典 现代汉语词典 现代汉语词典, 5-ое издание Пекин, 2005.

References

1. Hamatova A.A. Tendenciya razvitiya leksiki kitajskogo yazyka v nachale XXI veka. GRNTI: 16 Yazykoznanie. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012; 4.
2. Hamatova A.A. K voprosu o tendenciayah razvitiya sovremennoj kitajskoj leksike. Aktual'nye problemy kitajskogo yazykoznanija: Materialy VII Vserossijskoj konferencii po kitajskomu yazykoznaniju. Moskva, 1994
3. Li Siczun, Sun' Lyan'f'en'. Lyu' eyuj shouc'e. Spravochnik sokraschenij. Shanhai, 1986.
4. Burov V.G., Semenas A.S. Kitajsko-russkij slovar' novyh slov i vyrazhenij. Moskva: Vostochnaya kniga, 2007
5. Zh'en' Syu'elyan. Han'yuj Czaocyfa. Slovoobrazovanie kitajskogo yazyka. Pekin, 1981.
6. Li Siczun, Sun' Lyan'f'en'. Lyu' eyuj shouc'e. Spravochnik sokraschenij. Shanhai, 1986.
7. Hamatova A.A. Slovoobrazovanie sovremennogo kitajskogo yazyka. Moskva, 2003.
8. Schukin A.A. Spravochnik po novokitajskomu slengu. 2003.
9. Schukin A.A. Sovremennaya kitajskaya abbreviatura. Spravochnik. 2004.
10. Burov V.G., Semenas A.L. Kitajsko-russkij slovar' novyh slov i vyrazhenij. 2007.
11. 现代汉语 现代汉语 现代汉语 现代汉语, 5-oe izdanie Pekin, 2005.

Статья поступила в редакцию 25.07.15

УДК 81-25

Yankubayeva A.S., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia),
E-mail: kel@gasu.ru

Ostanina M.A., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia),
E-mail: maria-ostanina@yandex.ru

NOUN DECLENSION AND VERBAL CONJUNCTION IN THE ALTAI LANGUAGE: SPOKEN PRONUNCIATION NORM OF THE AFFIX -ЫҢАР. The paper's main focus is on the morphophonological changes in Altai form-changing affixation with reference to an affix -ыҢар (-igar) 'you', 'your'. Shortening of this affix in spoken speech is a result of dropping out of a phoneme /r/, what is found

to be a regular change in noun and verbal affixation. The authors describe norms of pronunciation of Altai nouns with the affix *-ыгар* and a pronoun *бойы* (*boyi*) 'himself' with personal affixes in formal and informal speech. The research thoroughly studies paradigms of verbal plural forms in 2 person in imperative, indicative and conditional mood. Cases of shortening of a negative and past tense affixes (*-ба + -ган > -баан*) are shown. Verbal plural forms in 2 person with shortened affixes *-баан* produce new form-changing morphemes, which are typical of spoken speech. The work shows examples of regular shortened pronunciation of the conditional affix *-за* and personal affix *-ыгар*, which together are reduced to *-заар*. On the whole, the work adds more new facts into the theory of modern grammar of the Altai language.

Key words: spoken Altai language, affix *-ыгар*, personal affixation, form-changing affixation in Altai, dropping out of /r/ in Altai affixes, shortening of verbal affixes in Altai.

А. С. Янкубаева, канд. филол. наук, доц. каф. германской филологии и методики преподавания иностранных языков, Горно-Алтайский государственный университет г. Горно-Алтайск), E-mail: kel@gasu.ru

М. А. Останина, канд. филол. наук, доц. каф. германской филологии и методики преподавания иностранных языков, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск), E-mail: maria-ostanina@yandex.ru

СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: УСТНАЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНАЯ НОРМА АФФИКСА *-ЫГАР**

Статья посвящена морфофонологическим изменениям словоизменительного аффикса *-ыгар* 'ваш', 'Ваш', 'вы', 'Вы' в алтайском языке. Сокращение этого аффикса в разговорной речи связано с выпадением согласного /r/, что связано с регулярным явлением в алтайском именном и глагольном словоизменении. Описана норма произношения существительных и местоимения *бойы* с аффиксом *-ыгар* в официальной и разговорной речи. Большое внимание в исследовании уделяется парадигмам глагольного словоизменения в побудительном, изъявительном и условном наклонении. Авторы отмечают случаи стяжения аффикса отрицания и давнопрошедшего времени (*-ба + -ган > -баан*), которые вместе с кратким вариантом аффикса *-ыгар* образуют новые служебные морфемы, характерные разговорной речи. Описывается образование стяженной формы аффикса условия и аффикса 2 л. мн. ч. *-за + -ыгар > -заар*. Исследование вносит вклад в описание современной грамматики алтайского языка.

Ключевые слова: алтайский язык, устная разговорная речь, аффикс *-ыгар*, притяжательные аффиксы, словоизменение в алтайском языке, выпадение фонемы /r/ при аффиксации, стяжение аффиксов в глагольных словоформах.

В любом языке существует официальный, возвышенный, нейтральный, разговорный, приниженный и прочие стили речи, которым соответствует своя произносительная норма. В алтайском языке произношение аффикса *-ыгар*, имеющего грамматическое значение 2-го лица мн. ч., определяет отнесенность речи к официальному или разговорному стилю. Полное произношение этого аффикса чаще всего обуславливается официальной, деловой ситуацией, а также контекстом, требующим возвышенности и поэтичности. Согласно норме устной разговорной, неофициальной, а также нейтральной речи в этом аффиксе согласный /r/ в большинстве случаев не произносится, что выражается в существенных изменениях парадигмы склонения существительных, местоимений и спряжения глаголов, до сих пор полностью не описанных учеными, исследующими грамматику алтайского языка.

Авторы грамматик алтайского языка Н.Д. Дыренкова [1] и Н.А. Баскаков [2] описывают системы склонения имен и спряжения глаголов в их контекстно-свободном выражении: без описания отличий, связанных со стилевой произносительной нормой. Тем не менее, в грамматиках встречаются некоторые формы, характерные разговорному неофициальному стилю. Так, краткая форма аффикса *-ыгар* с глаголом дается при объяснении спряжения только причастия на *-атан – бар=атан=аар* 'вы всегда ездили' [1, с. 180-182; 2, с. 280]. Когда приводится форма употребления аффикса в устной речи, она не имеет пометы «разг.» или «неофич.». В значительной мере вариативность произношения аффиксов лица отражена Н.А. Баскаковым при описании спряжения глаголов в различных временах относительно диалектов алтайского языка [3], но и здесь не сообщается об особой стилистической окраске упрощенных форм глагола, которая, возможно, сформировалась позже.

На отличие форм спряжения глаголов в алтайском языке относительно официального и разговорного стиля указывается в приложении по грамматике учебного пособия А.С. Янкубаевой и А.Н. Майзиной: даются упрощенные формы притяжательных аффиксов существительных и личных глагольных аффиксов *-ыбыс (> -ыс)* и *-ыгар (> -аар)*, которые типичны разговорной речи [4, с. 97, 119]. В работе также отмечаются в высокой степени распространенные в устной неофициальной речи личные формы вспомогательного глагола *турган* (с развитой системой спряжения для каждого лица: 1 л. ед. ч. *трам*, мн. ч. *траныс*; 2 л. ед. ч. *тран*, мн. ч. *транаар*; 3 л. ед. ч. и мн. ч. *тран*) [4, с. 105]. Парадигмы глагольного спряжения для отдельных видов прошедшего, настоящего и будущего времени описаны в статье Т.А.

Бадановой с точки зрения позиции ударения в словоформах [5]. В этой работе автор приводит полные и краткие формы глаголов.

Сегодняшняя ситуация в алтайском языкознании очевидна: для полного описания системы склонения и спряжения в алтайском языке нужно учитывать требования устной речевой нормы. Тенденция к исчезновению /r/ в аффиксе *-ыгар* выражается, с одной стороны, в фонемном переустройстве слова, с другой, в преобразованиях на супraseгментном уровне, когда в составе корня меняется число слогов, что ведет к смене места ударения. Упрощенные формы с аффиксом *-ыгар*, на наш взгляд, маркируют не только разговорную норму, но и являются стилистически нейтральными. В отличие от них полные формы используются в научной, деловой письменной речи, а также устной публичной, возвышенной, поэтической речи. Полные аффиксальные формы характеризуют выступление говорящего как официальное, такой речи свойственно быть точной и четкой.

Вопрос о выпадении /r/ при аффиксации интересен и со стороны, что в алтайском языке не обнаруживаются некоторые типы примеров выпадения /r/ в интервокальной позиции, свойственные, например, морфологической системе хакасского языка. О таких случаях, например, сообщается в работе А.В. Шеймович, которая отмечает выпадение конечного корневого согласного /r/, /k/ и /x/ при добавлении к корню некоторых притяжательных и падежных аффиксов: *хак. суғ 'вода' – суғу > суу 'его вода', көг 'песня' – көг > көб 'его песня'; харах + ым > хараам 'мой глаз'* [6]. Сопоставление данного явления в тюркских языках может привести к важным фактам.

В современной речи на алтайском языке полный аффикс 2 лица мн.ч. *-ыгар* актуализируется в шести алломорфах: *-ыгар, -игер, -гар, -гер, -гор* и *-гдр*. Первый алломорф используется с местоимением *бойы* (*бой=ыгар* 'вы сами'). С существительными и глаголами употребляются все шесть алломорфов (*алама=гар* 'ваше яблоко', *юрт=ыгар* 'ваше село', *Бијеле=гер!* 'Танцуйте!', *бијеле=р=игер* 'вы будете танцевать', *сок=со=гор* 'если вы ударите', *Сок=по=гор!* 'Не бейте!'). Сокращенный аффикс от *-ыгар* имеет следующие четыре алломорфа: *-аар, -еер, -оор* и *-ддр*.

Способ произношения аффикса 2 лица мн. ч. стабильно изменяется в устной речи носителей алтайского языка в зависимости от целей коммуникантов и актуальной речевой ситуации. Ниже мы опишем случаи его полного и краткого употребления.

1. Имена существительные и местоимения с аффиксом *-ыгар*. Когда аффикс *-ыгар* присоединяется к корневой морфеме имени существительного, он имеет грамматическое значение ОБЛАДАТЕЛЯ и указывает на 2 лицо мн. ч., переводимое

на русский язык местоимением *ваш* или *Ваш*. Если корень заканчивается на гласный, выпадение /г/ в аффиксе невозможно, а именные формы в ед.ч. имеют только один вариант звучания без стилового различия. Аффикс после корней принимает вид одного из следующих четырех фонетических вариантов – *-гар*, *-гер*, *-гор* или *-гөр*:

- офиц., разг. *тура=гар* 'ваш дом';
- офиц., разг. *суу=гар* 'ваша река';
- офиц., разг. *наҗы=гар* 'ваш друг';
- офиц., разг. *эр кижы=гер* 'Ваш муж';
- офиц., разг. *биле=гер* 'ваша семья';
- офиц., разг. *тоо=гор* 'ваше число';
- офиц., разг. *төд=гөр* 'ваш верблюд';
- офиц., разг. *чөрү=гер* 'ваше войско'.

Слова с корнем в ед.ч., заканчивающимся на согласный, имеют две формы – с полным аффиксом *-ыгар*, соответствующим официальной речи, и с упрощенным аффиксом *-аар* в разговорной речи. Возможные фонетические варианты аффиксов включают следующие формы: офиц. *-ыгар*, *-игер*; разг. *-аар*, *-еер*, *-оор*, *-öör*. Несмотря на то, что сокращенный аффикс в современной алтайской речи чаще произносится кратко, и некоторое удлинение возможно в силу ударения, которое падает на него, мы отображаем его по требованиям орфографической нормы, подробно описанной в совместном труде В. Н. Тадыкина и А. Т. Тыбыковой [7, с. 48] и являющейся на сегодняшний день общепринятой. Примеры:

- офиц. *сураг=ыгар*, разг. *сураг=аар* 'ваш вопрос' (здесь и в большинстве случаев далее *сураг[ар]*);
- офиц. *җаш туж=ыгар*, разг. *җаш туж=аар* 'Ваше детство';
- офиц. *чырай=ыгар*, разг. *чырай=аар* 'Ваши черты лица';
- офиц. *җер=игер*, разг. *җер=еер* 'ваша земля';
- офиц. *јүрүм=игер*, разг. *јүрүм=еер* 'ваша жизнь';
- офиц. *јол=ыгар*, разг. *јол=оор* 'ваша дорога';
- офиц. *боз=игер*, разг. *боз=öör* 'ваша ткань';
- офиц. *эш нөкөр=игер*, разг. *эш нөкөр=öör* 'Ваш супруг / Ваша супруга'.

Все существительные во мн. ч. образуют обе дифференцированные по стилю формы – официальную, деловую, возвышенную, поэтическую или разговорную, нейтральную:

- офиц. *суу=лар=ыгар*, разг. *суу=лар=аар* 'ваши реки';
- офиц. *биле=лер=игер*, разг. *биле=лер=еер* 'ваши семьи';
- офиц. *тоо=лор=ыгар*, разг. *тоо=лор=оор* 'ваши числа';
- офиц. *көс=төр=игер*, разг. *көс=төр=öör* 'ваши глаза';
- офиц. *јүрүм=дер=игер*, разг. *јүрүм=дер=еер* 'ваши жизни'.

Парадигма склонения местоимения *бой* 'сам' с притяжательными аффиксами включает и форму с полным и сокращенным аффиксом *-ыгар*:

- 1 л. ед. ч. – офиц., разг. *бой=ым* 'я сам'; мн. ч. – офиц. *бой=ыбыс*, разг. *бой=ыс* 'мы сами';
- 2 л. ед. ч. – офиц., разг. *бой=ын* 'ты сам'; мн. ч. – офиц. *бой=ыгар*, разг. *бой=оор* 'вы / Вы сами';
- 3 л. ед. ч. – офиц., разг. *бой=ы* 'он сам / она сама'; мн. ч. – офиц., разг. *бой=ы* 'они сами'.

Ударение во всех приведенных формах падает на последний слог.

Таким образом, притяжательный аффикс 2 лица мн. ч. представлен следующими алломорфами: офиц. *-ыгар*, *-игер*, *-гар*, *-гер*, *-гөр*; разг. *-аар*, *-еер*, *-оор*, *-öör*.

II. Глаголы с аффиксом *-ыгар* в повелительном наклонении. В составе глагольной формы служебная морфема *-ыгар* обладает значением ДЕЙТЕЛЯ, имеет семы '2 лицо' и 'мн. ч.' и на русский язык может переводиться местоимением *вы* или *Вы*. Положительные формы глаголов в повелительном наклонении для 2 л. мн. ч. звучат одинаково в официальной и разговорной речи, если основа глагола заканчивается на гласную. Аффикс в таких случаях имеет форму *-гар*, *-гер*, *-гор* или *-гөр*:

- офиц., разг. *җаза=гар!* 'Чините!';
- офиц., разг. *Бичи=гер!* 'Пишите!';
- офиц., разг. *Кожондо=гор!* 'Пойте!';
- офиц., разг. *Төжө=гөр!* 'Стелите!';

Формы повелительного наклонения на *-ыгар* от глаголов во 2 л. мн. ч., заканчивающихся на согласный, могут иметь стиловое отличие при произношении. При этом у аффикса отмечаются следующие фонетические варианты: офиц. *-ыгар*, *-игер*, разг. *-аар*, *-еер*, *-оор*, *-öör*:

- офиц. *Ал=ыгар!*, разг. *Ал=аар!* 'Берите!';
- офиц. *Ары баз=ыгар!*, разг. *Ары баз=аар!* 'Идите туда!';
- офиц. *Бер=игер!*, разг. *Бер=еер!* 'Дайте!';

- офиц. *Кел=игер!*, разг. *Кел=еер!* 'Приходите!';
- офиц. *Үр=игер!*, разг. *Үр=еер!* 'Надуйте!';
- офиц. *Кож=ыгар!*, разг. *Кож=оор!* 'Добавьте!';
- офиц. *Көр=игер!*, разг. *Көр=öör!* 'Смотрите!';

Все глаголы в повелительном наклонении на *-ыгар* с аффиксом отрицания *-ба* также имеют две формы, маркированные официальным и разговорным стилем, поскольку аффикс отрицания заканчивается на гласный:

- офиц. *җаза=ба=гар!*, разг. *җаза=б=аар!* 'Не чините!';
- офиц. *Бичи=бе=гер!*, разг. *Бичи=б=еер!* 'Не пишите!';
- офиц. *Иштет=пе=гер!*, разг. *Иштет=п=еер!* 'Не включай-те!';

- офиц. *Түжүр=бе=гер!*, разг. *Түжүр=б=еер!* 'Не опускайте!';
- офиц. *Үр=бе=гер!*, разг. *Үр=б=еер!* 'Не надувайте!';
- офиц. *Кожондо=бо=гор!*, разг. *Кожондо=б=оор!* 'Не пойте!';
- офиц. *Төжө=бө=гөр!*, разг. *Төжө=б=öör!* 'Не стелите!';
- офиц. *Көр=бө=гөр!*, разг. *Көр=б=öör!* 'Не смотрите!';

В глагольных формах характерных нейтральному, разговорному стилю сокращается не только аффикс *-ыгар*, но и аффикс отрицания *-ба* < *-б*. В отличие от форм без отрицания, где ударение падает на последний слог слова, формы глаголов с отрицанием имеют ударение на аффиксе *-ба*, т.е. на предпоследнем слоге. Однако у повелительной формы глагола с усеченным аффиксом отрицания и 2 л. мн. ч. ударение падает на последний слог.

III. Глаголы с аффиксом *-ыгар* в изъявительном наклонении.

Недавнопрошедшее время. Для образования этого времени к корню глагола присоединяется аффикс *-ды*, у которого имеется 4 алломорфа: *-ды*, *-ди*, *-ты*, *-ти*. В этом времени положительные и отрицательные формы глагола с аффиксом *-ыгар* в устной речи имеют следующие регулярно проявляющиеся стилистические отличия:

- офиц. *сакы=ды=гар*, разг. *сакы=д=аар* 'вы ждали'; офиц. *сакы=ба=ды=гар*, разг. *сакы=ба=д=аар* 'вы не ждали';
- офиц. *кожондо=ды=гар*, разг. *кожондо=д=оор* 'вы пели';
- офиц. *кожондо=бо=ды=гар*, разг. *кожондо=бо=д=оор* 'вы не пели';
- офиц. *ач=ты=гар*, разг. *ач=т=аар* 'вы открыли'; офиц. *ач=па=ды=гар*, разг. *ач=па=д=аар* 'вы не открыли';
- офиц. *экел=ди=гер*, разг. *экел=д=еер* 'вы принесли'; офиц. *экел=бе=ди=гер*, разг. *экел=бе=д=еер* 'вы не принесли';
- офиц. *көр=ди=гер*, разг. *көр=д=öör* 'вы видели'; офиц. *көр=бө=ди=гер*, разг. *көр=бө=д=öör* 'вы не видели';
- офиц. *үр=ды=гер*, разг. *үр=д=еер* 'вы надували'; *үр=бе=ди=гер*, разг. *үр=бе=д=еер* 'вы не надували'.

Давнопрошедшее время. Аффикс давнопрошедшего времени имеет 4 алломорфа: *-ган*, *-ген*, *-гон* и *-гөн*. Глагольные формы с этим аффиксом имеют несколько вариантов произношения: в официальной речи формы полные, несокращенные, в нейтральной и разговорной речи аффикс *-ыгар* произносится кратко, а сочетание аффикса отрицания *-ба* и *-ган* имеет несколько устных форм: *-баан*, *-беен*, *-боон*, *-бөөн*. В работе Н. А. Баскакова подобное явление упоминается при описании прагматики кумандинского диалекта алтайского языка. Так, даются следующие стяженные формы сочетания аффикса отрицания и давнопрошедшего времени: *-ба + -ган > -бан / -бын / -биин*; *-бе + -ген > -бен / -бин / -биин*; *-па + -ган > -пан / -пын / -пиин*; *-пе + -ген > -пен / -пин / -пиин*; например, *айт=пын* от *айт=па=ган* 'не сказал', *бер=бин* от *бер=бе=ген* 'не дала', *куру кал=бын* от *куру кал=ба=ган* 'ни с чем не останется' [3, с. 70, 109].

Отрицательные глагольные формы с двумя сокращенными аффиксами *-ган* и *-ыгар* (т.е. оканчивающиеся на *-ба-анаар*, *-паанаар*, *-бооноор*, *-пооноор*, *-беенеер*, *-леенеер*, *-бөөнөөр*, *-пөөнөөр*) также характеризуют устную неофициальную речь:

- офиц. *сакы=ган=ыгар*, разг. *сакы=ган=аар* 'вы ждали';
- офиц. *сакы=ба=ган=ыгар*, разг. *сакы=ба=ган=аар*, *сакы=б=а-ан=аар* 'вы не ждали';
- офиц. *кожондо=гон=ыгар*, разг. *кожондо=гон=оор* 'вы пели';
- офиц. *кожондо=бо=гон=ыгар*, разг. *кожондо=бо=гон=оор*, *кожондо=б=оон=оор* 'вы не пели';
- офиц. *ач=кан=ыгар*, разг. *ач=кан=аар* 'вы открыли'; офиц. *ач=па=ган=ыгар*, разг. *ач=па=ган=аар*, *ач=п=аан=аар* 'вы не открыли';
- офиц. *экел=ген=игер*, разг. *экел=ген=еер* 'вы принесли';
- офиц. *экел=бе=ген=игер*, разг. *экел=бе=ген=еер*, *экел=б=еен=еер* 'вы не принесли';

офиц. *көр=гөн=игер*, разг. *көр=гөн=дөр* 'вы видели'; офиц. *көр=бд=гөн=игер*, разг. *көр=бд=гөн=дөр*, *көр=б=бдн=дөр* 'вы не видели';

офиц. *төжб=гөн=игер*, разг. *төжб=гөн=дөр* 'вы стелили'; офиц. *төжб=бд=гөн=игер*, разг. *төжб=бд=гөн=дөр*, *төжб=б=бдн=дөр* 'вы не стелили';

офиц. *үр=ген=игер*, разг. *үр=ген=еер* 'вы надували'; офиц. *үр=бе=ген=игер*, *үр=бе=ген=еер*, *үр=б=еен=еер* 'вы не надували';

Правила написания форм глаголов с двойным стяжением описаны В. Н. Тадыкиным и А. Т. Тыбыковой [7, с. 48]. Несмотря на наличие на письме двух длинных гласных в таких формах (*көрбддндөр* и т.д.), в разговорной речи эти гласные произносятся кратко.

Настоящее время. Для образования формы глагола в этом времени к корню глагола присоединяется аффикс -ад, у которого имеется 5 алломорфов – -ад, -ат, -ед, -ет и (-й)-т, – выбор которых определяется последними согласными и гласными корня (или основы). Произношение положительных и отрицательных форм глагола в настоящем времени с аффиксом 2 лица мн. ч. имеет следующие стилевые отличия:

офиц. *сакы=й=д=ыгар*, разг. *сакы=й=д=аар* 'вы ждете'; офиц. *сакы=ба=й=д=ыгар*, разг. *сакы=ба=й=д=аар* 'вы не ждете'; офиц. *кожондо=й=д=ыгар*, разг. *кожондо=й=д=оор* 'вы поете'; офиц. *кожондо=бо=й=д=ыгар*, разг. *кожондо=бо=й=д=оор* 'вы не поете';

офиц. *ач=ад=ыгар*, разг. *ач=ад=аар* 'вы открываете'; офиц. *ач=па=й=д=ыгар*, разг. *ач=па=й=д=аар* 'вы не открываете';

офиц. *экел=ед=игер*, разг. *экел=ед=еер* 'вы приносите'; офиц. *экел=бе=й=д=игер*, разг. *экел=бе=й=д=еер* 'вы не приносите';

офиц. *көр=дд=игер*, разг. *көр=дд=дөр* 'вы видите'; офиц. *көр=бд=й=д=игер*, разг. *көр=бд=й=д=дөр* 'вы не видите';

офиц. *төжб=й=д=игер*, разг. *төжб=й=д=дөр* 'вы стелите'; офиц. *төжб=бд=й=д=игер*, разг. *төжб=бд=й=д=дөр* 'вы не стелите';

офиц. *үр=ед=игер*, разг. *үр=ед=еер* 'вы надуваете'; офиц. *үр=бе=й=д=игер*, разг. *үр=бе=й=д=еер* 'вы не надуваете';

Будущее (настояще-будущее) время. Глаголы с аффиксами на -ар указывают на действие, которое будет совершаться в будущем. У аффикса -ар имеется 7 алломорфов: -ар, -ор, -д-ор, -ер, -ыр, -ир, -р. Все формы в этом времени имеют два варианта произношения: характерные деловой, официальной, возвышенной речи, с одной стороны, и нейтральной, разговорной, с другой. Примеры:

офиц. *сакы=ыр=ыгар*, разг. *сакы=ыр=аар* 'вы будете ждать'; офиц. *сакы=ба=з=ыгар*, разг. *сакы=ба=з=аар* 'вы не будете ждать';

офиц. *кожондо=ор=ыгар*, разг. *кожондо=ор=оор* 'вы будете петь'; офиц. *кожондо=бо=з=ыгар*, разг. *кожондо=бо=з=оор* 'вы не будете петь';

офиц. *ач=ар=ыгар*, разг. *ач=ар=аар* 'вы будете открывать'; офиц. *ач=па=з=ыгар*, разг. *ач=па=з=аар* 'вы не будете открывать'; офиц. *экел=ер=игер*, разг. *экел=ер=еер* 'вы будете приносить'; офиц. *экел=бе=з=игер*, разг. *экел=бе=з=еер* 'вы не будете приносить';

офиц. *көр=ор=игер*, разг. *көр=ор=дөр* 'вы увидите'; офиц. *көр=бд=з=игер*, разг. *көр=бд=з=дөр* 'вы не увидите';

офиц. *төжб=ор=игер*, разг. *төжб=ор=дөр* 'вы постелите'; офиц. *төжб=бд=з=игер*, разг. *төжб=бд=з=дөр* 'вы не постелите';

офиц. *үр=ер=игер*, разг. *үр=ер=еер* 'вы будете надувать'; офиц. *үр=бе=з=игер*, разг. *үр=бе=з=еер* 'вы не будете надувать';

IV. Глаголы с аффиксом -ыгар в условном наклонении.

Для образования глагола в условном наклонении к его корню (или основе) присоединяется аффикс условия -за, который реализуется в речи в четырех алломорфах: -за, -зо, -са, -со. За ним глагольная форма может принимать аффиксы лица (*отур=за=м* 'если я присяду', *дс=сб=н* 'если ты вырастешь', *бар=за=д* 'если он придет'). В алтайском языке сочетание аффикса условия -за и аффикса 2 лица ед. и мн. ч. у глагола используется для передачи двух грамматических значений – условного наклонения формы глагола во 2 лице в придаточном предложении и повелительного наклонения глагола во 2 лице в форме ед. и мн. ч. Например: *Слер база бир эмеш отур=за=гар*, *оройтып каларыгар* 'Если

вы еще чуть-чуть посидите, то опоздаете'; *Бери отур=за=н!* 'Присаживайся!'; *Бери отур=за=гар!* 'Присаживайтесь!'. Ниже приведем примеры глаголов на -ыгар в условном наклонении, в которых в неофициальной речи происходит стяжение аффиксов, а глагольные формы оканчиваются на -заар, -саар, -зоор, -соор, -ддөр или -сдөр:

офиц. *јаза=за=гар*, разг. *јаза=з=аар* 'если вы будете чинить'; офиц. *бичи=зе=гер*, разг. *бичи=з=еер* 'если вы будете писать';

офиц. *түжүр=зе=гер*, разг. *түжүр=з=еер* 'если вы будете опускать';

офиц. *тут=са=гар*, разг. *тут=с=аар* 'если вы будете лопать';

офиц. *иштет=се=гер*, разг. *иштет=с=еер* 'если вы будете включать';

офиц. *үр=зе=гер*, разг. *үр=з=еер* 'если вы будете надувать'; офиц. *кожондо=зо=гер*, разг. *кожондо=з=оор* 'если вы будете петь';

офиц. *төжб=зб=дөр*, разг. *төжб=з=дөр* 'если вы будете стелить';

офиц. *көр=зб=дөр*, разг. *көр=з=дөр* 'если вы будете смотреть';

офиц. *сөк=сб=дөр*, разг. *сөк=с=дөр* 'если вы будете распылять';

Сегодня полные именные и глагольные формы с аффиксом -ыгар в письменной речи принято использовать в официальных документах, газетах (1), учебниках (2-3), в художественной литературе (4). Сокращенные формы, тем не менее, часто встречаются в художественных произведениях для передачи живого языка в речи героев (5-6). Примеры:

(1) «Слер кредит аайынча төлүни озо баштап заемщиктен некеп **јадыгар**» (Вы деньги по кредиту сначала требуете с заемщика) («Алтайдын Чолмоны». № 120-122, 2 июля 2015);

(2) *Текстти лаптап кычырыгар* (Прочитайте внимательно текст);

(3) *Карарткан сөстөрдү канайда ондоп јадыгар?* (Как вы понимаете выделенные слова?);

(4) «Мында коркышту соок, кумакка теренжиде **киригер**. Мен ойгоосогомчо, **турбагар!**» (Здесь страшно холодно, закапывайтесь в песок. Пока я вас не разбужу, не вставайте!) (АЕ, с. 19);

(5) «Кемдер келди, чыгып **көрбөр** – деп, казан кырып **жаткан энези Карабаш ла Койлого айтты**» (< чыгып *көр=игер*) (Выйдите, посмотрите, кто пришел, – сказала мать Карабашу и Койло, выскабливая казан.) (ЛК, с. 85);

(6) «Анда не **тургулаар?** **Киргилеер бери...**» (< *тур=гула=ган=ыгар*; *кир=гиле=гер*) (Чего там стоите? Заходите сюда.) (ЛК, с. 86).

Значение изменения фонетического состава именной и глагольных форм алтайского слова существенно с точки зрения изменения последующих за сокращенными аффиксами других знаменательных морфем и частиц. В связи с уподоблением гласных фонем в частицах, следующих за словоформами на -ыгар, в силу закона гармонии в устной речи облик конца фразы претерпевает значительные фонетические изменения. Сравните варианты вопросительных частиц, которые завершают общие вопросы (7-8):

(7) *Слер эдип болор=ыгар ба?* и *Слер эдип болор=оор бо?* (Вы можете сделать?);

(8) *Слер көрөр=игер бе?* и *Слер көрөр=дөр бд?* (Вы будете смотреть?).

Описание стилистических отличий произношения, несомненно, важно для установления грамматических, производных и орфографических норм речи, а значит для дальнейшего развития алтайского литературного языка. В поле зрения исследований современного алтайского языкознания должны входить любые изменения в речи на уровне грамматики, семантики и коммуникативного функционирования языка. Дальнейшее исследование произношения аффикса -ыгар в системе именных и глагольных парадигм вносит свой вклад в изучение речевых стилей и будет нами продолжено в сопоставлении с нормой произношения аффикса 1 л. мн. ч. -ыбыс.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ; грант № 14-04-00170.

Библиографический список

1. Дыренкова Н.П. *Грамматика ойротского языка*. Москва, Ленинград, 1940.

2. Баскаков Н.А. Очерк грамматики алтайского языка. *Ойротско-русский словарь*. Москва, 1947; Приложение: 220 – 312.
3. Баскаков Н.А. *Диалект кумандинцев (куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь*. Москва, 1972.
4. Янкубаева А.С., Майзина А. Н. *Алтайский язык. Начальный курс: учебное пособие*. Горно-Алтайск, 2012.
5. Баданова Т.А. Локализация алтайского словесного ударения в словоформах с позиционно долгим гласным. *Билим*. Научный журнал. Горно-Алтайск: НИИА им. С.С. Суразакова, 2008; 4: 4 – 7.
6. Шеймович А.В. К морфологической разметке корпуса хакасского языка. *«Письменное наследие»*. Available at: <http://textualheritage.org/content/view/405/39/lang,en/>
7. Тадыкин В.Н., Тыбыкова А.Т. *Орфография и пунктуация алтайского языка*. Горно-Алтайск, 1981.
8. Ередеев А. *Ак парашутту уулчак*. Горно-Алтайск, 2007. (АЕ)
9. Кокышев Л. *Туулардын уулы*. Горно-Алтайск: Литературно-издательский дом «Алтын Туу», 2010. (ЛК)

References

1. Dyrenkova N.P. *Grammatika ojrotskogo yazyka*. Moskva, Leningrad, 1940.
2. Baskakov N.A. Oчерк grammatiki altajskogo yazyka. *Ojrotsko-russkij slovar'*. Moskva, 1947; Prilozhenie: 220 – 312.
3. Baskakov N.A. *Dialekt kumandincev (kumandy-kizhi): Grammaticheskij oчерk, teksty, perevody i slovar'*. Moskva, 1972.
4. Yankubaeva A.S., Majzina A. N. *Altajskij yazyk. Nachal'nyj kurs: uchebnoe posobie*. Gorno-Altajsk, 2012.
5. Badanova T.A. Lokalizaciya altajskogo slovesnogo udareniya v slovoformah s pozicionno dolgim glasnym. *Bilim*. Nauchnyj zhurnal. Gorno-Altajsk: NIIA im. S.S. Surazakova, 2008; 4: 4 – 7.
6. Shejmovich A.V. K morfologicheskoy razmetke korpusa hakasskogo yazyka. *«Pis'mennoe nasledie»*. Available at: <http://textualheritage.org/content/view/405/39/lang,en/>
7. Tadykin V.N., Tybykova A.T. *Orfografiya i punktuaciya altajskogo yazyka*. Gorno-Altajsk, 1981.
8. Eredееv A. *Ak parashuttu uulchak*. Gorno-Altajsk, 2007. (AE)
9. Kokyshev L. *Tuulardyn uuly*. Gorno-Altajsk: Literaturno-izdatel'skij dom «Altyn Tuu», 2010. (LK)

Статья поступила в редакцию 28.07.15

УДК 821

Bekova M.R., postgraduate, Department of Ingush Literature and Folklore, o Ingush State University (Magas, Russia),
E-mail: uzlipat066@mail.ru

LANGUAGE FEATURES IN LITERARY WORKS BY THE INGUSH WRITER A. BOKOV. The article analyzes the particular features of the language of the Ingush writer Ahmet Bokov in his literary works. The writer's books express the ideological and associated emotional contents. Comparisons, metaphors of the folk origin give his prose uniqueness and originality. The names of many of works by A. Bokov prove this idea: "A Broken Circle", "Crimson Dawn", "Lead Rain", "The Hard Way", etc. The use of idioms in the speech of his characters is an important tool for socio-psychological characteristics of these people as members of a particular social group or community. As the author notes, the characteristics of the language style in the works by A. Bokov is the simplicity, accessibility and symbolic richness of images, simple and elegant construction of a plot. In the stories and novels of A. Bokov, he depicts events and characteristics of the characters that play through the extensive use of the wealth of the Ingush language.

Key words: Ingush literature, ideological and artistic system, metaphor, comparison, adjective, folklore, character.

М.Р. Бекова, ассистент каф. «Ингушская литература и фольклор», ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», г. Магас, E-mail: uzlipat066@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИНГУШСКОГО ПИСАТЕЛЯ А. БОКОВА

В статье проводится анализ особенностей языка произведений ингушского писателя Ахмета Бокова, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание. Сравнения, метафоры фольклорного происхождения придают прозе А. Бокова неповторимость и самобытность. Использование в речи персонажей идиом является важным средством социально-психологической характеристики их как представителей определённой социальной среды, группы или коллектива. Как отмечает автор статьи, характерным для языка произведений А. Бокова является простота, доступность и символическая насыщенность образов, строгое и изящное построение сюжета. В повестях и романах Ахмета Бокова, изображаемые им события и характеристика героев воспроизводятся через широкое использование богатства ингушского языка.

Ключевые слова: ингушская литература, идейно-художественная система, метафора, сравнение, эпитет, фольклор, персонаж.

Творчество писателей и поэтов играет заметную роль в развитии любого национального литературного языка. Произведения известного ингушского писателя Ахмета Бокова имеют большое значение для обогащения ингушского литературного языка. Яркий, красочный язык писателя не может оставить равнодушным читателя. Язык его произведений неповторим. Особенность идейно-художественной системы Ахмета Бокова в том, что герои его произведений являются очевидцами тех событий, которые происходили на стыке веков. Они проявляют мужество и героизм, призывают высоко держать знамя чести и достоинства. В.В. Виноградов пишет, что «Писатель – носитель и творец национальной культуры речи. Пользуясь общенародным языком своего времени, он отбирает и в соответствии со своим творческим замыслом объединяет разные средства словарного состава и грамматического строя своего родного языка» [1, с. 183].

Следует отметить специфику языка писателя. Опора на фольклор появилась с самого начала творчества А. Бокова, что создало яркий национальный колорит его произведений. Писатель создает тот эмоциональный фон, способствующий раскрытию внутренней жизни героев. Очевидна поэтичность языка персонажей, удачное использование фразеологических оборо-

тов, пословиц и поговорок, проклятий и благопожеланий, плачей, притч, приветствий, метафорических выражений, связанных со всей художественной структурой каждого отдельно взятого произведения. Фольклор имеет эстетическое и этнопсихологическое значение и является элементом художественного мировоззрения писателя, он влияет на язык героев произведений Ахмета Бокова. «Язык литературно-художественного произведения, вливаясь в общий поток развития языка в целом, может рассматриваться как памятник и источник истории этого языка» [1, с. 187].

Изучение стиля писателя привлекательно не только в плане наблюдения за развитием национального языка, но и для определения личного вклада писателя в процесс языкового развития. Судьба любого художественного произведения зависит от умения автора точно сформулировать свою мысль, степени мастерства владения словом, знании законов его функционирования, виртуозности в использовании изобразительно-выразительных средств языка.

Национальная лексика и фразеология занимают в произведениях А. Бокова заметное место. Фольклор выполняет у писателя и лексические задачи. Сравнения, метафоры, эпитеты фольклорного происхождения придают прозе А. Бокова нацио-

нальный колорит и воздействуют на повествовательный стиль. Одной из главных особенностей речи героев А. Бокова является образность. Сравнения, введенные в речь героев, не выдуманы писателем, не искусственны, они являются подлинно ингушскими сравнениями. Писатель вводит в свои произведения ингушские сравнения для передачи специфической образности разговорного языка ингушей, а также для образного и более достоверного отражения действительности. Использование в речи героев фразеологических единиц и пословиц, характерных для народного языка и художественных текстов, делают эту речь близкой к живому разговорному языку. Речь героев А. Бокова насыщена устойчивыми фразеологическими оборотами, к примеру, *сыт по горло, голь перекатная, в поте лица трудится, за добро платить добром, из кожи вон лезет, не падала духом, били смертным боем, земля слухами полнится, деньги идут к деньгам, и горя не знают, что тебя соли на кровоточащую рану, одной ниткой шиты, два сапога – пара, нем как рыба, парень хоть куда, волосы дыбом станут, язык держи за зубами, маковой росинки во рту не было, совсем из сил выбилась, головы не сносить, волком в лесу метаться, петли не миновать, канет в воду, как брошенный в нее камень;*

пословицами и поговорками: *пояс снимай только перед сном, каждый человек должен знать свою силу; не замахвайся занозой от ярма, помни, что тебя самого могут ударить ярмом; сдержанность никому не помешает; богатства помещиков – что вещь в сундуке за тремя замками; беда семь бед приводит; взята чужое – грех; река и та не всегда по одному руслу течет; загадать легко, сделать трудно; не теленок, к стойлу не привяжешь; всякий человек должен знать свое место; словами горю не поможешь; слезами горю не поможешь; к чистому грязь не пристаёт; хоть и сыт, а без припаса не ходи, хоть небо и чистое – одеться прихвати; идешь в лес – топор бери острый; руки у мужчины должны быть крепкие, как железо; и мышшь кусается перед смертью; терпение людей испытывать нельзя; хвост вытаскишь – голова увязнет; если присосался клещ, надо его отодрать; мышшь кусается, да укуса ее никто не боится; один палец – это один палец, а пять пальцев – это кулак; против винтовки нужна винтовка; боялся коня – бил седло; работа человека не портит.*

Использование в речи персонажей идиом является важным средством социально-психологической характеристики их как представителей определённой социальной среды, группы или коллектива; использование же идиом в речи автора дополняет и усиливает речевую характеристику персонажей [2, с. 162].

В развёрнутых сравнениях фигурируют предметы и явления, характерные для жизни и быта ингушского села (*кукуруза, сискал, джай, мовлид, дяла, талсы, таркала, бапи, тайп, чувяки*) и т.д.

Сравнения, метафоры фольклорного происхождения придают прозе А. Бокова неповторимость и самобытность. Названия многих его произведений свидетельствуют об этом: «Разорванный круг», «Багровые зори», «Свинцовый дождь», «Трудный путь».

Особенностью речи героев А. Бокова является образность. Автор вводит в речь персонажей метафоры, сравнения: *сиротский сискал, пес, кормящийся чужим сискалом, злое, беззвездное небо низко нависло над селом, дымит паром, как земля ранней весной, черная, как чугунный котел, как воронье поджидает, кого беда прильёт к ним, и камень заплачет, будто клещами обхватил его вокруг пояса, как репей, гонимый ветром в поле, желтая дыня в небе, под ним конь – что лань и т.д.*

Активно используются в речи персонажей проклятия: *чтоб захлебнулся своей кровью; чтоб превратился в кровавый ком; чтоб сгорел со всем своим богатством; чтоб ему пусто было; пропади ты пропадом; чтоб ты не вернулся домой; будь проклят; чтоб дорога твоя стала кровавой; чтоб твой конь и все богатство твое достались безжалостным людям и др.*

Благопожелания: *долгой жизни тебе, да сохрани тебя бог.*

Поверья, притчи: «Съест пес потроха – станет кур по-жирать»; «Как в притче о мулле-обжоре, который однажды на мовлид, переходя от соседа к соседу, до того объелся, что пришлось везти его домой на арбе. Встречные люди предложили ему жареной индюшатины. Мулла не смог отказаться, съел кусок и лопнул».

Эти выражения в произведениях Ахмета Бокова, прежде всего, говорят о том, что повествование ведётся от лица горца. Из подобных выражений читатель получает дополнительную информацию об ингушах, их жизни и быте. К примеру, название кукурузной лепешки «сискал» даёт дополнительное описание жизни ингушей. Кукурузные лепешки в дореволюционные и в военные годы являлись порою единственной едой ингушей.

Большая часть сравнений в произведениях А. Бокова представляют собой запоминающиеся описания внешности людей: «Как рыба, выброшенная на берег»; «Ветер раскинул полы бурки Саада, как крылья орла»; «Борода, будто приклеенный лоскут овчины»; «Лицо цвета спелой земляники»; «Глаза ее горели ненавистью»; «Шкура, натянутая на жерди»; «Бился, как рыба в сетях»; «Эсет стояла, красная как мак»; «Глаз блестит как у волка»; «Это старшина Ази. У него такие большущие, торчащие рыжие усы, и такой он толстый – ни с кем не спутаешь»; описания погоды: «Пылаю как в очаге, натопленным сухими дровами»; «Погоняемый ветром туман, словно удав, сползает с хребтов и подолгу властвует вокруг»; времени года, дня: «Ранним утром небо было чистым и прозрачным, как родник»; «Уже наступила весна. Двор весь затянут травой, будто ковром покрыт, и крапива вдоль плетня вытянулась уже по колено»; описание села: «Дома в нем кажутся не домами, а ловушки для воробьев, сложенные из кирпичей...».

В произведениях писателя также часто используются названия сел и названия местностей – *Цокалой-Юрт, Сагопиши, Бердыкель, Плиево, Родниковая балка, Тэлги-балка, Нясар, Терский хребет, Пседах.*

Принципиальное значение имеют здесь и традиции и обычаи народа, являющиеся нормой и правилами поведения, передающиеся от поколения к поколению. Следование обычаям является главным условием в горском обществе. Обычаи и традиции своего народа должны помнить всегда. В памяти людской закладывается отношение к истории и культуре своего народа, чувство уважения к опыту прошлых поколений. «С самого начала своего творческого пути писатель вдумчиво анализирует историческое прошлое народа, выявляя нерасторжимую взаимосвязь между историей и современностью, прослеживая закономерности становления новой личности горца – патриота и интернационалиста» (Х.В. Туркаев.) [3, с. 220 – 221].

Характерным для языка произведений А. Бокова является простота, доступность и символическая насыщенность образов, строгое и изящное построение сюжета. В повестях и романах Ахмета Бокова, изображаемые им события и характеристика героев воспроизводятся через широкое использование богатства ингушского языка.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. *О языке художественной прозы*. Москва, 1980.
2. Квициния Л.Б. *Антология абхазской поэзии*. Москва, 2009.
3. Туркаев Х.В. *В семье братских литератур*. Грозный, 1989.

References

1. Vinogradov V.V. *O yazyke hudozhestvennoj prozy*. Moskva, 1980.
2. Kvicinia L.B. *Antologiya abhazskoj poezii*. Moskva, 2009.
3. Turkaev H.V. *V sem'e bratskih literatur*. Groznyj, 1989.

Статья поступила в редакцию 08.08.15

УДК 81-11

Gainutdinova A.F., Doctor of Sciences (Philology), chief researcher, Institute of Language, Literature and Art of Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia), E-mail: albina_gain@mail.ru

Hamitov N.A., postgraduate, Department of Lexicology and Dialectology of Institute of Language, Literature and Art of Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Russia), E-mail: hamitov_nafis@mail.ru

FORMATION OF SPORTS TERMS IN THE TATAR LANGUAGE BY STEM COMPOSITION. At the present time not all the branches of terminology are given a complete description. Sports terms in the Tatar language are still insufficiently studied, i.e. they are almost unexplored in the terms of word formation. The present article is dedicated to complex research of formation of sports terms in Tatar by means of stem-composition. The authors name the main analytical ways of formation of sports terms in this language, which are semi-calquing, stem composition and abbreviation. The work shows that in modern Tatar sports terms formed by means of syntactic semi-calquing, stem-composition and abbreviation in most cases are borrowed from Russian. The phenomenon of sport for a long time has been in the spotlight of specialists in various scientific fields, including linguists, who specialize in the language of sport, particularly its terminology. The phenomenon of sport in the Tatar language has been poorly studied and needs further investigation.

Key words: Tatar language, sports terminology, formation, semi-calquing, stem- composition, abbreviation, borrowing.

А.Ф. Гайнутдинова, д-р филол. наук, гл. науч. сотр. отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, E-mail: albina_gain@mail.ru

Н.А. Хамитов, аспирант отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, E-mail: hamitov_nafis@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ СПОРТИВНЫХ ТЕРМИНОВ-СЛОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ ПУТЁМ СЛОЖЕНИЯ ОСНОВ

В настоящее время терминологии далеко не всех отраслей знания / деятельности получили достаточно полное описание. К числу малоизученных относится спортивная терминология татарского языка, почти не изученная с точки зрения словообразования. В нашей статье содержится комплексный анализ способов образования спортивных терминов-слов путём сложения основ в татарском языке. В ней рассмотрены основные аналитические способы образования спортивных терминов в исследуемом языке: полукалькирование, словосложение и аббревиация. В статье на основе изучения конкретного языкового материала установлено, что в современном татарском языке спортивные термины, образованные посредством синтаксического полукалькирования, словосложения и аббревиации в большинстве случаев заимствованы из русского языка. Феномен спорта находится в центре внимания специалистов разных научных направлений, в том числе лингвистов, для которых особый интерес представляет язык спорта, в частности его терминология. Данный феномен в татарском языке мало изучен и требует дальнейшего тщательного изучения.

Ключевые слова: татарский язык, спортивная терминология, образование, полукалькирование, словосложение, аббревиация, заимствование.

Терминология представляет собой целостную динамическую систему, которая в функциональном плане является системой средств выражения, служащей одной цели – обеспечению эффективности общения в специальной сфере [1].

На современном этапе терминология спорта и физической культуры в татарском языке получила заметное развитие и стала одним из значительных слагающих татарского языка. Именно поэтому исследование и упорядочение терминологии спорта и физической культуры в татарском языке на сегодняшний день является актуальным.

Установлено, что термины, как и обычные слова, образуются на базе существующих слов и корней общеупотребительной лексики. Основными способами образования терминов в терминосистемах спорта татарского языка являются: лексический, лексико-семантический, аффиксальный и аналитический способы словообразования.

В данной статье рассматривается аналитический способ словообразования спортивных терминов, который реализуется посредством синтаксического полукалькирования, словосложения и аббревиации.

Отмечая склонность полукалек к простому словообразовательному переформированию по внутренним законам и словопроизводственным моделям заимствующего языка, Н.М. Шанский дает им следующее определение: «Полукальки – это слова, состоящие частью из своего собственного – материала, а частью из – материала иноязычного слова, которые по словообразовательной структуре также точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идет заимствование» [2, с. 108 – 109]. В ЛЭС полукалька дается следующее определение: «Полукалька – разновидность словообразовательной кальки, когда переводится только часть слова. О полукальках можно говорить и в случае сложных терминов-словосочетаний, но только тогда, когда они представляют собой фразеологизмы и дословный перевод одного из компонентов сочетания по существу не связан с общим смыслом термина» [3, с. 211].

В форме полукалек в современном татарском языке бытуют спортивные термины, возникшие на основе русской интернациональной лексики: *ярым финал* – *полуфинал*, *академик ишү* – *академическая гребля*, *синхрон йөзү* – *синхронное плавание*, *су полосы* – *водное поло*, *традицион турнир* – *традиционный турнир* и т.д.

Например: *Академик ишү 2013 елгы Казан Универсиадасы программасына өстәмә спорт төрләренә берсе буларак кертелгән* (kazan2013.com/tat/test_competition_2012_rowing).

Следует отметить, что некоторые полукальки в исследуемом языке употребляются неточным переводом. Поэтому актуальным сейчас является употребление терминов по упорядочению и унификации, чтобы они были краткими и ясными. Терминосочетания, встречающиеся в спортивной сфере, должны отвечать следующим требованиям: точность значения, вхождение в систему, краткость и лингвистическую правильность [4].

В татарской периодике применяются терминологические сочетания, такие, как *өстәл өсте теннисы* / *өстәл өсте тениис уены* – *настольный теннис*, *үлән өстендәге хоккей* – *хоккей на траве*, *финалдагы очрашу* / *финалдагы соңгы очрашу* – *финальная встреча*, и т.д. Например: *Иске Карамалы авыл клубы директорына өстәл өсте теннис уены инвентарен алу өчен сертификат тапшырылды* (muslumovo.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/2014-06-09.htm). На наш взгляд, данные образования можно упростить до формы *өстәл теннисы*, *үләндәге хоккей*, *финалдагы очрашу* и т.д.

Значительное место в спортивной лексике татарского языка занимают сложные слова, выражающие спортивные понятия. Традиционно можно выделить три основных способа образования сложных слов в татарском языке: 1) словосложение; 2) переход словосочетания в сложное слово (лексикализация словосочетания); 3) лексикализация словосочетания с одновременной суффиксацией [5]. В современном татарском, как и в других тюркских языках, спортивные термины, образованные путем словосложения, в большинстве случаев заимствуются

из русского. Это, например, такие термины, как *велодром*, *велотур*, *десятиборье*, *пятиборье* и т.д. Например: *Хэзер исә велодром тәзләгән, жыелма велосипедта ярышлар командасы бар. Гомумән, Англиядә велоспорт – милли спорт төре.* (sportacadem.ru > Академия > Хәбәрләр).

Таким же образом имеет смысл упростить термины, означающие «многоборье» – *буке. спорттагы күп төр ярыш, десятиборье – буке. жиңел атлетика спортындагы ун төр ярыш, современное пятиборье – хэзерге спорттагы өчле ярыш.*

По нашему мнению, необходимо найти соответствующие эквиваленты таких слов и словосочетаний, как например: *многоборье – күп ярыш / күп төр ярыш, десятиборье – ун ярыш, современное пятиборье – заманча биш ярыш, биш төр ярыш (биш төрле күнегүдән торган ярыш), классическое троеборье – классик өч ярыш, өч төр ярыш (өч төрле күнегүдән торган ярыш).* Например: *Многоборье ярышларында безнең ил командасы лидерлыкны кулдан ычкындырмады* (газ. Маяк). *ТР буенча ЭЭМ командасы автомобильдә күп төр ярыш буенча Россия ЭЭМ чемпионатында жиңу яулады* (tat.tatar-inform.ru/news/2011/08/06/68188/).

Следует отметить, что в процессе герминотворчества участвуют также и другие способы образования новых терминов, охватить которые полностью в рамках статьи не представляется возможным. В основном это комбинации нескольких типов создания терминов. С появлением новых названий в массовом количестве (а сейчас как раз такой период) часто те способы, которые были ранее в пассиве, становятся чрезвычайно продуктивными, и – наоборот.

В татарском языке наибольшую активность в количественном отношении составляет: аббревиатуры, заимствованные из русского языка. «*Аббревиатура – условное сокращение слов на письме, а также слово, составленное путем сокращения двух или нескольких слов*» [6]. В спортивной терминологии употребляются все варианты аббревиатурных дериватов: инициальные, частичные, комбинированные.

1. Калькирование русских аббревиатур: ДСО (Добровольное спортивное общество) – ИРЖ (*ирекле спорт жәмгыяте*), ДСШ (Детская спортивная школа) – БСМ (*Балалар спорт мәктәбе*) и др. Приведенные аббревиатуры знакомы только специалистам.

Библиографический список

1. Татаринова Л.Н. *Опыт системного исследования немецкой химической терминологии: на материале общей и неорганической химии*. Автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 2005
2. Шанский Н.М. *Очерки по русскому словообразованию*. Москва: МГУ, 1968.
3. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Под редакцией В.Н. Ярцевой. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
4. Mahal I. *Активные процессы в спортивной терминологии современного русского языка*. Available at: https://is.muni.cz/th/.../fss.../Igor_Mahal_-_bakalarska_prace1_d7ath.txt
5. Севортян Э.В. *Словообразование в тюркских языках*. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Москва: Издательство АН СССР, 1956; Ч. 2: Морфология: 314 – 328.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд. Москва: Азбуковник, 1999.

References

1. Tatarinova L.N. *Opyt sistemnogo issledovaniya nemeckoj himicheskoj terminologii: na materiale obschej i neorganicheskoj himii*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata yuridicheskikh nauk. Moskva, 2005
2. Shanskij N.M. *Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu*. Moskva: MGU, 1968.
3. *Lingvisticheskij 'enciklopedicheskij slovar'*. Pod redakciej V.N. Yarcevoj. Moskva: Sovetskaya 'enciklopediya, 1990.
4. Mahal I. *Aktivnye processy v sportivnoj terminologii sovremennogo russkogo yazyka*. Available at: https://is.muni.cz/th/.../fss.../Igor_Mahal_-_bakalarska_prace1_d7ath.txt
5. Sevortyan 'E.V. *Slovoobrazovanie v tyurkskikh yazykah*. Issledovaniya po sravnitel'noj grammatike tyurkskikh yazykov. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956; Ch. 2: Morfologiya: 314 – 328.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij*. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd. Moskva: Azbukovnik, 1999.

Статья поступила в редакцию 30.07.15

УДК 821.161.1

Martazanova H.M., associate Professor in the “Ingush literature and folklore” “Ingush State University”, Magas,
E-mail: uzlipat066@mail.ru

UNDERSTANDING THE FATE OF THE CREATIVE PERSONALITY IN THE ART WORLD I. BAZORKINA. In the article the analysis of difficult life events in the fate of a creative personality in the art world I. Bazorkina. The writer in the article on the example of the consecration of the great Soviet dancer Mahmud Esambaev, whom the writer has devoted a series of works written in the small and medium epic forms. I. Basargin was the first artistic media created the image of the world famous artist Mahmoud Esambaev based On the analysis of the writer, the article concludes that in his creative quest I. Bazorkina reflected General trends in the development of the Ingush literature of the late fifties, early sixties of the twentieth century. In addition, a clearly defined features of the artistic world of the writer – subjective approach in the selection of interior themes, individual style and genre preferences. The writer managed to penetrate into the essence of the national character of the hero, to show the way of its success, the path to the pinnacle of world fame.

Key words: Ingush literature, story, essay, novel, genre.

Х.М. Мартазанова, канд. филол. наук, доц. каф. «Ингушская литература и фольклор» ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», г. Магас, E-mail: uzlipat066@mail.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ СУДЬБЫ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И. БАЗОРКИНА

В статье проводится анализ непростых жизненных явлений в судьбе творческой личности в художественном мире И. Базоркина. Творчество писателя в данной статье рассматривается на примере освещения жизни великого советского танцора Махмуда Эсамбаева, которому писатель посвятил цикл произведений, написанных в малых и средних эпических формах. На основе анализа творчества писателя, в статье делается вывод о том, что в творческих исканиях И. Базоркина отразились общие тенденции развития ингушской литературы конца пятидесятых, начала шестидесятых годов XX века. Кроме того, четко обозначились особенности художественного мира самого писателя – субъективный подход в выборе внутренней темы, индивидуальный стиль и жанровые предпочтения.

Ключевые слова: ингушская литература, сюжет, очерк, повесть, жанр.

Конец пятидесятых годов XX столетия – качественно новый этап в развитии ингушской художественной мысли, ибо «общественно-политические и духовные изменения, происшедшие в жизни народа после депортации и репрессий сталинизма, оказали существенное влияние и на литературу» [1, с. 383]. Ингушская литература этого периода характеризуется тематическим богатством и многообразием жанровых форм и проблем. Для национальной прозы, поэзии и драматургии свойственен интерес к духовно-нравственной составляющей жизни общества. В литературу влилась новая волна молодых, талантливых художников слова – А. Боков, М.-С. Плиев, С. Чакхиев, К. Чакхиев, Дж. Албаков, И. Базоркин и др. – отличительной чертой творческих поисков которых явился глубокий художественный анализ непростых, порой полярных жизненных явлений, стремление раскрыть героическое и положительное в решении темы исторического прошлого народа и современности. Произведения этих писателей объединяло то, что в них изображались драматические, чаще трагические, судьбы народа и отдельного человека на разных этапах истории.

И. Базоркин, завершив работу над повестью «Призыв», в которой «личные судьбы героев ... разворачиваются на фоне крупных исторических событий», осмысливается «жизнь отдельного человека: его роль и место в обществе, поступки и чувства» [2, с. 61], обращается «к совершенно новому для ингушской литературы жанру – к киносценарию» [3, с. 20]. Каждое новое произведение писателя, созданное им в этот период, – свидетельство зрелости его литературного дара. По утверждению М. Яндиевой, «как и многие национальные писатели, стоящие у зарождения своих литератур, Базоркин был первопроходцем во многих жанрах, помимо драматического» [4, с. 426]. Совершенно новой для ингушской литературы явилась тема творчества, преломленная через личную и творческую судьбу Махмуда Эсамбаева, которому писатель посвятил цикл произведений: «В 1957 году – автобиографический очерк «Путь артиста» и... повесть «Труд и розы» [5, с. 112], в июле 1960 года – небольшой очерк в публицистическом стиле – «Парень из аула Атаги». И. Базоркин был первым, кто художественными средствами создал образ всемирно известного артиста – Махмуда Эсамбаева, который за выдающиеся заслуги в танцевальном искусстве был удостоен звания Героя Социалистического Труда и Народного артиста СССР, а также за особый вклад в развитие многонационального искусства, представителем которого он являлся, награжден орденом Дружбы народов Российской Федерации. Обращение писателя к личности «чародея танца» не случайно: И. Базоркин хорошо знал историю М. Эсамбаева. Их судьбы тесно переплелись в период работы писателя в Киргизском оперном театре, о чём повествует дочь писателя – Аза Базоркина – в книге «Воспоминания об отце» [6, с. 51 – 52]. С большим знанием показывает писатель психологию своего героя, с помощью таких средств раскрытия внутреннего состояния, как авторское повествование и внутренний монолог, автор передает душевные переживания, волнение, мысли героя. И «кто знает, – пишет И. Базоркин, – именно в этот памятный вечер высокое мастерство артиста заронило в чьё-то ребячье сердечко ту самую искру священного, творческого огня, с которой много лет назад начал свой путь в искусстве мальчик из этого аула» [7, с. 114].

Путь Махмуда Эсамбаева в очерке – это история духовного становления человека, образ которого дан в развитии, с детальным изображением «макро» и «микро» среды, определившие сущностное начало в его характера, формирование его духовно-нравственных и профессиональных качеств. Детство героя

прошло в селе Старые Атаги, расположенного «на берегу красивой горной реки, в окружении тенистых вековых лесов и неприступных вершин Кавказского хребта» [8, с. 113]. В 1932 году семья Эсамбаевых переехала на жительство в город Грозный, где мальчик окупился в совершенно удивительную для детского воображения атмосферу жизни. Яркая творческая натура, он мыслит эмоционально-образными категориями: «однажды увидел выступления артистов и с тех пор стал завсегдатаем театров, цирка и кино» [8, с. 113]. И чем настойчивее стремился Махмуд овладеть профессией артиста, тем сильнее становилось сопротивление между ним и отцом, и Махмуд тайно уезжает в Москву. Но после того как, выдержав вступительные испытания в хореографической школе, он начал заниматься любимым делом.

С 1939 года начинается новый этап в творческой биографии Махмуда Эсамбаева: в составе бригады профессиональных артистов он начинает гастролировать по стране, а с первого дня войны и до конца 1943 года в составе фронтовой бригады выступает перед труженниками тыла и защитниками Родины на передовой. За этот период ему довелось участвовать в 360 концертах. 1944 год круто меняет судьбу танцора: 23 февраля, как и весь его народ, он был депортирован в Казахстан, где продолжил работу в составе Карагандинской филармонии, выступал в городах и районах Казахстана, а затем поступил в Казахский академический театр оперы и балета им. Абая. С ноября 1944 года Махмуд Эсамбаев работал солистом Киргизского государственного орден Ленина театра оперы и балета, где по-настоящему раскрылся талант будущего признанного мастера сцены, «талант разностороннего актера, прекрасного танцовщика, исполнителя характерных народных танцев» [8, с. 117].

Как отмечает Я. Патиев, характерной чертой киноповести, по которой на студии «Азербайджан-фильм» была снята художественная картина «Я буду танцевать», является то, что основой для нее послужил автобиографический очерк «Путь артиста».

В киноповести «Труд и розы», на наш взгляд, И. Базоркин поднимает более широкий круг проблем, что достигается возможностями жанра. Жизнеописание Махмуда Эсамбаева дается более широко, нежели в очерке. При этом автор сосредотачивает внимание не столько на судьбе одного героя, Махмуда, сколько показывает разностороннюю жизнь людей искусства. Писатель воспроизводит «хронику» трудного и долгого пути к всеобщему зрительскому признанию Махмуда, изображая при этом революционные события, связанные с судьбой отца героя. С целью «создания органической целостности образного мира И. Базоркин использует художественный вымысел – один из основных моментов литературно-художественного творчества», суть которого состоит в том, что писатель, опираясь на реальную действительность, создает новые художественные факты» [9, с. 189]. Так, в художественную структуру повести вводится образ Мумы, старшего брата героя. Его присутствие в художественной структуре повести ведет к углублению конфликта. Он хочет, чтобы брат выбрал серьезную профессию. Автор сосредоточил внимание на главных моментах деятельности своего героя, и в ходе действия, в отношениях с разными персонажами раскрываются его характер, личностное начало в нем. Как закономерность жизни, сын наследовал лучшие качества родителей: открытость миру, неумение трудолюбие, веру в людей. Путь к художественному постижению характера Махмуда, к сценическому выражению его образа И. Базоркин сумел найти благодаря глубокому знанию жизни, психологических особенностей творческих личностей, людей искусства. Как показывает автор, колоссальной целеустремленностью и трудолюбием проложил Махмуд Эсамбаев

себе путь к вершине настоящего искусства, хотя справедливости ради надо отметить, что без деятельной, бескорыстной помощи людей, без их поддержки маленький мальчик, родившийся в горах Кавказа, у истоков седого, неистового Аргуна, не смог бы пройти славный творческий путь, который поднял его на вершину всенародного успеха и в конце концов привел в самое сердце Москвы. Тем самым нельзя не согласиться с автором, который всем ходом повествования утверждает мысль о том, что без помощи и поддержки тех, кто был рядом с будущим танцором, путь его к славе был бы не столь успешным.

Таким образом, в творческих исканиях И. Базоркина — от очерковой «эскизности» в изображении отдельной личности к всестороннему раскрытию характера, отразились общие тенденции развития ингушской литературы конца 50-тых — начала 60-тых годов XX века. Четко обозначились особенности художественного мира самого писателя — субъективный подход в выборе внутренней темы, индивидуальный стиль и жанровые предпочтения. Писатель сумел проникнуть в суть национального характера своего героя, показать путь к вершине мировой славы.

Библиографический список

1. Дахильгов И.А., Мартазанова Х.М. Национальная литература. *Ингуши. Народы и культуры*. Москва, 2014.
2. Мартазанова Х.М. Проблема историзма в повести Базоркина «Призыв». *Культурная жизнь Юга России*. 2011; 1 (39): 60 – 62.
3. Патиев Я. А я иду... *Очерк жизни и творчества И. Базоркина*. Назрань, 2000.
4. Яндиева М.Д. *Ингушские смыслы в художественно-интеллектуальном наследии XX века*. Магас, 2007.
5. Яндиева М.Дж. Ингушская литература. *Литература народов России: XX в.* Москва, 2005.
6. Базоркина А. *Воспоминания об отце*. Нальчик, 2001.
7. Базоркин И.М. Парень из аула Атаги. *Собрание сочинений в 6 томах*. Магас, 2001; Т. 5.
8. Базоркин И.М. Путь артиста. *Собрание сочинений в 6 томах*. Магас, 2001; Т. 5.
9. *Краткая литературная энциклопедия*. Москва, 1966; Т. 1.

References

1. Dahkil'gov I.A., Martazanova H.M. Nacional'naya literatura. *Ingushi. Narody i kul'tury*. Moskva, 2014.
2. Martazanova H.M. Problema istorizma v povesi Bazorkina «Prizyv». *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2011; 1 (39): 60 – 62.
3. Patiev Ya. A ya idu... *Ocherk zhizni i tvorchestva I. Bazorkina*. Nazran', 2000.
4. Yandieva M.D. *Ingushskie smysly v hudozhestvenno-intellektual'nom nasledii XX veka*. Magas, 2007.
5. Yandieva M.Dzh. Ingushskaya literatura. *Literatura narodov Rossii: XX v.* Moskva, 2005.
6. Bazorkina A. *Vospominaniya ob otce*. Nal'chik, 2001.
7. Bazorkin I.M. Paren' iz aula Atagi. *Sobranie sochinenij v 6 tomah*. Magas, 2001; T. 5.
8. Bazorkin I.M. Put' artista. *Sobranie sochinenij v 6 tomah*. Magas, 2001; T. 5.
9. *Kratkaya literaturnaya enciklopediya*. Moskva, 1966; T. 1.

Статья поступила в редакцию 01.08.15

УДК 821.161.1

Martazanova H.M., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Ingush Literature and Folklore Department, Ingush State University (Magas, Russia), E-mail: uzlipat066@mail.ru

MAIN EVENTS IN THE CREATIVE WORK OF AHMED BOKOV. The article analyzes the works of A. Bokov, in which new social relations of the society are divided into two camps, confronting each other. History and modernity are the main contents of the creative heritage of A. Bokov. Imagery of his works confirms the idea of the inexhaustible spiritual, moral and physical potential of the native people. The writer is not confined to the narrow limits of the Ingush fact, based on the facts and events of history, shows the life of the Cossack villages, the relationship between the Ingush and the Cossacks, which is not always smooth and serene, but in terms of confrontation between the two political systems – tsars and the Bolsheviks, they acquire a new meaning. In the works by A. Bokov the General atmosphere of life of the Ingush villages during the great Patriotic war is revealed.

Key words: epic, film series, Ingush literature, anthology stories, prototype.

Х.М. Мартазанова, канд. филол. наук, доц. каф. «Ингушская литература и фольклор» ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», г. Магас, E-mail: uzlipat066@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ТВОРЧЕСТВА АХМЕДА БОКОВА

В статье анализируются произведения А. Бокова, в которых в результате новых социальных отношений общество разделено на два лагеря, противостоящих друг другу. История и современность составляют основное содержание творческого наследия А. Бокова, который образной системой своих произведений утверждает идею неисчерпаемости духовно-нравственного и физического потенциала родного народа. При этом писатель не замыкается в узкие рамки ингушской действительности, опираясь на факты и события истории, показывает жизнь казачьих станиц, взаимоотношения между ингушами и казаками, которые не всегда были равными и безоблачными, но в условиях противостояния двух политических систем — царизма и большевиков, они приобретают качественно новое содержание. Так же в произведениях А. Бокова отражена общая атмосфера жизни ингушского села в годы Великой Отечественной войны

Ключевые слова: эпос, диалогия, ингушская литература, альманах, рассказы, прототип.

Ахмед Хамиевич Боков (1924 – 2006) — из тех писателей, которые пришли в ингушскую литературу в 50-е годы XX века. С его именем связан качественно новый этап в развитии национальной художественной мысли. Картины национальной жизни ингушей в судьбоносные для них периоды — революция 1905 года, Первая мировая война, революции 1917 года, коллективизация, Великая Отечественная война, депортация в феврале 1944 года — являются стержневыми в творчестве А. Бокова, характеризующегося идейным и жанрово-стилевым многообразием. По определению профессора И.А. Дахильгова, писатель прошел творческий путь, «идейно-эстетический рост которого сопровождался логическим и естественным переходом от малых литера-

турных жанров к поискам более объемных форм художественной выразительности» [1, с. 4].

А. Боков — свидетель и участник поистине трагических событий XX века. Не по рассказам, а на собственной судьбе испытал, что такое война и репрессии, под вражеским обстрелом в 1942 году строил оборонительные рубежи на подступах к городу Малгобек, а в феврале 1944 года подвергся депортации в Казахстан, где был очевидцем жестокости и беззакония, творимых в отношении его народа. Эти трагические реалии в судьбе родного народа, как они отложились в личной памяти писателя, на художественно переосмысленном уровне были воспроизведены в многочисленных повестях и романах с символическими назва-

ниями: «Буран» (1962), «Трудный путь» (1963), «Сыновья Беки» (1968), «Старый дом» (1972), «Багровые зори» (1974), «Звезда среди звезд» (1978), «Юрский горизонт» (1982), «Разорванный круг» (1989), «Узкие ворота» (1994), «Судьба» (2004). Как отмечает профессор Х.В. Туркаев, «с самого начала своего творческого пути писатель вдумчиво анализирует историческое прошлое народа, выявляя неразрывную взаимосвязь между историей и современностью, прослеживая закономерности становления новой личности горца – патриота и интернационалиста» [2, с. 220 – 221].

Началом плодотворного творческого пути писателя явился рассказ «Буран», опубликованный в 1956 году в газете «Знамя труда», выходившем в Алма-Ате, хотя первые «пробы» относятся к 1940 году, когда он начинает сочинять стихи и небольшие рассказы. Но война и последовавшая за ней депортация народа изменили планы будущего писателя. С 1958 года произведения А. Бокова выходят в коллективных сборниках, альманахах. Первый сборник прозы писателя «Райхант», принесший ему всенародную известность, был издан в 1960 году. С этого периода он обещается к жанру повести и за короткий промежуток времени пишет «Буран» (1962), «Трудный путь» (1963), «Бача и его жены» (1964). Сюжетным ядром повестей является судьба личности, в условиях новой общественной морали отстаивающей свои убеждения, осознающей свою роль и место в жизни социума. Прослеживая судьбы своих героев на большом пространственно-временном отрезке, писатель показывает, что социальная среда и условия жизни создают личности мыслящие, способные отстаивать свои нравственные ориентиры, определить свое место в обществе. Нельзя не отметить, что в изображении некоторых фактов и явлений быта ингушей, А. Боков отходит от правды жизни, опережая их естественное развитие, но это связано с авторской идеей, с его субъективным взглядом. В то же время в них присутствует дух времени, передана правда характеров, выражено общее настроение ингушского общества середины 50-х годов XX века.

В конце 60-х годов, имея за плечами определенный опыт литературного творчества, А. Боков приступает к созданию на ингушском языке художественного эпоса – романа-дилогии «Сыновья Беки» (1967 – 1968), в котором показал широкую картину жизни ингушского народа на протяжении более двух десятилетий – конца XIX и начала XX веков [3]. Жизнь народа изображается писателем в непосредственной связи с общественно-политической жизнью России и всего северокавказского региона, которая, прямо или опосредованно, отражается на судьбах героев романа (главных и второстепенных) и жителей селения Сагопши, сопредельных с ним сел – Пседах и Кескем. Писатель в своем изображении не замыкается в узкие рамки ингушской действительности, опираясь на факты и события истории, показывает жизнь казачьих станиц, взаимоотношения между ингушами и казаками, которые не всегда были ровными и безоблачными, но в условиях противостояния двух политических систем – царизма и большевиков, они приобретают качественно новое содержание. Перед читателями предстает жизнь рабочих России, быт солдат на русско-турецкой границе, картина острого столкновения идей двух лагерей на Моздокском горско-казачьем съезде. Многие из этих событий даются сквозь призму восприятия сыновей Беки. В целом же сюжетная канва романа строится на изображении истории жизни семьи Беки, которая дана в неразрывной связи с судьбой своих односельчан. С особой силой звучит в романе тема интернационализма, реализуемая через взаимоотношения Хасана, Мити, Исмаила, Фрола, Амайга, Егора и других. Писатель проводит мысль о необходимости единения людей разных национальностей, тем более, что их объединяют общие исторические судьбы, микроклимат, в котором они живут. Каждый из героев романа ищет свое место в интенсивно меняющемся мире.

Логическим продолжением эпопеи «Сыновья Беки» А. Бокова стала дилогия «Багровые зори» (1971 – 1987), в котором изображается «жизнь частного человека в его многообразных связях с обществом» [4, с. 228]. В основе конфликта – борьба нового со старым, утверждение идей коллективной жизнедеятельности в условиях новой социалистической действительности. В сюжетной ткани произведения много драматических коллизий, отражающие изменения в жизненном укладе, мироощущении крестьян, показывающие процесс преодоления ими частно-собственнической психологии. Впоследствии А. Боков раздвигает пространственно-временные границы романа «Багровые зори», написав вторую часть – «Свинцовый дождь», основной пафос которой – защита Родины. С убедительной точностью изображает писатель общую атмосферу жизни ингушского села в годы Великой Отечественной войны. Автором созданы яркие, запоминающиеся образы героев, которые строятся на принципе антитезы – положительные и отрицательные. К первой группе принадлежат председатель колхоза Хамид, который ни днем, ни ночью, не зная покоя, все свои силы отдает делу создания колхоза; его единомышленники Умат-Гирей, в прошлом – красный партизан. В одном ряду с ними и представители молодого поколения – Мурад, Мусса, Мовли, Курейш, которые, ведомые большевиками, строят иные, отличные от прежних, социальные отношения на селе, в основе которых – идея равенства и братства. С особой любовью и проникновенностью изображены женские характеры – Залихан, Дуги, Тоиты, Хади. Вместе с тем в романе присутствуют и полярные силы: Заурбек, Тимирсултан, Джабраил. Это глубоко трагические фигуры, которые символизируют судьбы миллионов, оказавшихся в жерновах ошибочной политики революционных преобразований на селе.

В повести «Старый дом», посвященной теме мужества и героизма, нравственной силе человека на войне и в тылу врага, рефреном звучит мысль о том, что память о тех, кто погиб, защищая родную землю, будет жить в народе вечно. В дальнейшем писатель обращается к современной тематике и пишет роман «Юрский горизонт» (1978), который посвятил нефтяникам республики, людям, для которых профессия стала поистине смыслом всей их жизни. Основу романа составляют люди, характеры которых проявляются при освоении сверхглубоких нефтяных пластов старых месторождений. В поисках «черного золота» они, с непременными судьбами и характерами, проходят испытание на прочность их нравственных принципов.

Нелегкие трудовые будни ингушского села 60 – 70-х годов XX века стали содержанием романа «Разорванный круг» (1984) А. Бокова, центральной в котором выступает проблема смысла и назначения человеческой личности. Образом своего главного героя Рашида писатель утверждает мысль о том, что каждый человек должен ориентировать себя на решение общественно-значимых проблем, ибо он – двигатель социального прогресса и ему принадлежит созидательное начало в жизни.

Произведением, «ставшим для почитателей таланта прозаика настоящим откровением» [5, с. 119], явился роман «Узкие ворота» (1991), в котором «нашла художественное осмысление высшая форма человеческой трагедии, связанная с потерей родины и угрозой насильственной смерти родного народа» [5, с. 121].

Последним художественным исследованием А. Бокова стал его роман «Судьба» (2003), в котором автор повествует о том, как во второй половине XIX века многие северокавказские народы, поддавшись пропаганде царских властей, в поисках лучшей доли переселились в Турцию.

Таким образом, история и современность составляют основное содержание творческого наследия А. Бокова, который образной системой своих произведений утверждает идею неисчерпаемости духовно-нравственного и физического потенциала родного народа.

Библиографический список

1. Дахильгов И.А. В творческом поиске. *Грозненский рабочий*. 1974.
2. Туркаев Х.В. *В семье братских литератур*. Грозный, 1989.
3. Гальперин Ю. Рецензия на роман «Сыновья Беки». *Дружба народов*. 1970; 7..
4. Фесенко Э.Я. *Теория литературы*. Москва: Едиториал УРСС, 2005.
5. Мартазанова Х.М. Трагедия личности и народа (по роману Ахмеда Бокова «Узкие ворота»). *Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее*: материалы Международной научной конференции. Элиста, 2009.

References

1. Dakhil'gov I.A. V tvorcheskoy poiske. *Groznen'skiy rabochiy*. 1974.

2. Turkaev H.V. *V sem'e bratskih literatur*. Groznyj, 1989.
3. Gal'perin Yu. Recenziya na roman «Synov'ya Beki». *Druzhba narodov*. 1970; 7..
4. Fesenko E.Ya. *Teoriya literatury*. Moskva: Editorial URSS, 2005.
5. Martazanova H.M. Tragediya lichnosti i naroda (po romanu Ahmeda Bokova «Uzkie vorota»). *Edinaya Kalmykiya v edinoj Rossii: cherez veka v budushee*: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Elista, 2009.

Статья поступила в редакцию 01.08.15

УДК 821.161.1

Makhmudov M.O., postgraduate, Department of the Dagestan languages, DGU (Makhachkala, Russia),
E-mail: uzlipat066@mail.ru

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ZOONYMS EXPRESSING QUALITATIVE ASSESSMENT OF A PERSON IN DARGIN AND ENGLISH. In this article the author classifies zoonymic phraseological units, which displays both universal and idioethnic ideas in different ways of conceptualizing the objective world through phraseological units with names of animals in Dargin and English. The article notes that the use of animal names for people's characteristics is explained by extra-linguistic causes. Living creatures, animals like other people have their own habits, each of them characterized by a particular type of behavior and lifestyle. In this regard, the words that name animals are actively used for representation of people and their features and their character. The analysis of the literature review concludes that phraseological units carry a "seal" of the national identity, due to the specifics of a given language, ethnic, historical, religious and other factors. Specific life socio-historical, and everyday experience of the Dargin and English people left its signs in idioms and defines their national identity.

Key words: phraseological unit, zoonym, Dargin language, English language, national identity.

M.O. Махмудов, аспирант каф. дагестанских языков ДГУ, E-mail: uzlipat066@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ ЗООНИМОМ, ВЫРАЖАЮЩИЕ КАЧЕСТВЕННУЮ ОЦЕНКУ ЛИЦА В ДАРГИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье проводится классификация зоонимических фразеологических единиц, которая отображает как универсальное, так и идиоэтническое в способах концептуализации объективного мира зоонимическими фразеологическими единицами даргинского и английского языков. На основе анализа литературы делается вывод о том, что фразеологическая единица несет печать национального своеобразия, обусловленную особенностями данного языка, этническими, историческими, религиозными и другими факторами. Конкретный жизненный общественно-исторический, житейский и бытовой опыт и даргинцев и англичан наложил свой отпечаток на фразеологические единицы, определил их национальную специфику.

Ключевые слова: фразеологическая единица, зоонимический, даргинский язык, английский язык, национальное своеобразие.

На своём длительном пути развития язык видоизменяется и обогащается не только за счет образования новых слов, но и за счет пополнения его новыми фразеологизмами, паремиями, источником которых является как народная речь, так художественная – цитаты и афоризмы поэтов и писателей. Для того чтобы обобщить событие, явление окружающего мира, чтобы эмоционально выразить свою мысль, усилить образность люди употребляют в своей речи фразеологические обороты или паремии [1].

Фразеологические единицы (ФЕ) даргинского и английского языков составляют значительную часть лексики обоих языков. А.В. Кунин определяет фразеологическую единицу как устойчивое сочетание лексем с полным или частично переосмысленным значением [2].

Исследователь даргинской фразеологии М.Ш.А. Исаев пишет: «Во внутренней форме даргинских идиом зафиксированы антропометрически созданные образцы некоторых ситуаций, обусловленные этнокультурным мировидением древнего горца, исторические факты, народные традиции и обычаи, религиозные верования. Каждое такое сравнение выработано в результате многовекового опыта народа и представляет запас таких образов, которые известны каждому члену данного языкового коллектива и передаются по традиции от поколения к поколению» [3, с. 44].

Самобытность каждого языка отражают фразеологические единицы этого языка. Фразеологический состав связан со всеми видами человеческой деятельности. В связи с этим он постоянно изменяется, пополняется и обогащается.

Использование названий животных для образной характеристики человека объясняется экстралингвистическими причинами. Из живых существ только животные подобно человеку обладают собственными поведенческими, каждому из них характерен особый тип поведения и образ жизни. В связи с этим слова, называющие животных, активно используются для образного представления облика человека и особенностей его характера.

Исследователь лезгинской фразеологии А.Г. Гюльмагомедов отмечает, что «сам факт наличия в любом языке ФЕ с названия-

ми животных в общелингвистическом плане представляет собой одно из универсальных явлений, как свидетельствуют древние наскальные изображения горного Дагестана, с незапамятных времен образы домашних и диких животных (в том числе собаки и осла) занимали важное место в представлении земледельцев» [4, с. 6].

Сопоставительный анализ ФЕ с компонентом зоонимом с качественной характеристикой лица в даргинском и английском языках показал следующие результаты:

1. Такое качество, как храбрость, в обоих языках ассоциируется с животными по-разному. К примеру, в даргинском языке про храброго человека говорят: *бецла хлуйзирад цла кайсу* «очень храбрый человек, который сумеет выйти победителем из любой ситуации» (букв. «из волчьего глаза огонь добывающий»); *кьаппанна ний дерхьибси* «чрезвычайно храбрый, обладающий огромной физической силой» (букв. «питавшийся молоком тигрицы»); англ. *(as) bold (или brave) as a lion* храбрый как лев; *beard the lion in his den* «напасть на врага в его собственном жилище; бесстрашно бросить вызов опасному».

2. Хитрость и коварство в даргинском и английском языках ассоциируется с образом лисы и змеи: дарг. *гурдаван г1амултар* букв. «хитрый как лиса», *гурдала дуран* «хитрый «словно лиса»; *ч1ич1а мез* «змеиные разговоры»; англ. *sly as a fox* «хитрый как лиса», *old fox* «старый лис»; *snake-headed* «коварный, с головой змеи».

3. Глупость выражается через таких животных как осел, курица, овца: дарг. *эмх1еван ахмах* букв. «глупый, как осел», «дурак», *эмх1елицад сек1ал х1ебала* букв. «как осел, ничего не знает», *эмх1ела бек1гъуна* букв. «как ослиная голова», «глупец, дурак»; *г1ярг1яла мех1ела вег1* «глупый» букв. «с куриными мозгами», *мех1ур мазаван х1ерик1ес* «смотреть как овца»; англ. *act (или play) the ass* «валить дурака, глупо себя вести», *as stupid as a dunkey* букв. «глуп как пробка (осел)»; *follow smb. like sheep* «слепо следовать за кем-л. как стадо баранов», *if one sheep leap o'er the dyke all the rest will follow* «последовать дурному примеру», «одна овца перепрыгнет через канаву, а за ней все», *as mad as a March hare* «дурной как мартовский заяц», *as mad as a wet hen* «как мокрая курица».

4. Упрямство ассоциируется в даргинском языке через образ быка: *унцаан кайзури* «стоит топчется на одном месте»; в английском упрямство выражается через образ осла: *stubborn as a mule* «упрямый как осел».

5. Такие качества человека как болтливость, хвастовство выражаются через образы птиц: петуха, сороки, попугая: дарг. *дагъала урк1и* «как петушиное сердце», *вякълякъиван п1яр-к1ес* «болтать без умолку, как сорока»; англ. *Brag(boast) about how cock* «хвастаться как петушок», *talk like a parrot* «болтать как попугай».

6. Ловкость, легкость ассоциируется в даргинском языке через образ козы, оленя: *гынтаван кункли* букв. «легкий, как лань», «ловкий, стройный», *гынталаван башрила рег1* «походка словно у лани», *гынталиван ахъиб* «словно лань» (быстро, стремительно), *къацаван серхурси* «проворный как козел»; англ. *light as a deer* «ловкий, как олень».

7. Трусость в обоих языках оценивается через образ зайца: дарг. *г1яраван руржуси* «дрожащий словно заяц»; англ. *(as) timid as a hare(lamb)* «трусый как заяц(ягненок)», *pigeon-hearted* «трусый, робкий».

8. Жадность выражается через образы разных животных (волк, кошка, гадюка, блоха): дарг. *бец1ван х1елукъуси* «нена сытный словно волк», *бухъмуйличи житаван* «словно кошка на курдюк»; англ. *to have the dead vipers in your pocket* «скупой» букв. «иметь мертвых гадюк в кармане», *skinned a flea, in order to hide something* «сдирать шкуру с блохи, чтобы что-то спрятать», *as greedy as a wolf (dog)* «прожорливый как волк (собака)».

9. Такое качество как выносливость, жизнеспособность англичане передают через образ кошки: *to have as many lives as a cat* «быть живучим как кошка, отличаться поразительной живучестью», *a cat with nine lives* «живучий человек», букв. «живуч как кошка»; в даргинском языке данный образ передается через образы змеи, собаки и образы насекомых: вши, мухи: *нурбиван ваади1ес* «заполнить мир» букв. «все больше и больше увеличиваться», *т1унт1раниван биц1ес* «заполнить все, быть везде-

сущими», *ч1ич1алаван х1ебубк1ан* «живуч как змея», *хялаван къулайбиуб* «как на собаке» букв. «быстро зажила».

10. Грязное, нетрезвое состояние передается в даргинском языке через образ собаки: *хяла ллезмиван* букв. «как собачий язык», «неаккуратный, слюнявый», *хялагъуна мух1ли* букв. «как собачий рот», *хяла куцван* «собачий вид». Здесь следует отметить, что негативная коннотация лексемы *хя* «собака», помимо прочего, вызвана в даргинском языке тем, что это животное в исламской культуре считается нечистым. Традиция негативного отношения к собаке мотивирована религиозными представлениями. Собаки в исламе рассматриваются как нечистые животные (которое может осквернить одежду, пищу и самого человека), контакты с которыми мусульманам запрещены. В английском языке данные состояния передаются через образы, совы, лисы, голубя: *drunk became as Fox* «ставший лисой», *with eyes like an owl* «с глазами как у совы», *pigeon-eyed* «пьяный» и т.д.

Приведенные примеры показывают, что один и тот же компонент зооним в фразеологических единицах обоих языков может иметь совершенно разные значения. Одно и то же животное может использоваться для разной характеристики лица. К примеру, образ кошки в даргинском языке используется и для обозначения жадности и для обозначения живучести; образ собаки употребляется и для обозначения живучести и для обозначения грязного, нетрезвого человека. В английском языке образ змеи характеризует жадного человека и коварного, хитрого человека; через образ осла передается образ упрямого человека, и образ глупого человека и т.д.

Таким образом, фразеологическая единица при всем общечеловеческом её содержании несёт в конкретном её употреблении печать национального своеобразия, обусловленную особенностями данного языка, этническими, историческими, религиозными и другими факторами. Конкретный жизненный общественно-исторический, житейский и бытовой опыт и даргинцев и англичан наложил свой отпечаток на фразеологические единицы, определил их национальную специфику. Оригинальный язык крылатых выражений подчёркивает лексическое богатство указанных языков.

Библиографический список

1. Гасанова У.У. *Лексический состав и словообразование хайдакского диалекта даргинского языка*. Махачкала, 2011.
2. Кунин А.В. *Курс фразеологии современного английского языка*. Москва, 2005.
3. Исаев М.-Ш.А. *Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка*. Махачкала, 1995.
4. Гюльмагомедов А.Г. *Фразеология лезгинского языка*. Махачкала, 1990.

References

1. Gasanova U.U. *Leksicheskij sostav i slovoobrazovanie hajdakskogo dialekta darginskogo yazyka*. Mahachkala, 2011.
2. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka*. Moskva, 2005.
3. Isaev M.-Sh.A. *Strukturnaya organizaciya i semantika frazeologicheskikh edinic darginskogo yazyka*. Mahachkala, 1995.
4. Gyl'magomedov A.G. *Frazeologiya lezginского yazyka*. Mahachkala, 1990.

Статья поступила в редакцию 01.08.15

УДК 808

Moskovkina E.A., Cand. of Sciences (Philology), senior researcher, Altai State Academy of Culture and Art (Barnaul, Russia),
E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF SPEECH CULTURE IN THE CONCEPTUAL BASE'S SYSTEM OF FEDERAL STATE STANDARD OF HIGHER EDUCATION. In the article the author makes an attempt to differentiate the methodological aspects of speech culture in accordance with the conceptual foundations of the modern state educational standard of higher education. The teaching of the course "Russian language and speech culture" proposes to focus on such socially important conceptual dominants as the technical aspect, the ethical aspect, personal aspect, cultural aspect and practical aspect. A combination of approaches to the study of speech from different points of view within the framework of the educational program will fully implement common cultural and professional competences, ensure the interdisciplinary interaction of core and non-core courses, help students to develop the skills of adaptive and creative approach to the study of the subject when they master academic disciplines.

Key words: culture of speech, educational standard, Russian language, competence, specialist, communication.

Е.А. Москвкина, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. ООНИР АГАКИ, г. Барнаул,
E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В СИСТЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ФГОС ВО

В статье предпринята попытка дифференцировать методологические аспекты культуры речи в соответствии с концептуальными основаниями современного государственного образовательного стандарта высшего образования. Преподавание курса «Русский язык и культура речи» предложено ориентировать на такие социально значимые концептуальные доминан-

ты, как технический аспект, этический аспект, личностный аспект, культурный аспект и практический аспект. Комбинация подходов к изучению культуры речи с разных точек зрения в рамках образовательной программы позволит в полной мере реализовать общекультурные и профессиональные компетенции, обеспечить междисциплинарное взаимодействие профильных и непрофильных курсов, выработать у студентов навыки разностороннего и творческого подхода к изучению предмета в ходе освоения учебных дисциплин.

Ключевые слова: культура речи, образовательный стандарт, русский язык, компетенция, специалист, коммуникация.

Культура речи как учебно-научная дисциплина выделилась из ряда лингвистических направлений сравнительно недавно и занимает собственную нишу в образовательном процессе высшей школы в основном в системе базовых дисциплин образовательного стандарта разных профилей. Словесности, риторике, стилистике, русскому языку и ряду других филологических направлений, с которыми онтологически взаимодействует культура речи как дисциплина относительно молодая, в разное время отводилась разная роль в образовательном стандарте, в том числе, в системе гуманитарных, естественнонаучных, технических специальностей. Необходимость и значимость культуры речи в процессе формирования профессионального мышления подтверждает факт многоаспектного участия культуры речи в ходе становления потенциального специалиста.

Культура речи как явление многоплановое изучает вопросы языковой этики и эстетики (Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев, В.В. Колесов, Н.И. Формановская и др. [1 – 10]) в контексте философской (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов [11 – 12]), культурологической (В.В. Воробьев, В.А. Маслова [13 – 14]), социо- и психологической (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.П. Журавлев [15 – 17]) проблематики. Задача современного специалиста-филолога – преподавателя курса «Русский язык и культура речи» – состоит в систематизации и распределении колоссального методического опыта данной дисциплины в соответствии с актуальными проблемами и запросами современного образования.

С целью реализации концептуальных оснований современного образовательного стандарта высшей школы, которые включают «возрастание социальной ответственности систем высшего образования в целом и коллектива каждого вуза за личностное развитие студентов, раскрытие их интеллектуального и духовно-нравственного потенциала», «возрастание междисциплинарности и трансдисциплинарности» системы образования в целом, «достижение сбалансированности между когнитивным (познавательным) освоением учебных дисциплин и овладением практическими навыками в сфере коммуникаций, творческого и критического анализа; существенное усиление креативной направленности образовательного процесса» [18, с. 9], необходимо определить и «наполнить» основные методологические аспекты культуры речи в рамках ФГОС, степень вариативности которых на сегодняшний день очевидна.

Технический аспект. Наличие связи языка и мышления – факт бесспорный. *«Мысль не выражается, а совершается в слове»*, – писал Л.С. Выготский, основоположник отечественной психолингвистики. Соответственно, качество речи как динамическое синтагматическое воплощение языковой системы во многом зависит от качества мышления. Примеры речевой инертности, обусловленной косностью мышления, в наши дни, к сожалению, – не редки.

Для будущих специалистов любого профиля язык является незаменимым инструментом профессиональной идентификации. Качество и техника речи остаются единственным наиболее убедительным способом демонстрации профессиональных знаний, средством выражения творческих мыслей, инструментом донесения и реализации оригинальных идей.

Этический аспект. К сожалению, социально-политические изменения в нашей стране постперестроечного времени, полностью не изжившие себя до сих пор, сформировали особый имидж преуспевающего человека. В эпоху экономических преобразований конца XX века зона социального лифта оказалась открытой, доступной для людей, не нашедших себя в профессиональной сфере. Поскольку целое поколение нуворишей обошлось без профессиональных навыков, престиж образования оказался открыто подорванным. Эта курьезная ситуация стала причиной небрежного отношения к русскому языку как инструменту социального и профессионального взаимодействия, элементу культуры, научной и педагогической дисциплины.

В настоящее время качество профессиональной среды радикально изменилось. Современный социум ориентирован на конкурентоспособного специалиста. Наряду с практическими навыками (способностями, задатками) соответствующего профиля

чрезвычайно востребованными являются культура, образование, воспитание. Высшее образование превращается в сложнейший социально-экономический сектор, престиж которого необычайно высок.

Культура речи во многом отвечает за деловую и профессиональную репутацию. Поскольку процесс формирования личности молодого человека, как правило, завершается в вузе, а имиджевый компонент является одним из основных мотивационных механизмов современной студенческой среды, ключевой аналогией в работе над речевой этикой может стать утверждение: речь – это одежда мыслей.

Личностный аспект. Культура речи – мощный характеризующий механизм. Слово, по мысли Н.А. Некрасова, несет в себе *«глубокий отпечаток индивидуальности»*. Речь отражает личный опыт и образование говорящего (речь компетентно человека всегда отлажена, конструктивна, содержательна), а также его внутреннее состояние (степень уверенности в себе, сиюминутные переживания, эмоции, стрессы). Важно включить языковой фактор в зону формирования личностных амбиций, самоуважения студентов. Речь свидетельствует не только об эмоциональном состоянии говорящего, но и его профессиональной компетенции, становится частью имиджа говорящего.

Очень устойчивы в студенческой среде демотивационные элементы коллективной (массовой) психологии (психологии толпы): к чему мне какие-то лингвистические тонкости, когда все говорят неправильно? Ведущую роль в этом конфликте призвано сыграть самосознание студента как личности: *«все – это не Я, говорить грамотно, красиво, выразительно – не значит говорить, как все, хорошая литература – не значит популярная литература (то же можно сказать о музыке, искусстве, образовании). Личность не может полноценно реализоваться в социальной изоляции. Как полагает Монтень, «Слово принадлежит наполовину тому, кто говорит, наполовину тому, кто слушает»*, а значит эффективно «обслуживает» все направления социальных контактов – перцептивный, коммуникативный, интерактивный.

Культурный аспект. Современный низкий уровень культуры речи в национально-историческом контексте обусловлен спецификой постмодернистской культуры XX–XXI вв., в особенности проблемами массовой культуры: некачественная продукция массмедиа, распространение низкопробной литературы, политическое нивелирование национального фактора и языка в том числе: продолжение послереволюционной тенденции вытеснения словесности, риторики из образовательных программ средней школы и вузов, сокращение количества часов, отводимых на филологические дисциплины в рамках нескольких последних реформ образования, альтернативный подход к изучению русской классической литературы (например, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина изучается в средней школе факультативно).

Несмотря на сложнейшее положение, в котором оказался русский язык в современной культуре, воспитательная парадигма образования обязывает преподавателя вузов апеллировать к национальному самосознанию студентов. Понятие *«нация»* опирается на три «кита»: территория, культура, язык. Соответственно, конструирование профессионального мышления в совокупности с формированием образа патриота возможно средствами пропаганды языковой культуры.

Практический аспект. Чтобы подчеркнуть значимость культуры речи непосредственно в профессиональной сфере, целесообразным представляется моделирование деловых ситуаций, требующих искусства речевой выразительности, убедительности, содержательности, ораторского мастерства, на семинарских занятиях. Студентам предлагается принять участие в деловых играх, тренингах, презентациях. Деловые переговоры (например, объединение нескольких предприятий под одним брендом, заключение договора о поставках на взаимовыгодных условиях, договор между производителем продукции и сетью магазинов) требуют от студентов таких навыков, как тактика ведения спора, презентабельность, применение приемов деловых переговоров, разработанных специалистами, умение использовать в речи профессиональные знания: четко и корректно излагать мысль,

представлять собственную точку зрения, мотивировать решения. Речь в данной ситуации становится способом убеждения, демонстрации профессиональной состоятельности, отстаивания выгодной позиции. Деловая игра «совещание» знакомит студентов с техникой документирования (протоколирования), способствует отработке навыков выступления перед аудиторией, формулирования и аргументирования собственной точки зрения. Такие деловые игры как проведение пресс-конференций, интервью, брифингов знакомят с особенностями речевого поведения в нестандартной ситуации, отрабатывают тактику речевой реакции (ответы на некорректные вопросы), оттачивают навыки лаконичного и максимально содержательного выражения мысли. Деловая игра «выступление перед неизвестной аудиторией на произвольную тему» помогает студенту научиться грамотно апеллировать к различным видам красноречия (социально-политическое, бытовое, научное, богословское), учитывать качественный и количественный состав аудитории, пользоваться техническими приемами и эффектами, позволяющими контролировать реакцию аудитории и реализовать коммуникативную задачу (качественно информировать, убедить, вдохновить, воодушевить, призвать, развлечь и т. п.). С навыками официально-деловой письменной речи знакомят такие задания, как издание приказа, написание коммерческого письма (рекламация, оферта), создание и презентация рекламного текста, написание и презентация резю-

ме. Студентам предлагается также игра со стилями – базовым элементом культуры речи: отрабатывается техника создания текстов в рамках разных стилистических разновидностей: научной, публицистической, разговорной, официально-деловой, художественной (эссе).

Итак, как видим, роль культуры речи в системе концептуальных оснований ФГОС весьма существенна. Речь представляет концептуальную основу всех гуманитарных дисциплин, во многом определяет культурный статус человека, является релевантной личностной составляющей. Поэтому для специалиста, озабоченного созданием собственного профессионального имиджа, пренебрежение областью речевой культуры, по меньшей мере, непростительно.

Поскольку методологический аппарат культуры речи как научной дисциплины в рамках нового ФГОС находится на стадии становления, целесообразной представляется дифференциация методов освоения данного курса в соответствии с задачами разных содержательных аспектов, которые вынуждены, с одной стороны, реагировать на «вызовы» времени, с другой – сохранять и культивировать лучшие традиции русской словесности. Очевидно, что этико-прагматическая универсальность культуры речи как учебной дисциплины полностью удовлетворяет требованиям важнейших общекультурных и профессиональных компетенций и требует детализации теоретико-методологических решений её реализации.

Библиографический список

1. Граудина Л.К. *Вопросы нормализации русской речи: Грамматика и варианты*. Москва: Наука, 1980.
2. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. *Культура русской речи и эффективность общения*. Москва: Наука, 1996.
3. Костомаров В.Г. *Языковой вкус эпохи*. Москва: Златоуст, 1999.
4. Гольдин В.Е. *Речь и этикет*. Москва: Просвещение, 1983.
5. Колесов В.В. *Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра*. Санкт-Петербург: Юна, 1998.
6. Формановская Н.И. *Речевой этикет и культура общения*. Москва: Высшая школа, 1989.
7. Лотман Ю.М. Устная речь в историко-культурной перспективе. *Избранные статьи*. Таллинн: Александра, 1992; Т. 1.
8. Бельчиков Ю.А. *Стилистика и культура речи*. Москва: УРАО, 2000.
9. Виноградов В.В. О культуре русской речи. *Русистика сегодня*. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. РАН. 1994; 3.
10. Винокур Т.Г. *Культура языка*. Москва: Лабиринт, 2006.
11. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры, 1998.
12. Степанов Ю.С. *К современной философии языка*. Москва: Языки русской культуры, 1998.
13. Воробьев В.В. *Лингвокультурология (теория и методы)*. Москва: РУДН, 1997.
14. Маслова В.А. *Когнитивная лингвистика*. Москва: ТетраСистемс, 2008.
15. Выготский Л.С. *Мышление и речь*. Москва: Лабиринт, 1999.
16. Леонтьев А.А. *Основы психолингвистики*. Москва: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008.
17. Журавлев А.П. *Фонетическое значение*. Ленинград: ЛГУ, 1974.
18. *Проектирование основных образовательных программ, реализующих федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования*. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2009.

References

1. Graudina L.K. *Voprosy normalizacii russkoj rechi: Grammatika i varianty*. Moskva: Nauka, 1980.
2. Graudina L.K., Shiryayev E.N. *Kul'tura russkoj rechi i 'effektivnost' obscheniya*. Moskva: Nauka, 1996.
3. Kostomarov V.G. *Yazykovoj vkus 'epohi*. Moskva: Zlatoust, 1999.
4. Gol'din V.E. *Rech' i 'etiket*. Moskva: Prosveschenie, 1983.
5. Kolesov V.V. *Russkaya rech'. Vchera. Segodnya. Zavtra*. Sankt-Peterburg: Yuna, 1998.
6. Formanovskaya N.I. *Rechevoj 'etiket i kul'tura obscheniya*. Moskva: Vysshaya shkola, 1989.
7. Lotman Yu.M. Ustnaya rech' v istoriko-kul'turnoj perspektive. *Izbrannye stat'i*. Tallinn: Aleksandra, 1992; T. 1.
8. Bel'chikov Yu.A. *Stilistika i kul'tura rechi*. Moskva: URAO, 2000.
9. Vinogradov V.V. O kul'ture russkoj rechi. *Rusistika segodnya. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. RAN. 1994; 3.
10. Vinokur T.G. *Kul'tura yazyka*. Moskva: Labirint, 2006.
11. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1998.
12. Stepanov Yu.S. *K sovremennoj filosofii yazyka*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1998.
13. Vorob'ev V.V. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody)*. Moskva: RUDN, 1997.
14. Maslova V.A. *Kognitivnaya lingvistika*. Moskva: TetraSistems, 2008.
15. Vygotskij L.S. *Myshlenie i rech'*. Moskva: Labirint, 1999.
16. Leont'ev A.A. *Osnovy psiholingvistiki*. Moskva: Smysl; Izdatel'skij centr «Akademiya», 2008.
17. Zhuravlev A.P. *Foneticheskoe znachenie*. Leningrad: LGU, 1974.
18. *Proektirovanie osnovnykh obrazovatel'nykh programm, realizuyuschih federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty vysshego professional'nogo obrazovaniya*. Moskva: Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, Koordinatsionnyj sovet uchebno-metodicheskikh ob'edinenij i nauchno-metodicheskikh sovetov vysshej shkoly, 2009.

Статья поступила в редакцию 18.07.15

УДК 81.38

Smolina A.N., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia),
E-mail: angelic2009@mail.ru

THE SPIRITUAL LETTERS OF HEGUMEN NIKON (VOROBIEV): TROPEIC FEATURES. In this work we analyze writings of hegumen Nikon (Vorobiev) from the position of stylistics. The article deals with the functions of the figurative language. The work indicates features of the individual writing style. In the focus the author has such phenomena as allegory, metaphor and simile. The author seeks to show the features of functioning of these tropes in the epistolary works of spiritual literature. The main functions of

tropes are the creation of figurativeness and psychologism; edification, formation of text. Allegory, metaphor and simile in spiritual letters express the spiritual and moral meanings. This is proved by examples from the texts. Nikon (Vorobiev) uses metaphor, allegory, simile to reach important spiritual goals. Hegumen leads spiritual children to the path of virtue. Analogies help to strengthen the effectiveness of edifications. By the contents the studied figurative means express the Christian relationship to the world.

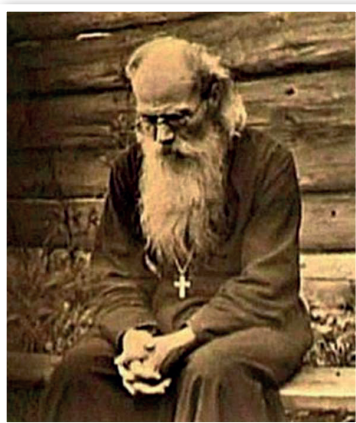
Key words: hegumen Nikon (Vorobiev), spiritual letter, spiritual literature, stylistics, theolinguistics, religious language, trope, allegory, metaphor, comparison, image publican.

А.Н. Смолина, канд. филол. наук, доц. Сибирского федерального университета, г. Красноярск,
E-mail: angelic2009@mail.ru

ДУХОВНЫЕ ПИСЬМА ИГУМЕНА НИКОНА (ВОРОБЬЕВА): ОСОБЕННОСТИ ТРОПЕИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В работе с позиций стилистики анализируется творческое наследие игумена Никона (Воробьева). Рассматриваются вопросы, связанные с функционированием выразительных средств языка; указываются черты индивидуального авторского стиля. В центре внимания – аллегория, метафора, сравнение. Автор стремится показать особенности функционирования этих тропов в эпистолярных произведениях духовной словесности. Основные выявленные функции – изобразительная, дидактическая, текстообразующая, психологическая. С помощью иллюстраций из текстов показывается, что в духовных письмах аллегория, метафора и сравнение становятся способом выражения духовного и нравственного смыслов. Как наиболее важная цель использования тропов в письмах игумена Никона рассматривается цель, которая состоит в усилении действенности наставлений и советов, направленных на духовное совершенствование адресата, указание путей праведной жизни, стяжание добродетелей. Примеры из писем призваны убедить в том, что по содержанию тропы в творчестве Никона (Воробьева) выражают христианское отношение к миру.

Ключевые слова: игумен Никон (Воробьев), духовное письмо, духовная словесность, стилистика, теолингвистика, религиозный язык, троп, аллегория, метафора, сравнение, образ мытаря.

Труды многих современных российских филологов посвящены изучению жанров духовной словесности. О жанре поучений пишут Д.В. Абашева [1] и Л.Н. Капуцына [2]. Богослужебные жанры подробно рассматриваются в работах Ф.Б. Любодовского [3]. Жанр православной молитвы представлен в диссертациях О.А. Прохвятиловой [4] и Е.А. Овечкиной [5]. Большое количество диссертационных работ посвящено жанру христианской проповеди: исследование И.А. Крыловой [6], М.Б. Расторгуевой [7], О.А. Прохвятиловой [4] и других авторов (написано более двадцати диссертаций). Также в последнее время всесторонне изучается жанр жития. Это работы В.К. Васильева [8], М.Е. Башлыковой [9] и других ученых. Русское эпистолярное духовное наследие детально и глубоко изучается В.В. Кашириной [10, 11, 12], Т.Л. Ворониным [13]. Истории развития духовной словесности уделяет внимание А.А. Волков [14]. В «Курсе русской риторики» А.А. Волков пишет: «Духовная словесность складывается в первые пять веков христианской эры в следующих основных видах произведений слова, различающихся функционально (то есть по назначению и характеру использования) и стилистически» [14, с. 47]. Далее автор говорит о том, что к духовной словесности относятся Священное Писание, литургическая, экзегетическая, гомилетическая, эпистолярная, апологетическая, учительная, историко-церковная, богословская и каноническая виды словесности [14, с. 48 – 49]. А.А. Волков отмечает: «Каждый вид духовной словесности характеризуется довольно строгой содержательной и стилистической преемственностью произведений. Именно преемственность стиля духовной словесности, непрерывно развивающегося в течение двух тысячелетий христианства, позволяет строить филологическую классификацию произведений слова». [14, с. 49]. Автор также указывает на недостаточную разработанность исторической стилистики духовной словесности при всем обилии исследований [14, с. 49].

Мы сосредоточим внимание на эпистолярных произведениях духовной словесности, а именно на духовном письме, поскольку, на наш взгляд, письмо, будучи документальным произведением, наилучшим образом может отразить религиозность и христианское мировоззрение автора. Здесь следует сказать, что

наше исследование в целом проводится в русле теолингвистики, это «формирующаяся в наши дни на стыке теологии (богословия), религиозной антропологии и лингвистики новая синтетическая теолого-лингвистическая дисциплина <...>, направленная на изучение взаимосвязи (интеракции) языка и религии» [15]. Ведущими современными российскими исследователями в данной области – В.И. Постоваловой, А.К. Гадомским [16], В.А. Степаненко [17] – представлена теолингвистическая теория, сделан обзор зарубежной литературы по теолингвистике и намечены перспективы исследований. А.К. Гадомский, в частности, отмечает, что сейчас существуют различные подходы в изучении религиозного языка, среди прочих указывая и стилистический [16, с. 364], в рамках которого мы проводили исследование. Стилистический подход в изучении религиозных текстов предполагает обращение к таким вопросам, как изучение проявлений религии, закрепившихся в языке разных функциональных стилей, описание жанров духовной словесности. Важны и вопросы, связанные с особым типом отношений «автор – адресат», способами передачи идейного содержания, ролью церковнославянского языка и его взаимодействием с современным русским языком, функционированием языковых средств.

В нашей работе рассматривается функционирование тропов в жанре духовного письма на материале эпистолярного наследия игумена Никона (Воробьева). Как отмечалось ранее, жанр духовного письма представлен в работах В.В. Кашириной и Т.Л. Ворониной. В.В. Каширина в диссертации «Литературное наследие Оптиной Пустыни» отмечает основные особенности эпистолярного жанра в древнерусской литературе, выделяет значимые признаки духовного письма. К важной особенности духовной переписки В.В. Каширина относит обращенность наставника к ученику с целью поучения, совета, наставления. К тематической особенности – «указание пути к христианскому спасению и совершенствованию» [10, с. 16]. Также характерной чертой оптинского эпистолярного исследования считает ««единый дух» писем всех оптинских старцев, основанный на Священном Писании и учениях святых Отцов [10, с. 17]. В.В. Каширина говорит и о том, что «переписка со своими учениками воспринималась оптинскими старцами как часть пастырского служения» [10, с. 17]. Чертой русской литературы, в частности, духовных писем называется «обращение к духовной жизни человека, тонкий психологизм в исследовании человеческой души» [10, с. 17]. Отдельные аспекты изучения жанра духовного письма затронуты в статьях В.В. Кашириной [11; 12]. В статье «Духовное письмо как жанр (на примере оптинского эпистолярия)» наряду с другими развивается мысль о том, что духовное письмо сохраняет традиции древнерусской литературы и взаимодействует с новой литературной традицией. Автор пишет: «Жанр духовного письма, о котором мало упоминается в учебниках литературы, продолжал бытовать и развиваться на протяжении всего XIX в.

Об уникальности этого жанра свидетельствует то, что, с одной стороны, письмо сохраняло традиции древнерусской литературы, с другой – активно взаимодействовало с современной литературной традицией» [11]. В статье «Церковнославянизмы в письмах преподобного оптинского старца Льва (Наголкина)...» говорится о роли церковнославянизмов в произведениях духовных лиц. Также указывается на причины их использования: «<...> в письмах много церковнославянизмов. Это объясняется тем, что старец был начитан в святоотеческих творениях и часто переписывал труды учителей Церкви [12, с. 61]. Т.Л. Воронин в статье «Художественные особенности эпистолярного наследия святителя Феофана Затворника» говорит о целях духовной литературы и задачах духовного писателя: «<...> главная цель духовной литературы – вести человека в царство Духа. <...> Духовный писатель должен не просто учительствовать и рассуждать – перед ним стоит сложнейшая художественная задача: выразить свои духовные созерцания <...> Он должен найти слово, стилистическую фигуру, интонацию, звуковое сочетание, которые выразили бы «невыразимое» <...> В этом заключается глубинный смысл художественности духовной литературы» [13, с. 9]. Далее автор, анализируя творчество Феофана Затворника, пишет: «Феофан <...>, конечно, писатель духовный, так как главной целью своего творчества полагал указания читателю «пути спасения» [13, с. 10]. В центре внимания автора – такие черты стиля писем Феофана Затворника, как разговорные элементы, юмор, особенности метафор и сравнений. Прослеживается в статье и связь с православными традициями: « В этом серьезном лиризме святителя мы слышим голос многовековой церковной культуры, этот лиризм дышит стройной гармонией православного богослужения <...>» [13, с. 19]. Нами в статье, посвященной творчеству святителя Феофана Затворника (Смолина А.Н. «Духовные письма Феофана Затворника: лингвостилистический аспект»), были проанализированы письма святителя с позиций стилистики и наряду с индивидуальными чертами авторского стиля отмечены основные жанровые особенности духовных писем. Поскольку в настоящем исследовании мы обращаемся к роли тропов в элокутивной организации духовных писем, то для нас важным видится развитие мыслей предыдущей статьи о стилистической значимости метафор и сравнений в жанре духовного письма [18, с. 274].

Объектом нашего исследования стал корпус духовных писем игумена Никона (Воробьева), предметом – тропеическая организация писем. Сегодня, на наш взгляд, существует необходимость осмысления и всестороннего описания русского духовного наследия и, в частности, эпистолярного. Особенно, по нашему мнению, нуждаются во внимании тексты произведений русского духовенства. В современной филологической науке проблема специфичности духовной словесности только начинает изучаться и решаться, и обращение лингвистов, литературоведов, культурологов к письмам, поучениям, проповедям и другим произведениям представителей русского духовенства разных веков с научной точки зрения представляется весьма значимым. Новизна и актуальность работы по изучению тропеической организации духовных писем определяется, прежде всего, обращением к русской духовной традиции, к культурно значимому, но неизученному материалу – наследию священнослужителя Русской Православной Церкви, духовного писателя XX века игумена Никона (Воробьева). Отметим и новизну теолингвистического подхода. В работе мы стремились показать взаимосвязь языка и религии, отражение истинного христианского образа жизни и православного мировоззрения в творчестве. Здесь также важно сказать, что, несмотря на появление сегодня исследований по жанру духовного письма [10; 11; 12; 13], стилистические (а также и риторические) особенности этого типа текста остаются недостаточно изученными. Актуальность работы связана (помимо уже сказанного выше) с необходимостью изучения и лингвистического описания текстов русской духовной словесности, анализа их стилистических особенностей, значимостью исследования русского эпистолярного дискурса. Актуальность обусловлена и важностью развития современной теории элокуции. Однако, на наш взгляд, более всего актуальным исследование делает то, что в настоящее время в полной мере начинает осознаваться роль православия в формировании и развитии русской словесности и культуры в целом.

Тропеическая организация духовных писем игумена Никона обусловлена православным характером творчества автора. Изучение писем показывает, что одна из особенностей идиостиля игумена Никона – теоцентризм, противопоставленный антропоцентризму. Здесь надо сказать, что стремление авторов

к целостности миропонимания, основанного на теоцентризме, наблюдается в различных жанрах духовной словесности. Именно теоцентризм является, с одной стороны, определяющим началом формирования стиля и жанров духовной словесности, с другой стороны – индивидуальных авторских стилей представителей русского духовенства. Теоцентризм становится и объединяющим все духовные тексты, и одновременно формирующим авторское языковое воплощение духовных, нравственных, аллегорических смыслов. Так, метафоры, аллегории, сравнения в произведениях духовной словесности зачастую связаны с Богом, Евангельскими Заповедями или Евангельскими событиями. В письмах игумена Никона чаще мы встречаем аллегории, обращаящие нас к Богу: «*Однако, по крайнему милосердию своему, Господь призывает нас в последний период жизни поработать в его винограднике терпением старости, болезней, потерей близких или их страданиями*» (Письмо иеросхимонаху Мелетию). Здесь отметим, что в понимании аллегории мы следуем за Г.Г. Хазагеровым: «**АЛЛЕГОРИЯ, иносказание, иноречие, инословие** <...> – троп, основанный на иносказательном толковании конкретного образа: *дерево* как А. жизни или развития (*древо жизни, генеалогическое древо*). А. возникает на базе метафор и / или метонимий, закрепленных в культурной памяти того или иного этноса, и сама, в свою очередь, тяготеет к развертыванию» [19, с. 252]. Духовные письма всегда содержат в себе советы, поучения, направляющие на праведный жизненный путь, помогающие уйти от пороков, прийти к добродетелям. Основная цель использования тропов автором духовного письма – усиление действенности христианских наставлений, предостережений и советов, которые направлены на духовное совершенствование, на борьбу со страстями, на указание путей к праведности, стяжанию добродетелей, искоренению греха. Аллегорическая форма выражения смысла помогает автору речи больше действенности. Аллегорические образы, создающие цельную картину, приближают к лучшему пониманию глубинных нравственных и духовных смыслов, закладываемых автором. В одном из писем к студентам Московской духовно академии читаем: «*Идущий ко Господу деланием заповедей, хотя и падает дорогой, но, вставая, идет вперед – находится в числе воинов Христовых и венчается Им, хотя бы и много ран получил в этой духовной войне со своими страстями. Да вразумит тебя Господь, да укрепит веру твою, да сохранил от всякого зла*» (Письмо Владимиру). Аллегоричность языка писем игумена Никона, на наш взгляд, объясняется погруженностью в тексты Евангелий, трудов святых Отцов и молитв, насыщенных метафорами и аллегориями. Много в письмах игумена Никона таких аллегорий, которые мы можем назвать интертекстуальными, их источник, прежде всего, – Евангелие.

Устремленность игумена Никона к сфере Духа, постоянные размышления о Боге, нахождение в молитвенном состоянии отражаются в речи в целом. Речь игумена можно назвать молитвенной, настолько она пронизана словами молитв. В письме матушке Валентине читаем: «*Жалею, что Вы слабеете, хотя и все мы идем к тому же концу. Будем благодарить Господа за то, что Он избрал нас из мира сего, отделил от него, взял в Свой удел. Слава Тебе, Боже, слава Тебе, Боже, слава Тебе Боже! Господи, пробави милость Твою до конца! – Отдели и по смерти нас от врагов Твоих, хотя мы и недостойны этого, но по милосердию Твоему не отвергни нас от лица Твоего!*». Мы видим здесь хвалебную молитву «*Слава Тебе, Боже*» (славословие малое), строки из 35-го псалма «*пробави милость Твою*», строки из 50-го псалма «*не отвергни нас от лица Твоего*» (в псалме «Не отвержи мене от лица Твоего»). Изменение объясняется тем, что автор говорит не только о себе, но и о том, кому пишет. Строки из 35-го псалма входят в великое славословие (славословие – прославление Бога, высшая форма молитвы). 50-ый псалом входит в ежедневное утреннее молитвенное правило, совершаемое верующими.

Проявляется молитвенность, православное мировоззрение, «жизнь во Христе» и в авторских метафорах: «*Будь смиреннее и не высокомерствуй, не осуждай, не услаждайся ничем, особенно бесовскими похвалами – тогда не будет «несчастий», а иначе не вылезешь. Сей род бесовский изгоняется постом, молитвой и смирением. Без этой святой троицы добродетелей ничего не сделаешь*» (Письмо монахине Евпраксии). В письме студенту Московской духовной академии Владимиру игумен Никон пишет: «*Старайся всегда, гуляешь ли, или работаешь один или среди людей, хоть изредка, мысленно от всего сердца вздохнуть несколько раз Господу. Хоть один раз в*

час. Даже если что-нибудь не так делаешь, даже грешишь, надо еще усиленнее просить помощи и прощения у Господа. Читай духовные книги обязательно». Как советовал своим духовным ученикам, так жил и сам игумен. Жизнь в светлых образах, связанных с Богом и обращенными к Нему молитвами, с апостолами, со святыми, наполняет язык писем игумена словами и выражениями, воплощающими эти образы. В их создании участвует и метафора: «**Открывай свое сердце Господу <...>**» (Письмо монахине Марии (Комаровой) и её сестре Екатерине). Хотя встречаются, конечно же, в письмах и другие образы – противостоящих Богу, христианской жизни сил. Они также зачастую рисуются с помощью метафор: «**При внимании себе, при постоянной борьбе с грехом человеку станет видно, как глубоко он испорчен и как пронизано все существо человека гордостью**» (Письма студентам Московской духовной академии).

Значимым для понимания духовного и нравственного смыслов является **образ мытаря**, который становится также и элементом композиционной структуры текстов писем. Образ мытаря встречается в письмах к разным адресатам и является собой воплощение кающегося человека, осознающего всю глубину своей греховности, смиряющегося перед Богом и людьми, умаляющего себя. Можно сказать, что этот образ центральный и связующий все письма. Что касается его языкового воплощения, то скажем, что он часто встречается в реминисценциях и цитировании слов мытаря из Евангелия от Луки: «**Боже, милостив буди мне грешному**» (Лк. 18: 13). Приведем пример: «**Правильно идущий путем духовным начинает видеть в себе больше и больше грехов, пока, наконец, духовным зрением увидит себя всего во грехе, в проказе душевной, почувствует всем сердцем, что он – грязь и нечистота, что недостойн он призывать Имя Божие, и только, как мытарь, не смея возвестить очи горе, с болью сердечной взывает: Боже, милостив буди мне грешному**». Видим мы образ мытаря и в многочисленных сравнениях, к которым прибегает автор, желая донести до адресата духовное содержание своей речи: «**Значит, все мы, постоянно нарушающие заповеди, обязаны иметь настроение души, как у мытаря**» (Письма схимонахине Валентине). Важно сказать, что при создании образа мытаря чаще всего используется именно сравнение (сравнение рассматриваем как троп вслед за Г.Г. Хазагеровым: [19, с. 278]). Игумен Никон стремится показать, что у грешного человека должны быть такие мысли, такое состояние души, как и у кающегося мытаря. Образ мытаря очень важен для понимания духовного смысла всего наследия игумена Никона. В письмах своим духовным детям игумен учит их быть смиренными, осознавать свою греховность, не осуждать других, благодарить Бога за все, удаляться от гордыни, каяться в своих грехах, как это делал мытарь. Адресатами писем игумена Никона были верующие люди, знавшие хорошо Евангелие, и возникающий в текстах писем образ обращал их к притче Иисуса Христа о фарисее и мытаре (Лк. 18: 10 – 14), к покаянной молитве раскаивающегося и получающего прощение сборщика податей.

Ещё одним значимым евангельским образом в сравнениях игумена Никона становится разбойник, принявший казнь вместе с Иисусом Христом. В ответ на слова другого казнимого разбойника, он сказал: «**<...> мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал**» (Лк. 23: 41). А обращаясь ко Христу говорил: «**помяни меня, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое!**» (Лк. 23: 42). К образу благоразумного разбойника автор также прибегает для того, чтобы привести на путь добродетели, научить смирению, кротости, незлобию, покаянию: «**Но все дурное, все страсти, все бесовские козни, все скорби и страдания – все побеждается смирением. А проявляется смирение тем, что мы от всего сердца, как благоразумный разбойник, скажем Господу: «Достойное по делам нашим приняли, помяни нас, Господи, когда прийдешь в Царствие Твое»**» (Письмо монахине Марии).

Встречается в авторских сравнениях и образ блудного сына: «**Друг мой, одно прошу: никогда не отступай от Бога, как бы глубоко ни пал, как бы ни совершил и оскорбил (отчего да избавит тебя Господь) Господа, но, как блудный сын, проси у Него прощения и вновь и вновь понуждай себя жить по заповедям**» (Письма студентам Московской духовной академии). Образ блудного сына также имеет важное духовное значение, поскольку блудный сын – это раскаявшийся грешник. А игумен Никон всех своих духовных детей непрестанно призывал к покаянию, сокрушению о грехах и смирению. Призывая к смирению, остерегая от ропота, игумен Никон в сравнениях использует и отталкивающие образы: «**Как змеи ядовитой, нужно остерегаться ропота**» (Письмо монахине Марии (Комаровой) и её сестре Екатерине).

Изучение элокутивной организации духовных писем игумена Никона показывает, что основными тропическими средствами выражения духовного и нравственного смыслов становятся метафора, аллегория и сравнение. Помимо функции выражения смысла эти тропы выполняют ряд других значимых функций. А именно: композиционную, текстообразующую, изобразительную, выразительную, дидактическую, выделительную, психологическую. Преобладающим выразителем смыслов является аллегория. Можно сказать, что в тропической организации текстов писем аллегория играет главную роль. Именно аллегория становится тем смысловым ядром, вокруг которого строится поучение в большинстве писем. Метафора обычно играет вспомогательную роль, включаясь в аллегорический фрагмент текста, хотя может использоваться и самостоятельно. Сравнение – частотный и весьма сильный в функциональном отношении троп, особенно значима его роль в достижении изобразительности текста и поучительности. Однако воздействие аллегории обычно сильнее, прежде всего, по причинам того, что этот троп в письмах игумена Никона разворачивается зачастую в крупных отрезках текста (при этом становясь иногда самостоятельным текстом с законченным смыслом), включает в себя ряд метафор, выводит на понимание смыслов разных уровней: буквального, аллегорического, духовного, нравственного.

В завершение скажем, что аллегория, метафора и сравнение, будучи тропами, обращающими нас к аналогиям, взаимодействуют друг с другом при выполнении стилистических функций. В текстах писем игумена Никона такое взаимодействие мы наблюдаем в советах, наставлениях на путь добродетели, духовного и нравственного совершенствования: автор, придавая действительности своим речам, прибегает к этим тропам. Взаимодействие аллегории, метафоры и сравнения проявляется и в обращении с их участием к определенным образам, прежде всего, евангельским, а также образам, которые известны верующим по христианской литературе. К чертам индивидуального авторского стиля игумена Никона следует отнести аллегоричность и метафоричность повествования, обращенность аллегории, метафор и сравнений преимущественно к евангельским картинам, Богу, святым; при стремлении оградить адресата от греха мы видим обращенность проводимых аналогий к отталкивающим образам сил, противостоящих Богу, символам, их воплощающим. Важнейшая черта авторского стиля – обращение в аллегориях и сравнениях к образу мытаря, который для автора становится примером человеческого раскаяния и смирения. Также одной из основных черт авторского стиля становится молитвенность повествования: словесная ткань писем буквально пронизана цитатами и реминисценциями из молитв, в этих молитвенных речах мы видим в том числе и рассмотренные нами тропы.

Перспектива дальнейшего исследования видится нам в рассмотрении вопросов, связанных с элокутивной организацией писем игумена Никона в целом (включая синтаксические фигуры), функционированием церковнославянизмов, реминисценций и цитат, глубоким и детальным описанием жанра духовного письма и его рассмотрением в системе всех жанров духовной словесности.

Библиографический список

1. Абашева Д.В. Ценностный мир жанра поучений древней русской литературы. *Литература в школе*. 2014; 5: 2 – 4.
2. Капуцына Л.Н. Традиции жанра поучения в «Духовной моему сыну» В.Н. Татищева. *Историческая поэтика жанра*. 2011; Выпуск 4: 85 – 90.
3. Людоговский Ф.Б. Состав, структура и функционирование корпуса современных церковнославянских богослужебных текстов. Диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 2003.
4. Прохвятилова О.А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы. Диссертация ... доктора филологических наук. Волгоград, 2000.
5. Овечкина Е.А. Специфика просодической организации православной молитвы. Диссертация ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2011.

6. Крылова И.А. *Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2005.
7. Расторгуева М.Б. *Речевой жанр церковно-религиозной проповеди*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Воронеж, 2005.
8. Васильев В.К. *Сюжетная типология жанра жития в русской литературе XI-XVI веков*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Новосибирск, 2008.
9. Башлыкова М.Е. *Топика житий в Киево-Печерском патерике редакции 1661 г.* Диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 2008.
10. Каширина В.В. *Литературное наследие Оптиной Пустыни*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Москва, 2007.
11. Каширина В.В. Духовное письмо как жанр (на примере оптинского эпистолярного письма). *Духовный навигатор*. Available at: <http://navigator-knig.ru/duhovnoe-pismo-kak-zhanr-na-primere-optinskogo-epistolyariya/>
12. Каширина В.В. Церковнославянизмы в письмах преподобного оптинского старца Льва (Наголкина): характер употребления и типология. *Вестник Православного Свято-Тихоновского Богословского института*. 2003; 1: 60 – 64.
13. Воронин Т.Л. Художественные особенности эпистолярного наследия Феофана Затворника. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета III: Филология*. 2007; Выпуск 2: 7 – 19.
14. Волков А.А. *Курс русской риторики*. Москва: Издательский дом «Русская панорама»; Издательство «Кафедра», 2013.
15. Постовалова В.И. Теоллингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления. *Magister Dixit*. 2012; 34 (12). Available at: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/postovalova_v.i._2_.pdf
16. Гадомский А.К. Русская теоллингвистика: история, основные направления исследований. *Стил. Београд*. 2010; 9: 357 – 354.
17. Степаненко В.А. Теоллингвистика? – Да, теоллингвистика! *Вестник Иркутского государственного университета*. 2012; 2 (18): 221 – 226.
18. Смолина А.Н. Духовные письма Феофана Затворника: лингвостилистический аспект. *Мир науки, культуры, образования*. 2012; 5 (36): 271 – 275.
19. Хазатеров Г.Г. *Риторический словарь*. Москва: Флинта: Наука, 2009.

References

1. Abasheva D.V. Cennostnyy mir zhanra poucheniy drevney russkoj literatury. *Literatura v shkole*. 2014; 5: 2 – 4.
2. Карпусна Л.Н. Tradicii zhanra poucheniya v «Duhovnoj moemu synu» V.N. Tatischeva. *Istoricheskaya po`etika zhanra*. 2011; Vypusk 4: 85 – 90.
3. Lyudogovskij F.B. *Sostav, struktura i funkcionirovanie korpusa sovremennykh cerkovnoslavjanskikh bogoslužebnykh tekstov*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2003.
4. Prohvatilova O.A. *Rechevaya organizaciya zvuchaschej pravoslavnoj propovedi i molitvy*. Dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk. Volgograd, 2000.
5. Ovechkina E.A. *Specifika prosodicheskoy organizacii pravoslavnoj molitvy*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 2011.
6. Krylova I.A. *Sovremennaya pravoslavnaya propoved' v funkcional'no-stilisticheskom aspekte*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2005.
7. Rastorgueva M.B. *Rechevoj zhanr cerkovno-religioznoj propovedi*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Voronezh, 2005.
8. Vasil'ev V.K. *Syuzhetnaya tipologiya zhanra zhitija v russkoj literature XI-XVI vekov*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Novosibirsk, 2008.
9. Bashlykova M.E. *Topika zhitij v Kievno-Pecherskom paterike redakcii 1661 g.* Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2008.
10. Kashirina V.V. *Literaturnoe nasledie Optinoj Pustyni*. Avtoreferat dissertacii ... doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 2007.
11. Kashirina V.V. Duhovnoe pis'mo kak zhanr (na primere optinskogo `epistolyariya'). *Duhovnyj navigator*. Available at: <http://navigatorknig.ru/duhovnoe-pismo-kak-zhanr-na-primere-optinskogo-epistolyariya/>
12. Kashirina V.V. Cerkovnoslavjanyzm v pis'mah prepodobnogo optinskogo starca L'va (Nagol'kina): harakter upotrebleniya i tipologiya. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo Bogoslovskogo instituta*. 2003; 1: 60 – 64.
13. Voronin T.L. Hudozhestvennye osobennosti `epistolyarnogo naslediya Feofana Zatornika. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta III: Filologiya*. 2007; Vypusk 2: 7 – 19.
14. Volkov A.A. *Kurs russkoj ritoriki*. Moskva: Izdatel'skij dom «Russkaya panorama»; Izdatel'stvo «Kafedra», 2013.
15. Postovalova V.I. Teolingvistika v sovremenom humanitarnom poznanii: istoki, osnovnye idei i napravleniya. *Magister Dixit*. 2012; 34 (12). Available at: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/postovalova_v.i._2_.pdf
16. Gadomskij A.K. Russkaya teolingvistika: istoriya, osnovnye napravleniya issledovanij. *Stil. Beograd*. 2010; 9: 357 – 354.
17. Stepanenko V.A. Teolingvistika? – Da, teolingvistika! *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012; 2 (18): 221 – 226.
18. Smolina A.N. Duhovnye pis'ma Feofana Zatornika: lingvostilisticheskij aspekt. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2012; 5 (36): 271 – 275.
19. Hazatеров G.G. *Ritoricheskij slovar'*. Moskva: Flinta: Nauka, 2009.

Статья поступила в редакцию 02.08.15

УДК 101:1.316

Shishkin V.A., Cand. of Sciences (Philosophy), senior lecturer, Department of Pedagogy, Kuibyshev branch of Novosibirsk State Pedagogical University (Kuibyshev, Russia), E-mail: kpkfngpu@yandex.ru

WILL AND FREEDOM IN CREATIVE WORK OF A. S. PUSHKIN AND M. YU. LERMONTOV AS MENTAL VALUES. In the article the author presents will and freedom in creative work of A.S. Pushkin and of M.Yu. Lermontov as meaningful values of Russian mentality. The concepts of faith and freedom in Pushkin and Lermontov's works are the refrain of creativity. Pushkin and Lermontov understand freedom as a possibility for an individual to live and develop in accordance with internal beliefs, principles, regardless of external conditions and foreign interests, foreign intervention in private life. For Pushkin, the concept of freedom is clearly political in nature, freedom is an antidote to tyranny and violence and for the slaves, and the kings, in the exercise of civil freedom, filial duty, serving the motherland and its people. For Pushkin freedom and will are partly synonymous. In his understanding of will, it is the element that goes into an uncontrolled force. Lermontov understands what will in a different way. It is closer to how common people understand it. By Lermontov will is understood as being spontaneous, natural, not limited to any conventions and customs of human freedom, which gives life a unique sense of existence.

Key words: values, freedom, will, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, Russian mentality.

В.А. Шишкин, канд. филос. наук, доц. каф. педагогики Куйбышевского филиала ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Куйбышев Новосибирской области, E-mail: kpkfngpu@yandex.ru

ВОЛЯ И СВОБОДА В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК МЕНТАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

В данной статье рассматриваются ценности воля и свобода в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова как значимые ценности русского менталитета. Понятия воли и свободы у Пушкина и Лермонтова являются рефреном всего творчества. Для Пушкина и Лермонтова характерно понимание свободы, как возможности для личности жить и развиваться согласно

внутренним убеждениям, принципам, независимости от внешних условий и чужих интересов, вмешательства посторонних в личную жизнь. Для Пушкина понятие *свобода* имеет явно политическую природу. В его понимании воля – это стихия, которая переходит в неуправляемую силу. Другое понимание воли у Лермонтова, оно ближе народному пониманию. Воля понимается как стихийная, природная, не ограниченная никакими условностями и обычаями свобода человека, которая придаёт иной жизни единственный смысл существования.

Ключевые слова: ценности, воля, свобода, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, русский менталитет.

Для творчества А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова внутренне присуща свобода, и этой теме они уделяют большое внимание – свобода есть воздух для дыхания их поэзии и её философия. Свобода личности – одно из главных завоеваний человеческого общества, понимаемая как возможность реализации устремлений личности, её творческих, созидательных начал. Для поэтов она неотъемлемое условие творчества. Понятие свободы было подробно разработано просветителями-энциклопедистами XVIII века и усвоено народом Франции, а от них и последующим поколением во всей Европе. Большое внимание категории «свобода» в гражданском обществе и в истории развития человечества уделил Г. Гегель.

А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов почти непосредственно стояли на плечах гигантов Просвещения, хотя в России постарались отгородиться от Великой французской революции и Екатерина Великая, и её преемники. Общеизвестно, что Пушкин вообще был первым, кто сделал мощную прививку европейской культуры на русской почве. Но и он, и Лермонтов не ограничивались европейским понятием свободы, как дитяти общественного договора буржуа (бюргеров, мещан) о признании прав индивидов на имущество, личную свободу и свободу вероисповедания, – у них свобода всегда имеет сугубо российский оттенок, переплетена с понятием воли.

Свобода и **воля** не точные синонимы в русском языке, часто последняя подменяет собой европейскую свободу, но не сливается полностью в творчестве обоих поэтов. Оба они потому национальные гении, что *впервые* показывают *наиболее* *глубинные, сущностные черты русской души и природы в поэтических образах русского же языка*. В русском языке, богатом оенками, нюансами, можно выразить волю по-царски, по-барски, по-крестьянски, а можно и по-писательски. Но и последняя будет своей у каждого писателя, поэта. Современный английский историк Дж. Хоскинг в своем двухтомном исследовании «Россия и русские» специально остановился на объяснении русского понимания слова «воля», неведомого европейцам, как и понятие «у нас». Волю он толковал как свободу кочевников, а не граждан [1]. Англичанин, окончивший аспирантуру МГУ, не потрудился понять, что русские никогда не были кочевниками.

Понятия **воли** и **свободы** у Пушкина и Лермонтова являются рефреном всего творчества и фоном для остальных его сторон, в отличие от Ф.И. Тютчева, например, который, хотя и был их современником, но почти не затрагивал этой проблемы. То ли потому, что жил в условиях европейских свобод за границей, будучи дипломатом, то ли будучи верноподданным слугой трона и Отечества, то ли по обоим причинам. Он шёл своим, отнюдь не пушкинским путём в литературе, хотя и любил Пушкина.

Для А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова характерно понимание свободы, как возможности для личности жить и развиваться согласно внутренним убеждениям, принципам, независимости от внешних условий и чужих интересов, вмешательства посторонних в личную жизнь. Независимость им обеспечила принадлежность к дворянскому сословию, то есть доходы от поместий, – хотя Пушкин гордился этой принадлежностью, но он же был как раз и первым в России профессиональным литератором, попытавшимся жить и на доходы от своих произведений.

Для Пушкина понятие *свобода* имеет явно политическую природу: в эпиграмме «На Аракчеева» (между 1817 и 1820 годом) он пишет:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель.

В политическую свободу для поэта явно включены свобода от цензуры, от административного произвола властей, полицейского надзора за поведением групп и сословий, отдельных людей. Но эта свобода необходима, прежде всего, для политически активного и просвещённого класса – дворянства с целью выражения собственных прав и интересов, имущественных и нравственных. И в «Борисе Годунове», и в «Арапе Петра Великого», и в «Капитанской дочке», и в стихотворениях звучат мотивы освобождения дворянства от порабощающей царской воли на приме-

ре предков автора и героев из дворян, казнённых за послушание, сосланных, разжалованных в солдаты и т.д.

Примечательна в этом смысле ода «Вольность» 1817 года, где юный Пушкин прямо излагает политические взгляды передового дворянства:

Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!
Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы.
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочтенье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит
И преступленье высюка
Сражает праведным размахом...

Это традиционный для европейцев взгляд: главенство закона над всеми, включая и царя, обеспечит свободу для всех, защитит от тирании и рабства. Однако более 180 лет после Пушкина эта проблема актуальна для России: уже не царь главенствует над Законом, но российский чиновник, поставленный для соблюдения его, сам первый нарушает законы. Явно ошибочно думать об узкоклассовом эгоизме поэта в отношении дворянских вольностей: он весьма серьёзно занимался историей пугачёвского восстания и не мог не понимать пагубности рабства и необходимости свободы и для низших сословий России.

Пушкин никогда не был анархистом в стремлении к свободе, то есть не добивался безусловной, ничем и никем не ограниченной свободы. Во многих произведениях он посвящает немало места служению Отечеству рядом с государем и на рубежах России, как сыновнему долгу и почетному делу. Например, хрестоматийное стихотворение «К Чаадаеву» 1818 года:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Изменник Родины или своего класса – презренные люди, если нет высоких причин для отступничества: таковы гетман Мазепа из поэм «Полтава» и поручик Швабрин из «Капитанской дочки». Но отставной офицер и атаман разбойников Дубровский – благородный человек, которому автор невольно, но всё же сочувствует, как сыну, отстаивающему честь своего отца. Долг чести для Пушкина превыше личной свободы и благополучия. Итак, свобода – противоядие от тирании и жестокости и для рабов и для царей, но свобода при исполнении гражданского, сыновнего долга, служении Родине и своему народу («Я памятник себе воздвиг нерукотворный», 1836 год):

В жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Но не следует однозначно, буквально воспринимать, что Пушкин всерьёз считал, что его будут помнить только за свободолюбивые стихи и призывы к милости для угнетённых. Он недвусмысленным напоминанием о бесполезности споров с глупцом даёт понять, что это – минимум того, за что его не забудут потомки, прочитавшие стихи, но не давшие труда себе вдуматься, что он оставил людям, но запомнившие опознавательный знак, символ его творчества: гражданскую свободу, свободу вообще... А для самого Пушкина содержание свободы несравнимо глубже и обширнее рассмотренного выше.

В стихотворении «Друзьям» 1828 года он объясняет, что поэт имеет право писать хвалебные стихи и царю, если видит полезность для общества в деятельности властелина-самодержца, с нравственной поддержкой его начинаний: «Беда стране, где раб и льстец / Одни приближены к престолу, / А небом из-

бренный певец / Молчит, потупя очи долу». Очевидно, Пушкин считает гражданским долгом российского поэта стоять на защите царя от влияния дворцовых холопов и льстецов, но не оппозицию престолу во что бы то ни стало. Он не враг, но оппонент самодержавию. Лермонтов в этом *не был согласен* с Пушкиным и считал более достойным быть в изгнании, нежели «хвалить златой венец», о чём написал своё стихотворение «К ***» 1831 года («О, полно извинять разврат!..»).

Гражданские, политические свободы – базисный минимум для развития способностей каждого и достижения целей. Понятие свободы личности для Пушкина включает многие стороны, в том числе и *сознательное самоограничение*, без которого свобода оказывается неким внешним, но не внутренним качеством. Приведем отрывок из стихотворения «Чаадаеву» 1821 года, в котором поэт формулирует свод правил самоосвобождения:

*Оставя шумный круг безумцев молодых,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим, с порядком дружен ум;
Учусь удерживать внимание долгих дум,
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугом улыбнулись...*

Курсивом выделены принципы Пушкина, которые объясняют сущность нового для него поведения: покинуть шумную суету, забыть о прежних врагах – освободиться от сетей ненужных поэту связей, зато сосредоточиться на своем призвании. Приложить к нему долгие усилия и упорядочить рабочий день, научиться слушать тишину и ценить тихий труд – это и есть истинная внутренняя свобода. Человек не остается рабом страстей, но становится хозяином своего времени и своей жизни!

Это программное стихотворение имеет не случайного адресата в лице друга и глубокого русского философа, вначале блестящего гвардейца, адъютанта императора Александра I, затем официально объявленного сумасшедшим повелением Николая I за публикацию «Философических писем»: П.Я. Чаадаев жил отшельником и размышлял о свободе и судьбе России, драматически односторонне прочитанный и воспринятый, как только яркий сторонник западнического течения русской философии и последователь католицизма, даже спустя десятилетия после своей смерти.

Более того, Пушкин утверждает в стихотворении «Дар напрасный, дар случайный» 1828 года, что если нет высшей цели, оправдания жизни, то жизнь оказывается даром не только случайным, но и напрасным, осуждённым на казнь праздного ума, отдавшего страстям и сомневающегося в собственной полезности.

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?*

Внешняя свобода, как возможность удовлетворения любых прихотей, для поэта равносильна самоедству, разрушению изнутри. Служить своему призванию, отдаваясь без остатка, значит служить самому себе и Божьему промыслу в высшей степени, – вот что подразумевает это очень тревожное и печальное стихотворение. Даже его согласному с миром гению свойственно сомнение в собственной правоте и оправданности! У Лермонтова с ним перекликается стихотворение «Гляжу на будущность с боязнью...» (не ранее конца 1837 г.):

*Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать – что мне Бог готовил...*

Характерно, что на пушкинский «Дар напрасный, дар случайный» откликнулся своим стихотворением в том же году выдающийся русский святитель митрополит Московский Филарет:

*Сам я своенравной властью
Зло из тёмных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал. [2]*

В русской культуре, возросшей всеми своими корнями – азбукой и грамотой народа, музыкой, литературой, живописью и архитектурой – из православия, неудивительно, что архиерей

пишет стихотворение гениальному сыну этой культуры с порицанием столь же талантливо, как и этот заблудший сын церкви, который принял от Филарета урок с благодарностью, выраженной в другом стихотворении. В творчестве Пушкина (в советское время это «не замечали») имеется выдающееся по духовности стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» 1836 года, являющееся переложением молитвы «Господи и Владыко живота моего», часть которого приводится здесь:

*Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Не дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви,
И целомудрия мне в сердце оживи. [4]*

Очевидно, что для светского поэта, каким был Пушкин, всё же огромное внутреннее значение имела опора на веру в Спасителя, как основа духовности и душевного покоя, что несомненно объединяет поэзию его и Лермонтова. В этих цитируемых строках повторены важнейшие библейские заповеди об отречении от гордыни и прелюбодеяния, праздности и уныния, осуждения (Не судите, да не судимы будете!), о любви к ближнему, терпении в испытаниях. Здесь мы, как и в «Молитве» Лермонтова, очевидно получаем подтверждение о животворной струе веры предков в творчестве двух наших классиков. Поэт, несомненно, использует слово *свобода* в значении *воля* как возможность неограниченно передвигаться, не быть под запором и под надзором. В знаменитом послании «В Сибирь» 1827 года он пишет декабристам:

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.*

Для Пушкина *свобода* и *воля* – и синонимы, и нет. В его понимании *воля* – это стихия, которая переходит в неуправляемую силу: вихрь, ломающий леса, безумие зверя. Вот строки из стихотворения 1833 года («Не дай мне Бог сойти с ума...»):

*Не дай мне Бог сойти с ума,
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад...*

Это хорошо перекликается с его фразой «Не приведи Господь увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» из повести «Капитанская дочь», отражающей мировоззрение много понимающего, но отстранённого дворянина, который никогда не перейдёт на сторону бунтовщиков. Другое понимание воли у Лермонтова, оно ближе народному пониманию и в поэме «Мцыри» 1839 года, и в поэме «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» 1838 года:

*Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил – и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей!
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы. [3]*

Воля здесь очевидно понимается как стихийная, природная, не ограниченная никакими условностями и обычаями свобода человека, которая придаёт иной жизни единственный смысл существования и право ценить её ничуть не ниже свободы поэта, человека из общества. Мы видим, что здесь поэт верен себе: если бы он думал не так, не стал бы воспевать дику на взгляд монаха или светского человека выходку с побегом и особенно схватку с барсом, когда послушник сам ощущал себя диким зверем и даже визжал от ярости. А купец Калашников отвечает Ивану Грозному за убийство в кулачном бою любимого царского опричника:

*Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что – не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить – и на плаху несть
Мне головушку повинную...*

Воля купца здесь – сознательно дерзить самому царю, у которого князья и бояре были *холопами*, не говоря причины своего поступка и отдать свою жизнь за лишение жизни супостата, оскорбившего родовую и личную честь боя. На стихию отве-

тить еще большей стихией и идти до конца – это глубоко русская черта, верно отраженная Лермонтовым и воспетая им в разных стихах, но особенно ярко в знаменитом «Бородине» 1837 года от лица солдата-артиллерииста, сражавшегося за свободу и независимость России:

Постой-ка, брат мусью:
Чего хитрить, пожалуй, к бою –
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За Родину свою!

Воля у Лермонтова также означает и свободу для малых народов жить своей жизнью, – и было бы странно для него не иметь своего мнения об этом, с детства бывая, а потом и воюя на Кавказе. В поэме «Измаил-Бей» 1832 года он высказывается совершенно определенно и совершенно в русском духе. Удивительно, что восемнадцатилетний юноша имеет зрелость суждения государственного мужа:

21

«Ты молод, вижу я! за славой
Привыкнув гнаться, ты забыл,
Что славы нет в войне кровавой
С необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?»

22

«Ты ошибаешься, черкес!
- С улыбкой русский отвечает.
- Поверь: меня, как вас, пленяет
И водопад, и темный лес;
С восторгом ваши льды я вижу,
Встречая пышную зарю,
И ваше племя я люблю:
Но одного я ненавижу!
Черкес он родом, не душой,
Ни в чём, ни в чём не схож с тобою...

Творчество Лермонтова обнажает такую характерную сторону русской души, русской воли, как тяга к чудесному, тяга к духовному странничеству. Примечательно в этом смысле стихотворение «1831-го июня 11 дня»:

Моя душа, я помню с детских лет,
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил
.....
Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнью иной
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои
Предметы мнимой злобы иль любви
Не походили на существ земных.
О нет! Всё было ад иль небо в них.

Это русский человек, и только он может жить в таком необъятном разладе с реальностью жизни. В зависимости от общественной и природной среды, где созревает душа, его манит или неоглядный простор степей и лесов, или звёздное небо, или бессмертие неприкаянной души, тянущейся к Господу за откровением непостижимого в земной юдоли. А уж если он обессмертит себя, то пусть с ним рядом обретёт бессмертие и любимая – ни больше, ни меньше, чем земной ангел:

Но для небесного могилы нет
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймёт их, удивлённый свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты

Со мною не умрёшь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь

Лермонтов понимает, что общество не приемлет его стремления отыскать идеал на земле; но то самое русское общество, так казнящее любого за смелость быть самим собой, признает это его право после смерти и даже сблизит его в чём-то со святыми. Недаром Пушкин в «Борисе Годунове» сказал, что русские любят только мёртвых. Если Пушкин гордится своей дворянской родовитостью и связью своего рода с исторической славой России со времён Александра Невского, то у Лермонтова мы находим, быть может, впервые в поэзии, нечто новое, более глубокое, чем дворянское свободомыслие – это ощущение связи с коренной, мужицкой Русью. Поэт выходит из сословных рамок, как его шотландский предок вышел из национальных, пойдя на службу России, и сознает себя русским вообще: не дворянином, не крестьянином, не купцом; он и созерцатель, и частица бытия.

Стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России» было расценено П.Я. Чаадаевым как вершина русского национального сознания, но это вершина, которой можно гордиться с точки зрения внешней, глядя на неё с вершины европейской цивилизации. Наоборот, русское самосознание в стихотворении Лермонтова «Родина» есть внутреннее поэтическое сознание *единой нации*, не разделённой никакими сословными перегородками, взгляд народа на самого себя с точки зрения своего наивысшего духовного развития. Тут нет приземлённости крестьянина, но также нет высокомерия и отстранённости дворянина:

Но я люблю, за что, не знаю сам –
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье.
Разливы рек её, подобные морям;

.....
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Здесь не пахнет отстранённым умилением знати на пасторальную жизнь «пейзан», этим французским суррогатом в аристократическом сознании, *что* есть русский мужик.

По своим политическим и философским воззрениям М.Ю. Лермонтов уже в ранние годы менее западник, чем А.С. Пушкин. Несмотря на тесное общение с философским обществом Н.В. Станкевича, широко известным своими западническими взглядами, он бывал и у славянофилов, из которых особенно ценил А.С. Хомякова, за что его порицал В.Г. Белинский. Лермонтов был не только отчаянно храбрым на войне, но к тому же и хорошо понимающим благодатное значение российской государственности и культуры на Северном Кавказе и для Грузии (смотри окончание первой строфы «Мцыри»).

Таким образом, в русской поэзии на протяжении примерно двадцати лет, от времени ссылки Пушкина до смерти Лермонтова в 1841 году, формировалось несколько течений общественной мысли, отражающих глубинные процессы вызревания гражданских и личных свобод в обществе. И если Пушкин поначалу отражал позиции умеренных европеизированных либералов (его взгляды постепенно становились более консервативными), Лермонтов держался более традиционных взглядов на русский манер, а дипломат Ф.И. Тютчев был в стороне от общественной борьбы и очевидный сторонник самобытного пути России в политике и культуре в рамках монархии.

Если Пушкин оказывал немалое закулисное влияние на Николая I в вопросах иностранных дел в 1830-е годы, то дипломат Тютчев был закулисным идеологом внешней политики при канцлере князе Горчакове в 1850-е годы (кстати, Горчаков был лицейским товарищем Пушкина). Примечательно и не случайно, что именно на последнее десятилетие жизни Пушкина приходится активное вызревание, а к моменту гибели Лермонтова и становление двух философских школ. Славянофилы А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин и западники в лице того же Н.В. Станкевича, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского.

Библиографический список

1. Хоскинг Дж. *Россия и русские*: в 2 книгах. Перевод с английского. Москва: Издательство АСТ: Транзиткнига, 2003; Кн. 1.

2. *Энциклопедия для детей и юношества. Религии мира*. Москва: Аванта+, 1996; Т. 6, ч. 2.
3. Лермонтов М.Ю. *Сочинения*: в 2 томах. Составление и комментарии И.С. Чистовой; Вступительная статья И.Л. Андроникова. Москва: Правда, 1988; Т. 1.
4. Пушкин А.С. *Избранные сочинения*: в 3 томах. Москва: «Правда», 1988.

References

1. Hosking Dzh. *Rossiya i russkie*: v 2 knigah. Perevod s anglijskogo. Moskva: Izdatel'stvo AST: Tranzitkniga, 2003; Kn. 1.
2. *Enciklopediya dlya detej i yunoshestva. Religii mira*. Moskva: Avanta+, 1996; T. 6, ch. 2.
3. Lermontov M.Yu. *Sochineniya*: v 2 tomah. Sostavlenie i kommentarii I.S. Chistovoj; Vstupitel'naya stat'ya I.L. Andronikova. Moskva: Pravda, 1988; T. 1.
4. Pushkin A.S. *Izbrannye sochineniya*: v 3 tomah. Moskva: «Pravda», 1988.

Статья поступила в редакцию 10.04.15

УДК 81'24

Avvakumova E.A., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia), E-mail: evavvakumova@inbox.ru

THE MAGIC OF THE LATIN LANGUAGE IN THE WORLD OF HARRY POTTER. The article deals with the famous book of "Harry Potter" and looks at it in a linguistic aspect, namely words and expressions of the Latin origin that are used in the text. The author of the article proves that all the words of the Latin origin in this work have semantics, connotations and cannot be considered meaningless, as it has been stated in some research. The article analyses the names of the protagonists, magic spells and aphorisms in detail. A Russian reader has a deeper understanding of the poetics of the name precisely through the Latin words in the book. It is easier for an English reader to perceive the names and magic spells in the story about Harry Potter, because there are a great number of the words of Latin origin in the English language. The article can be appealing to both linguists and those people, who are interested in the world of Harry Potter and who are admirers of J. K. Rowling and her talent.

Key words: latinisms, poetics of a name, translatology.

Е.А. Аввакумова, канд. филол. наук, доц., зав. каф. общего и русского языкознания, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, E-mail: evavvakumova@inbox.ru

МАГИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ ГАРРИ ПОТТЕРА

В статье рассматривается знаменитая книга «Гарри Поттер» в лингвистическом аспекте, а именно, слова и выражения латинского происхождения, используемые в тексте. Автор статьи доказывает, что все слова латинского происхождения в данном произведении несут в себе семантику, коннотации и не являются бессмысленными звуками, как это заявлено в некоторых работах. В статье подробно анализируются имена героев, заклинания и афоризмы. Более глубокое понимание поэтики имени русскому читателю дают именно латинские слова. Английскому читателю воспринимать имена и заклинания в тексте о Гарри Поттере легче, так как в английском языке довольно большой процент составляют слова латинского происхождения. Статья может быть интересна как филологам, так и всем, кто интересуется миром Гарри Поттера и является почитателем таланта Дж. Роулинг.

Ключевые слова: латинизмы, поэтика имени, переводоведение.

Последняя книга о мальчике-волшебнике Гарри Поттере была издана несколько лет назад. Страсти вокруг семикнижия поутихли, но интерес не прошел. Пока еще ни одной детской книге не удалось завладеть умами читателей в такой же степени, как сага о мальчике-волшебнике. Достаточно просмотреть многочисленные сайты, где дети продолжают играть в Гарри Поттера, они спорят по поводу законов мира волшебников, придуманного Дж. Роулинг [1; 2; 3].

Интересует этот мир не только детей, но и серьезных взрослых. Достаточно сказать, что относительно недавно вышла книга, написанная образованными людьми, всерьез рассуждающими о философских проблемах, якобы имеющихся в семикнижии [4]. Например, ученых-философов интересуют такие вопросы: Был ли Дамблдор гомосексуалистом? Является ли вселенная Роулинг миром феминизма? Чем Гарри Поттер похож на Сократа?

Однако мы в своей статье будем рассматривать не философский, а лингвистический вопрос. Дж. Роулинг очень часто критиковали. В частности, ее упрекали в том, что заклинания волшебников звучат на латинском языке. «Латынь, бывшая основой европейской культурой, скреплявшая ее воедино на протяжении веков, для Роулинг и ее читателей стала действительно мертвым языком, который смело можно употреблять в качестве магического, то есть непонятного. <...> Скорее всего, это очередное зримое проявление состояния современной культуры, пришедшей в результате слома ценностных иерархий к упрощению, обеднению и обесмысливанию...» [5].

Цель настоящей статьи – доказать, что латинские слова и выражения в книге о Гарри Поттере вовсе не мертвый язык и не бессмыслица.

На латыни в книге говорят заклинания, пароли в пределах Хогвартса, кроме того, многие персонажи книги носят имена латинского происхождения. Большинство из них мы планируем разъяснить.

Джоан Роулинг писала свои книги, прежде всего рассчитывая на англоязычных читателей. В английском языке 70 % лексики составляют слова латинского происхождения. Поэтому английский читатель, когда читает заклинания волшебников, вовсе не должен обращаться к латинскому словарю, чтобы узнать его истинный перевод. Например, при чтении заклинания против боггартов «Ridiculus!», ему вполне понятно, что оно означает: в английском языке есть прилагательное *ridiculous* – смешной. И это заклинание совсем не является бессмысленным, ведь только что профессор Люпин объяснил, что «заклинание против боггарта простое, нужно только одно: хорошенько сосредоточиться. Лучшее оружие против него – смех» [6].

Кроме того, надо отметить, что писательница очень хорошо владеет грамматикой латинского языка. Что, впрочем, неудивительно: Д. Роулинг в свое время была учителем французского языка, относящегося к романским языкам, как и латинский. Кроме того, она окончила университет в Эксетере, где наверняка преподавали латынь.

Все заклинания построены в соответствии с латинской грамматикой. Например, одно из запрещенных среди волшебников заклинаний *Crucio* является глаголом 1 лица единственного числа настоящего времени, о чем свидетельствует флексия – о, и переводится на русский язык – мучаю. Кто читал «Гарри Поттера», знает, что это не бессмысленный набор звуков. Английский читатель слышит родственность данного слова английским *crucify* (распять), *cruel* (мучительный). Поэтому в английской критике вряд ли могут возникнуть обвинения в бессмысленности звучащих заклинаний. Но заклинания звучат именно в латинской грамматике и огласовке. Дети, на которых и была рассчитана эта книга, либо не очень хорошо знакомы с латинским языком, либо вообще его не знают. От этого слова, произносящиеся не совсем привычно, действительно для ребенка окутываются некой магией. Красотой звучащей латыни восхищались на протяжении не-

скольких веков (чем не волшебство?), не стоит удивляться, что писательница выбрала этот язык для магических заклинаний.

Начнем мы с анализа девиза Хогвартса, расположенного на гербе, который в свою очередь красуется в начале каждой книги: *Draco dormiens nunquam titillandus* (*Не будите спящего дракона*). Существуют разные версии толкования этого девиза, которые можно обнаружить на все тех же различных сайтах и форумах. Нам представляется наиболее верной следующая версия: «В Хогвартсе обучают магии, а магия, как известно, требует ответственности. В школе учатся дети и подростки, а у них этой самой ответственности иногда не достаёт... Получается, что магия – это сила, которая может нести не только благо, но и зло, а сила в руках безответственного существа это нечто страшное... Поэтому “Не должно щекотать спящего дракона”, или “магические искусства требуют ответственности”». Интересно, что в одном из интервью Джоан Роулинг назвала свое любимое изречение: «Не будите спящую собаку».

Один из паролей, который нужно говорить розовой даме на портрете, чтобы попасть в гостиную Гринфиндорфа – *Carpat draco*, что в переводе на русский язык означает *Голова дракона*. Смешно было услышать дубляж на русский язык первого фильма «Гарри Поттер и философский камень», где староста произносит данный пароль и ставит ударение в слове *carpat* на последний слог. Кто хоть немного изучал латынь, знает, что первое правило ударения в латинском языке звучит так: ударение не ставится на последний слог. Видимо, те, кто занимался дубляжом фильма, латынь не изучали, но зато хорошо знают выражение «Гитлер капут!»

Теперь обратимся к именам персонажей. Например, такое имя, как Альбус Дамблдор. *Albus* в переводе с латинского *белый*. Дамблдор – директор Хогвартса, он является для Гарри непререкаемым авторитетом, самым великим волшебником и самым добрым человеком. Только в последней книге Гарри мучают сомнения, так ли хорош был этот человек, как он всегда о нем думал. Он узнает факты из жизни молодого Альбуса, которые его чернят. Замечательно, что писательница не создала ни одного полностью образцового персонажа, как это характерно для многих сказок. Все герои, которых любит Гарри (отец, Сириус, Люпин, Дамблдор), совершают в своей жизни ошибки, порой, казалось бы, непростительные. Но от этого они становятся только более близкими для Гарри, который через переживания принимает их, прощает. Альбус Дамблдор в конце книги не теряет в глазах Гарри света мудрости, не очерняется, он остается *albus* – белым. Люпин Ремус является другом отца Гарри. *Lupin* в переводе с латинского – *волчий*, от *lupus* – *волк*. Ремус – от имени Рем, один из братьев, основателей Рима, вскормленных волчицей. Для знающего читателя это вполне объяснимо: Люпин – оборотень, чтобы не превратиться в волка и не навредить людям, он вынужден принимать особое зелье. Деканом факультета, где учится Гарри, является профессор Минерва Макгонагалл. Минерва – римская богиня мудрости, ремесел и искусств. Ее имя как нельзя более подходит для Макгонагалл. Она умна, строга, иногда даже сурова, но всегда справедлива. Гарри сначала боится ее, на смену боязни приходит уважение, а потом и любовь к учителю. В последней книге Гарри, рискуя жизнью, выдает себя, чтобы ответить обидчикам Минервы. Сириус Блэк – крестный Гарри. Сириус – это самая большая и яркая звезда в созвездии Большого пса. Сириуса вполне можно сравнить со звездой, он очень яркая личность, не может сидеть без дела, ему надо постоянно действовать. Кроме того, он может превращаться в большого черного пса. Поэтому вполне объяснимы и имя Сириус, и фамилия Блэк, которая в переводе с английского обозначает *черный*. Кроме того, Блэк – одна из распространенных фамилий в Англии. *Snape Severus* (Снейп Северус) – самый загадочный и самый трагичный, на наш взгляд, персонаж. Его фамилия созвучна с двумя словами: «snake» – «змея» и «snare» – «щелчок». *Severus* – по-латыни *суровый, строгий*. На протяжении почти всех книг Северус остается для Гарри если и не врагом, то очень неприятной личностью. Гарри готов подозревать его во всех грехах (как, впрочем, и Северус постоянно Гарри в чем-то обвиняет). После того как в шестой книге Северус убивает Дамблдора, одним из главных желаний Гарри является месть. Но последняя книга расставила все на свои места, и Гарри в эпилоге так характеризует своего бывшего противника: «Он был, пожалуй, самым храбрым человеком, которого я знал» [7]. Семантика имени Снейпа Северуса несет в себе только отталкивающие значения, но было бы странно иметь другое имя, если секрет этого персонажа раскрывается только в конце последней книги.

Один из противников Гарри носит имя Драко Малфой. С латыни «*maleficus*» – *злодей*, писательница использовала французское звучание «*mal foi*» – *вероломство*. Драко – с латыни *дракон* или *змея*. Конечно, в данном случае больше подходит перевод *змея*, так как Драко учится на факультете Слизерин, эмблемой которого является змея. В самой книге змея несет зловещую символику: понимать язык змей плохо даже для волшебников, спутницей Волан-де-Морта является большая змея, которая не один раз убивала людей. А дракон в книге – образ хотя и опасный, но несущий героическую символику. Драко Малфой, известный трус, не соответствует этому образу. Он любит все делать исподтишка, когда никто не видит. Поэтому его имя скорее можно перевести как *Злобная змея*.

Обратимся к главному врагу Гарри – Тому, Кого Нельзя Называть. Однако Гарри не боится называть его имени – Волан-де-Морт. Русский читатель сразу же видит аналогию с Воландом из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Имя Воланд не раз исследовалось в рамках булгаковского романа. Известно, насколько скрупулезно автор вел работу над этим именем и выбрал имя Воланд. Воланд – имя сатаны, малоизвестное в русской культуре, именно поэтому М. Булгаков и остановил свой выбор на нем, чтобы рядовой читатель не сразу бы догадался, кто такой Воланд, чтобы загадка появившегося на Патриарших прудах иностранного профессора с самого начала не была разгадана читателями «Мастера и Маргариты». Слово *faland* по-латыни означает *лукавый, обманщик*, но издавна употребляется в значении черта. Подробно о другом звучании слова рассказывает в своей работе Д. Земцова: «В редакции 1929 – 1930 гг. имя Воланд воспроизводилось полностью латиницей на его визитной карточке: «D-r Theodor Voland»... В окончательном тексте Булгаков от латиницы отказался: Иван Бездомный на Патриарших запоминает только начальную букву фамилии – w. Такая замена оригинального v («фау») неслучайна. Немецкое «voland» произносится как фоланд, а по-русски начальное «эф» в таком сочетании создает комический эффект, да и выговаривается с трудом. Мало подходило бы здесь и немецкий «faland». С русским произношением – фаланд – дело обстояло лучше, но возникала неуместная ассоциация со словом «фал» (им обозначается веревка, которой поднимают на судах паруса и реи) и некоторыми его жаргонными производными. К тому же фаланд в поэме Гете не встречался, а Булгакову хотелось именно с «Фаустом» связать своего сатану» [8]. Именно в поэме Гете один раз появляется это имя, но очень часто переводчики не используют эт имя. Так называет себя Мефистофель в сцене Вальпургиевой ночи, требуя от нечисти дать дорогу: «Дворянин Воланд идет!»

В книге Д. Роулинг имя злого волшебника дается во французской огласовке, но с тем же значением – *дьявол*. Фамилия Морт созвучна с латинским словом *mors, mortis* – *смерть*. По-французски *mort* тоже означает *смерть*. Стоит добавить, что это не настоящее имя злого волшебника, он его сам себе придумал, для того чтобы еще больше запугать людей. Действительно, трудно придумать сочетание более страшных слов, чем *дьявол* и *смерть*. Настоящее имя злодея, данное ему при рождении, – Том Риддл, обычное имя магглов, а все маггловское Темному Лорду ненавистно.

В некоторых случаях писательница явно опиралась больше на смысл английских слов, но давала им латинскую форму. Например, название метлы для квиддича *Nimbus* по-латыни означает *облако, туман, туча*. Для английского же читателя актуально значение английского слова *nimble* – *проворный, подвижный, шустрый*. Эти значения больше подходят для описания качеств метлы. Зато окончание *-us* придает волшебную огласовку. В последней книге при освобождении дракона от кандалов Гарри произносит заклинание «Релашио» (глава «Гринготс») [7], в английской редакции «*Relashio*» от английских слов *relax* – *ослаблять, relation* – *ослабление, отдых*. В данном случае звучит даже английская огласовка: в латинском языке нет шипящих. Но грамматика все равно латинская, добавляется флексия – *o*, которая несет грамматическое значение глагола настоящего времени, 1 лица, ед. числа. То есть данное заклинание можно перевести, как *ослабляю*.

Таким образом, все слова и выражения в книгах о Гарри Поттере, на первый взгляд кажущиеся мертвой латынью, на самом деле таковыми не являются. Они все несут в себе смысл. Только для русского читателя нужны объяснения, в которых в большинстве случаев не нуждаются носители английского языка. Так что в очередной раз латинский язык не стал мертвым языком в полном смысле этого слова, ведь как в свое время позалаты Юлиан

Тувим: «Какой же это мертвый язык, если, не увядая, он пережил тысячелетия?..». Остается только добавить, что при рабо-

те мы опирались на латино-русские словари А.В. Подосинова и И.Х. Дворецкого [9,10].

Библиографический список

1. Фаном Гарри Поттера. *ВКонтакте*. Available at: <http://vk.com/welovehp>
2. Волшебный мир Гарри Поттера. *Мой мир@mail.ru*. Available at: <http://my.mail.ru/community/worldofmagic/>
3. Гарри Поттер – мой герой. *Одноклассники*. Available at: <http://www.odnoklassniki.ru/potterhero>
4. *Гарри Поттер и философия: Хогвартс для маглов*. Под редакцией Г. Бэшема. Москва: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
5. Ратке И. Гарри Поттер и расколдовывание мира. *Вопросы литературы*. 2005; 4: 149 – 160.
6. Ролинг Дж. К. *Гарри Поттер и узник Азкабана*. Москва: РОСМЭН-ПРЕСС, 2002.
7. Ролинг Дж. К. *Гарри Поттер и Дары Смерти*. Москва: РОСМЭН-ПРЕСС, 2007.
8. Земцова Д. Таинственный фантастический и мистический мир Воланда *BestReferat.ru – банк рефератов*. Available at: <http://www.bestreferat.ru/referat-45620.html>
9. Дворецкий И.Х. *Латино-русский словарь*. Москва: Русский язык-Медиа, 2005.
10. Подосинов А.В. и др. *Латино-русский словарь*. Москва: Флинта: Наука, 2001.

References

1. Fandom Garri Pottera. *Vkontakte*. Available at: <http://vk.com/welovehp>
2. Volshhebnyj mir Garri Pottera. *Moj mir@mail.ru*. Available at: <http://my.mail.ru/community/worldofmagic/>
3. Garri Potter – moj geroy. *Odnoklassniki*. Available at: <http://www.odnoklassniki.ru/potterhero>
4. *Garri Potter i filosofiya: Hogvarts dlya maglov*. Pod redakciej G. B'eshema. Moskva: OOO «Yunajted Press», 2011.
5. Ratke I. Garri Potter i raskoldovyvanie mira. *Voprosy literatury*. 2005; 4: 149 – 160.
6. Roling Dzh. K. *Garri Potter i uznik Azkabana*. Moskva: ROSM'EN-PRESS, 2002.
7. Roling Dzh. K. *Garri Potter i Dary Smerti*. Moskva: ROSM'EN-PRESS, 2007.
8. Zemcova D. Tainstvennyj fantasticheskij i misticheskij mir Volanda *BestReferat.ru – bank referatov*. Available at: <http://www.bestreferat.ru/referat-45620.html>
9. Dvoreckij I.H. *Latino-russkij slovar'*. Moskva: Russkij yazyk-Media, 2005.
10. Podosinov A.V. i dr. *Latino-russkij slovar'*. Moskva: Flinta: Nauka, 2001.

Статья поступила в редакцию 28.07.15

УДК 811.161.1.37

Nebolsina M.S., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, General and Russian Linguistics Department, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia), E-mail: adelmaus@rambler.ru

SEMANTICS OF THE SPEECH ACT VERBS AS A DYNAMIC POLYSITUATIONAL STRUCTURE. In the article the semantic structure of the speech act verbs is considered from the point of the polysituational theory and is presented as a complex dynamic polypropositional construct. Its contents have been reviewed from multiple perspectives – not only on the level of lexical situation, but have been subjected to propositional structuring on a microlevel as well as described on a macroscale as a system of retrospective, prospective and parallel situations. Situatemes of the speech act verbs have a conflict core, which is a factor of their dynamic development. The understanding of verbal semantics as a movement in time and space resulting in certain shifts in semantic structure described as events leads to the idea of situatemes dynamism. Polysituational analysis allows to appreciate the entire semantic spectrum of the speech act verbs, including propositional structure of these situatemes.

Key words: semantics, speech act verbs, polysituativity, situateme, proposition.

М.С. Небольсина, канд. филол. наук, доц. каф. общего и русского языкознания, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, E-mail: adelmaus@rambler.ru

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ ПОЛИСИТУАТИВНАЯ СТРУКТУРА

В статье семантическая структура глаголов речевого воздействия рассматривается с позиций теории полиситуативности и представлена как сложное, динамическое полипропозициональное образование, содержание которого рассмотрено в различных масштабах – не только на уровне лексикализованной ситуации, но и подвергается пропозициональному структурированию на микроуровне, а также описывается в макромасштабе как система ретроспективных, проспективных и параллельных ситуаций. Ситуатемы глаголов речевого воздействия имеют конфликтное ядро, являющееся фактором их динамического развития. В результате полиситуативного анализа семантика глаголов речевого воздействия предстает во всем объеме актуализируемых ими значений, включая их глубинную структуру.

Ключевые слова: семантика, речевое воздействие, полиситуативность, ситуатема, пропозиция.

Глаголы речевого воздействия (далее – глаголы РВ), являясь частью лексико-семантической группы глаголов речи, относятся к базовым глаголам, называемым фундаментальными, основные действия человека. Глаголы данной группы неоднократно подвергались исследованию в рамках различных направлений, например, в структурной лингвистике [1], теории речевых актов [2], «новой» семантике [3; 4].

К настоящему времени в современной отечественной лингвистике сложилось представление о семантике глаголов речи и, в частности, глаголов РВ как о сложной, многокомпонентной структуре, обладающей рядом особых черт: а) данные глаголы имеют обязательный семантический компонент: «побуждение слушающего к действию»; б) денотативная ситуация данных глаголов включает несколько обязательных компонентов – говорящий (адресант), слушающий (адресат, объект воздействия), текст, предмет речи, целеустановка говорящего; в) глаголы на-

зывают «комплексные действия, которые располагаются как бы в нескольких сферах одновременно» [5, с. 17]. По мнению Т.В. Шмелёвой, в речевом действии можно выделить не менее трех аспектов: физический, психический и социальный; г) глаголы РВ предназначены для описания речевых действий, однако они отличаются степенью дескриптивности, т.е. в них по-разному сочетаются элементы описательного и оценочного, при этом преимущественно интерпретативны, т.е. служат для передачи субъективной оценки говорящего; д) с точки зрения теории речевых актов, глаголы данной группы могут выражать как иллюкативную цель РА (замысел говорящего), так и указывать на его перлокутивный эффект (достижение этого замысла).

Отметим, что некоторые особенности денотативной семантики глаголов РВ не попадали в исследовательский фокус. Так, например, глаголы данной группы ранее не рассматривались как глаголы со сложной семантической структурой, в составе кото-

рой содержится указание не только на ассертивную ситуацию, но и ситуации предшествующие и последующие. Семантика глаголов РВ обладает рядом «указателей» на динамизм и полиситуативность: во-первых, гетерогенный характер протекания действия: речь как *действие*, производимое говорящим, является лишь средством осуществления его цели – *воздействия* на слушающего, т. е. в рамках одной ситуации «сосуществуют» параллельно два действия; во-вторых, одушевленность обоих участников ситуации, которая «увеличивает динамизм и результативность процесса, что приводит к возрастанию количества событий внутри одной ситуации» [6, с. 209]; в-третьих, ситуация РВ заряжена конфликтностью, и, следовательно, может иметь как негативный, так и позитивный исход, что также увеличивает количество потенциально возможных ситуаций; в-четвертых, ситуация РВ имеет протяженность во времени – по крайней мере, от момента возникновения цели до момента её осуществления.

Полиситуативный анализ, разработанный проф. Н.Б. Лебедевой (см. о полиситуативной концепции языка в [6; 7]), являясь логическим продолжением современных лингвистических исследований, посвященных изучению сложной, многокомпонентной семантической структуры глагола (в работах Н.Д. Арутюновой [8], Е.С. Кубряковой [9; 10], Е.В. Падучевой [11; 12], Г.И. Кустовой [13] и мн. др.), знаменует собой очередной этап в развитии взглядов на сущность семантики глагола. Как отмечает Н.Б. Лебедева, полиситуативность, будучи универсальной и комплексной категорией, формируется на пересечении субстанциональных и процессуальных характеристик глагола. Характеристика глагольного содержания как полиситуативного, полисобытийного, полипропозиционального комплекса отражает многомерность, открытость и динамичность семантики глагола. Эти свойства понимаются не только во временном аспекте, как протекание ситуации и смена одного события другим, но и в субстанциональном, как способность участников ситуации к изменению. Таким образом, в рамках полиситуативного подхода к языку предикативный денотат рассматривается как средство «передачи смены одних состояний другими, поскольку он несет информацию и о первых, и о вторых» [6, с. 28]. Это даёт возможность представить глагольное содержание как целый комплекс разнородных, но взаимосвязанных ситуаций. Способом «упаковки» знания о динамическом фрагменте мира является ситуатема – единица, объединяющая ряд ситуаций, соотносимых с одной глагольной формой. В содержании ситуатемы репрезентирована ядерная ситуация, а также – на ментальном уровне – имплицитивно связанная с ней смежная конситуация (ближняя, дальняя и сверхдальняя периферия). Элементы ситуатемы имеют полипропозитивную структуру.

Полиситуативный анализ глаголов РВ ПРОСИТЬ, УМОЛЯТЬ, УГОВАРИВАТЬ, УБЕЖДАТЬ, ТРЕБОВАТЬ, ПРИКАЗЫВАТЬ, ВЕЛЕТЬ, СОВЕТОВАТЬ, РЕКОМЕНДОВАТЬ, ПРЕДЛАГАТЬ, ПРИЗЫВАТЬ позволил выделить в ситуатемах шесть факторообразующих компонентов ситуации (Фациентов): Субъект-1, Субъект-2, Делиберативно-перцептивный участник (Текст), Статусное соотношение, Заинтересованность, Результат. На наш взгляд, эти компоненты являются минимальным необходимым набором средств описания в языке ситуации РВ. Пациент Статусное соотношение в большинстве случаев является детерминемой ситуатемы и может быть представлен в двух разновидностях: социальный статус (обусловленный социальным положением участников) (например, в глаголе ПРИКАЗЫВАТЬ) и ситуативный статус (обусловленный коммуникативным, информативным и др. положением участников) (например, в глаголе СОВЕТОВАТЬ). К числу детерминемситуатемы относится также Конфликт между субстанциональными участниками. Суть конфликта РВ заключается в следующем: слушающий (Адресат) имеет свои интересы и не всегда бывает готов занять то место, которое уготовано ему в планах говорящего. Чтобы добиться своей цели, Субъекту приходится менять точку зрения, эмоции Адресата. Конфликт в ситуации речевого воздействия имеет сложную природу и реализуется в нескольких разновидностях. Он может заключаться, во-первых, в несоответствии намерений Субъекта и Адресата (как в случае с глаголом УГОВАРИВАТЬ), во-вторых, в различии точек зрения (в глаголе УБЕЖДАТЬ), в-третьих, в статусном несоответствии Субъекта и Адресата, в некоторых случаях может также расщепляться на «внешний» (противоречие, вызванное межсубъектными отношениями) и «внутренний» (противоречие внутрисубъектное) (например, в глаголе

УМОЛЯТЬ противоречие желаний и возможностей Субъекта добиться определенного результата). Пациент Результат в глаголах РВ также может быть представлен в двух разновидностях: 1) достижение «ближней цели» и 2) достижение «дальней цели» (в терминологии Е.В. Падучевой), где под первым понимается произнесение речи, а под вторым достижение необходимого эффекта речи. Содержание ситуатемы глаголов РВ поддается пропозициональному структурированию, выделяются пять основных пропозиций, описывающих отношения Участников в рамках ситуации.

При рассмотрении в макромасштабе содержательная структура ситуатемы включает наряду с конвенциональными также имплицитивные смыслы, которые реализуются в существовании ситуаций, смежных с ассертивной (лексикализованной, попавшей в коммуникативный фокус) ситуацией. Глаголы РВ являются проспективно направленными, поскольку обозначают целенаправленное действие и имеют в своей структуре указание на результат, а также могут иметь ретроспекцию – указание на предшествующую каузирующую ситуацию. Кроме того, при рассмотрении на микроуровне также обнаруживается динамика и одновременное сосуществование нескольких ситуаций. Таким образом, ситуатемы глаголов РВ представляют собой полиситуативную структуру, организованную по типу конситуативности, когда наблюдается параллельное протекание ситуаций на всех выделяемых уровнях (микроситуации, макроситуации, ассертивной, периферийных и т.д.), при этом ситуации обладают разным коммуникативным статусом. Конситуативность проявляется на разных уровнях существования ситуации. На лексикализованном уровне она реализуется как одновременное существование двух ситуаций: 1) ситуации общения двух субъектов, и – уже – говорения, произнесения текста, которая в свою очередь членится на следующие «кванты», минимальные составляющие ситуации: а) Говорящий произносит, Слушающий воспринимает; б) Слушающий отвечает, Говорящий воспринимает, и 2) ситуации воздействия, при этом вторая ситуация более коммуникативно значима, именно она является центральной в ситуатеме глаголов РВ, первая же ситуация уходит на периферию, остается «в тени». В то же время можно говорить и о конситуативности на более глубинном уровне – уровне ассертивной микроситуации. В ситуации воздействия выделяются такие подситуации, как 1) исполнение участниками ситуации определенных коммуникативных и социальных ролей, «вписывание» их в общий контекст ситуации; 2) выбор говорящим эффективных для данного собеседника и данной ситуации тактики и средств воздействия, воздействие на слушающего, реакция слушающего; 3) изменение состояния обоих участников (на разных уровнях: физическом, психологическом, социальном) по истечении ситуации. На уровне существования ситуаций, находящихся на периферии, также проявляется конситуативность. Уровень ближней и дальней периферии составляют ретроспективная и проспективная ситуации. В ретроспекции у говорящего (С-1) возникает замысел, происходит оценка ситуации с точки зрения возможности/невозможности самостоятельной ее реализации, формируется образ Результата. В проспекции также наблюдается ряд ситуаций: 1) участники ситуации пребывают в измененном состоянии (напр., чувство удовлетворенности у говорящего, получение слушающим новой информации и т.п.); 2) расщепление ситуации на два возможных исхода: готовность слушающего к действиям или осуществление действий, задуманных говорящим, и отказ от участия в планах говорящего. Уровень сверхдальней периферии занимает проспективная ситуация, которая мало поддается точному исчислению, но предполагается: в зависимости от результата воздействия (положительного или отрицательного) происходит дальнейшее развитие ситуации. Конситуативность в данной ситуатеме имеет еще один уровень существования – это имплицитивные ситуации, не включенные в конвенциональную часть семантической структуры, но подразумеваемые. К таким ситуациям относятся: 1) находящаяся в ретроспекции ситуация целеполагания Субъекта; 2) находящаяся в рамках лексикализованной ситуации указание на статусное соотношение участников; 3) находящаяся в проспекции ситуация реакции слушающего.

Таким образом, ситуатема глаголов РВ является сложным динамическим образованием, развивающимся от коммуникативного центра (ассерции) к периферии, при этом ситуация на каждом из уровней представляет собой комплекс микроситуаций, взаимодействующих друг с другом.

Библиографический список

1. Васильев Л.М. *Семантика русского глагола. Глаголы речи, звучания и поведения*. Уфа, 1981.
2. Вежбицкая А. Речевые акты. *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва, 1985; Вып. 16: 251 – 276.
3. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва, 1993: 158 – 218.
4. Падучева Е.В. Глаголы речевого действия как тематический класс. *Русский язык сегодня*. Москва: Азбуковник, 2003; Вып. 2: 201 – 215.
5. Шмелева Т.В. *Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык»*. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1994.
6. Лебедева Н.Б. *Полиситуативность глагольной семантики*. Томск, 1999.
7. Лебедева Н.Б. *Полиситуативный анализ глагольной семантики*. Изд. 2, испр. и доп. Москва: Либроком, 2010.
8. Арутюнова Н.Д. *Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы*. Москва, 1976.
9. Кубрякова Е.С. *Части речи с когнитивной точки зрения*. Москва, 1997.
10. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики. *Логический анализ языка: Модели действия*. Москва, 1992: 84 – 90.
11. Падучева Е.В. *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива)*. Москва: Языки русской культуры, 1996.
12. Падучева Е.В. К семантике пропозициональных предикатов: знание, фактивность и косвенный вопрос. *Известия АН, Серия литературы и языка*. 1998; Т. 57, № 2: 19 – 26.
13. Кустова Г.И. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: Языки русской культуры, 2004.

References

1. Vasil'ev L.M. *Semantika russkogo glagola. Glagoly rechi, zvuchaniya i povedeniya*. Ufa, 1981.
2. Vezhbicka A. Rechevye akty. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Moskva, 1985; Vyp. 16: 251 – 276.
3. Glovinskaya M.Ya. *Semantika glagolov rechi s točki zreniya teorii rechevykh aktov. Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt*. Moskva, 1993: 158 – 218.
4. Paducheva E.V. *Glagoly rechevogo dejstviya kak tematicheskiy klass. Russkij yazyk segodnya*. Moskva: Azbukovnik, 2003; Vyp. 2: 201 – 215.
5. Shmeleva T.V. *Semanticheskij sintaksis: Tekst lekcij iz kursa «Sovremennij russkij yazyk»*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij gosudarstvennyj universitet, 1994.
6. Lebedeva N.B. *Polisituativnost' glagol'noj semantiki*. Tomsk, 1999.
7. Lebedeva N.B. *Polisituativnyj analiz glagol'noj semantiki*. Izd. 2, ispr. i dop. Moskva: Librokom, 2010.
8. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy*. Moskva, 1976.
9. Kubryakova E.S. *Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya*. Moskva, 1997.
10. Kubryakova E.S. *Glagoly dejstviya cherez ih kognitivnye harakteristiki. Logicheskij analiz yazyka: Modeli dejstviya*. Moskva, 1992: 84 – 90.
11. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1996.
12. Paducheva E.V. K semantike propozicional'nyh predikatov: znanie, faktivnost' i kosvennyj vopros. *Izvestiya AN, Seriya literatury i yazyka*. 1998; T. 57, № 2: 19 – 26.
13. Kustova G.I. *Tipy proizvodnyh znachenij i mehanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 2004.

Статья поступила в редакцию 13.07.15

УДК 811.111

Sergienko N.V., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of the English language, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia), E-mail: sergienkonat@mail.ru

THE CATEGORY OF DETERMINATION IN PHILOSOPHY AND LINGUISTICS. The article dwells on the fundamental ideas of definiteness / indefiniteness learnt and described in such sciences as philosophy and linguistics. On the basis of Plato's, Aristotle's, Hegel's theories the author points out that the category of determination has epistemological roots, it is connected with man who learns the world. The characteristics 'definite / indefinite' are seen as opposites that mutually presuppose each other, they are a unity. In this article the linguistic category of determination is described as a single category that has a field structure. The article enumerates the means of expressing the semantics of definiteness / indefiniteness on different levels in the English language: phonetic, grammar (morphological and syntactic), lexical. The function of the means of expressing the semantics of definiteness / indefiniteness is seen in identification and actualization of the ontological entities.

Key words: category of determination, definiteness, indefiniteness, philosophy, linguistics, opposites, ontology, means of expressing semantics of definiteness / indefiniteness.

Н.В. Сергиенко, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, E-mail: sergienkonat@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматриваются основные положения, касающиеся изучения определённости / неопределённости в философской и лингвистической научной мысли. На основе теорий Платона, Аристотеля, Гегеля выводится умозаключение о том, что категория детерминации имеет гносеологические корни, она связана с человеком, который познаёт мир. Характеристики «определённый / неопределённый» рассматриваются как противоположности, которые взаимно предполагают друг друга, находятся в единстве. В рамках данной статьи лингвистическая категория детерминации трактуется как единая категория, имеющая полевую структуру. В статье перечисляются средства выражения семантики определённости / неопределённости на различных языковых уровнях в английском языке: фонетические, грамматические (морфологические и синтаксические), лексические. Функция данных средств заключается в идентификации и актуализации единицы антологии.

Ключевые слова: категория детерминации, определённость, неопределённость, философия, лингвистика, противоположности, онтология, средства выражения семантики определённости/неопределённости.

В современной лингвистике особое значение приобретают исследования, касающиеся языковых категорий. Языковая категория детерминации выражается в содержательной оппозиции определённости и неопределённости, сохраняя связь с одноимёнными гносеологическими понятиями, которые рас-

сматривались изначально в философии. Именно в философских исследованиях отмечается, что сущность данной категории проявляется во взаимодействии познающего человека с познаваемым миром и указывается на тот факт, что объект или явление объективного мира может квалифицироваться

как неопределенный только с позиций недостаточного знания о нем.

Понятие определенности / неопределенности, существующее в каждой частной науке, вошло в научную парадигму с именами древних мыслителей (Анаксимандр, Платон, Аристотель) и рассматривалось в рамках философии и логики в отношении категорий частного и общего, конкретного и абстрактного, и т.д. Для нас важно проследить взаимосвязь коррелятов определенности/неопределенности в философии и лингвистике.

Для мыслителей древности окружающий мир представлял собой систему определенных предметов и явлений, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако уже древнегреческие материалисты не удовлетворялись констатацией единичных фактов и их описанием, они стремились объяснить возникновение и существование определенных предметов и явлений, их общий начал и сущности, стремились понять окружающую природу на основе чего-то единого. Определенность и неопределенность не употреблялись ещё в качестве ясно вычлененных научных понятий и не объединялись в рамках одной категории. Смысл понятий определенности и неопределенности несли категории бытия и небытия, конечности и бесконечности, возможности и действительности [1].

Впервые наиболее отчётливо представление о неопределенности находит отражение в учении Анаксимандра при характеристике им общего первоначала, первосущности всех конкретных вещей. Для Анаксимандра весь объективный мир представлял собой неопределенный континуум, а конкретные объекты являлись определенными. То, что человек не мог «помыслить», представить себе, он относил к неопределенности, а то, что было очевидно для него, идентифицируемо, считалось определенным [2].

Несколько иное толкование понятий определенности/неопределенности находим у Платона. Он считал, что если бы в действительности не было ничего устойчивого, а всё находилось только в постоянном движении, то в мире чувственных вещей существовала бы абсолютная неопределенность. Он говорил, что существуют определенные идеи, названия которых получают приобщающиеся к ним другие вещи; например, приближающиеся к подобию становятся подобными, к великости – большими, к красоте – красивыми, к справедливости – справедливыми. То есть для Платона нечто ещё неопределенное (носительное), но приближающееся к чему-то конкретному, являлось определенным.

Представления об определенности/неопределенности служили средством выражения соответственно чувственно-материального и идеального миров. Идеальный мир Платона, мир сущностей – это мир определенности, а материальный мир – это мир неопределенности. Определенность характеризует устойчивость, совершенство, соразмерность, упорядоченность идеального мира, тогда как неопределенность олицетворяет изменчивость, несовершенство, хаотичность материального мира [1].

Руководствуясь характеристиками устойчивости/изменчивости при выявлении «принадлежности» к определенности/неопределенности, он лучше, яснее понимал идеальный мир, который он считал близким, понятным, совершенным, определенным. То, что он мог познать, представить себе во всем объеме, Платон противопоставлял непознаваемому, запредельному, бесконечно изменчивому. Материальный и идеальный миры характеризовались как такие, которые наделены противоположностями. И сами эти миры суть противоположности. Однако это не значит, что они отрицают друг друга. Определенное и неопределенное для Платона суть одно целое, с его взаимопереходами, взаимоизменениями. Одно не мыслится без другого, и существование одного возможно лишь в сосуществовании с другим [3, с. 140 – 141].

В философии Аристотеля определенность/неопределенность имеют более широкий смысл, и не только с точки зрения истинности или ложности какой-то мысли о бытии, но и с точки зрения реального, объективного существования. Как и его предшественники, Аристотель ещё не выделял определенность / неопределенность как отдельную категорию. Он говорил о них как о характеристиках других вычленяемых им категорий. Объективная неопределенность имела столько же значений, сколько значений имеет и актуальное (определенное) бытие. Неопределенность понималась им как объективная лишённость определенного бытия, определенного качества, количества, места, времени. Суть всякого бытия – это определенность: «Суть бытия дана всякий раз в форме и действительности вещи», но не всякая определенность, а формальная: «Материя образует нечто

определенное. Причина для материи – форма, в силу которой материя есть нечто определенное; а форма, это сущность...» [4, с. 210-217]. Форма делает предметы тем, чем они являются в действительности, придаёт им определенность, устойчивость, ограничивая их друг от друга. В противоположность форме материя представляет то вечное, из чего возникают все определенные вещи, но она сама по себе лишена любых свойств, она бесструктурна.

В своем познании определенности/неопределенности Аристотель сделал большой шаг вперед по сравнению со своими предшественниками: Анаксимандром и Платоном. В его высказываниях прослеживается основная гипотеза, касающаяся определенности/неопределенности, а именно то, что определенность и неопределенность отражают степень познания объекта. С этим невозможно не согласиться, однако он не всегда логичен и последователен в своих рассуждениях. С одной стороны, он утверждал, что материя всегда определена, но непознаваема, а с другой, что форма является причиной для материи и она определена, познаваема, действительна, идентифицируема, устойчива. Значит, в материи есть нечто, что возможно познать, поскольку форма у предметов познаваема.

Идея определенности / неопределенности как многие другие понятия, возникнув в некоторой области научного знания, после вхождения в научный аппарат, использовалась и изучалась в ограниченном научном пространстве, т. е. в области философии. Не случайно поэтому, что к определению её сущности обращались фактически все ученые-философы. Представление об определенности/неопределенности занимает особое место в философии Гегеля.

Теория, представляемая Гегелем в «Науке логики» основывается на рассмотрении самого абстрактного, пустого бытия, лишённого всякой определенности, которое именуется как чистое бытие. Это бытие не имеет в себе никакого содержания, в нем нет ни каких различий, и поэтому оно неопределенно. «Бытие есть неопределенное, непосредственное. Оно свободно от определенности по отношению к сущности, равно как ещё свободно от всякой определенности, которую оно может получить внутри самого себя. Это не имеющее рефлексии бытие есть бытие, как оно есть, непосредственно лишь в самом себе». В гносеологии бытие – неопределенно, что приводит к выводу о его бескачественности. Но бытию в себе принадлежит характер неопределенности лишь в противоположность к определенному и качественному. Бытию вообще противостоит определенное бытие как таковое. «Определенность как таковая принадлежит к бытию и качественному» [5, с. 36 – 66].

Становится очевидным, что то, что неопределенно – бескачественно, а то, что определено – обладает качеством. Иными словами, изменение качества способствует передвижению вещей, явлений от полюса неопределенности к полюсу определенности и наоборот.

Определенность и неопределенность противоположны, и только как противоположности они раскрывают своё истинное содержание. Определенность и неопределенность противопоставляются, но они взаимозависимы и не могут существовать друг без друга. Это как в диалоге «Федон» Сократ говорит о том, что из одной противоположности возникает другая, а из той первая. (Смерть – жизнь – смерть) [3, с. 139]. «Неопределенность противоположна определенности, она, стало быть, противоположное, сама есть нечто определенное, или, иначе говоря, отрицательное, и притом чистое, совершенно абстрактное отрицательное» [5, с. 88]. Но и определенность существует на базе неопределенности, возникает из неё, является её стороной. Так переход неопределенности в определенность совершается в результате движения, становления. Как противоположности определенности и неопределенности находятся в единстве, связаны взаимными переходами (неопределенность – определенность).

До середины 20 века характеристики определенный/неопределенный не связывались в одну парадигму, в одну категорию. Советские ученые П.И. Визир, А.Д. Урсул, изучив и обобщив весь философский опыт, пришли к выводу, что корреляты определенный/неопределенный – элементы одной категории, которые характеризуют одни и те же явления, состояния природы с противоположных позиций. Они утверждают, что для неопределенности характерны такие признаки как: 1) «отсутствие резких граней между свойствами и состояниями явлений природы», 2) «преобладание зависимости свойств, состояний явлений друг от друга над их относительной независимостью», 3) «проявление необходимости как возможности и случайности». Определён-

ность же обладает следующими признаками: «1) наличие резко выраженных граней между состояниями явлений природы, 2) относительная независимость свойств, состояний явлений друг от друга, 3) выражение необходимости через однозначность переходов возможности в действительность» [1].

Таким образом, мы понимаем, что в процессе познания объективной реальности человек выявляет в сущем определенные признаки (в данном случае определенности или неопределенности), на основе анализа сходств и различий в реальном мире он делает выводы о структуре мира, его составляющих, отношениях, и в сознании человека онтология отражается в виде определенной категоризации. Атрибуты «определенный» и «неопределенный» в реальном мире не представлены в виде противоположностей, мы вычленим их только в ходе приобретения знаний об объективном мире, в момент характеристики того или иного предмета, свойства, состояния.

Поскольку именно при помощи языка люди познают многообразие явлений действительности, то естественно предположить, что явления определенности/неопределенности нашли свое отражение в языке. Действительно, именно при помощи языка люди проводят границу между предметами и явлениями, которые известны, однозначно вычлениваются говорящим, и теми, которые неизвестны, случайны, новы.

В рамках лингвистической науки неопределенность и определенность рассматриваются либо как одна категория (категория детерминации, категория определенности/неопределенности) (М.И. Алехина, В. Гладков, В.В. Гуревич, Л.Н. Масленникова, И.И. Ревзин, О.Г. Ревзина, К.Х.Э. Федерико, А.Д. Шмелев), либо как две самостоятельные категории (категория определенности и категория неопределенности), имеющие особые способы выражения репрезентируемых значений (Н.Д. Арутюнова, О.Б. Акимова, М.И. Газдеева, Е.М. Галкина-Федорук, И.В. Вороновская, Е.П. Пустошило).

Мы придерживаемся той точки зрения, которая рассматривает неопределенность как составляющую детерминированности, наряду с определенностью. Все в мире вещей определено, действует и существует по конкретным законам. Вопрос о неопределенности ставится тогда, когда человек говорит о степени познания, известности, идентифицируемости объектов реальной действительности. То, что недостаточно познано индивидом, неизвестно для него, обретает дескрипцию нечто неопределенного. Но эта неопределенность существует до определенного момента, а именно до тех пор, пока предмет не перестанет быть недостижимым для человека. Мы не можем полностью разделить эти два понятия. Неопределенность не может рассматриваться без определенности. Это две составные части одного целого.

В лингвистике категория детерминации долгое время ассоциировалась с изучением артиклей и артиклевых языков, однако во 2-й половине 20 века предпринимаются попытки исследования определенности/неопределенности в рамках безартиклевых

языков, в частности, в русском языке (М.П. Алехина, Е.М. Вольф, А.Е. Елисеева, О.Н. Селиверстова, Е.В. Падучева). Определенность / неопределенность имеют существенные различия в структуре и функциональной семантике средств выражения, так, кроме артиклей, существуют и другие языковые средства, которые выражают разные степени определенности/неопределенности.

Все языковые средства выражения семантики определенности/неопределенности в английском языке можно условно разделить на 3 группы:

- фонетические средства;
- грамматические средства (морфологические и синтаксические);
- лексические средства.

К фонетическим средствам мы относим интонацию, темп речи, логическое ударение и растягивание звуков. Морфологические средства включают артикль, модальные глаголы, грамматические категории вида, времени, залога, наклонения. К синтаксическим средствам можно отнести порядок слов в предложении и определенные синтаксические конструкции, типа неопределенно-личных предложений с *one, you, we, they*. Лексическими средствами, способными выразить семантику определенности/неопределенности в английском языке являются местоимения, модальные слова, прилагательные, существительные, наречия с семантикой определенности или неопределенности, конструкции типа: *kind of, sort of, type of, more or less* и т.д.

«В английском языке категорией определенности/неопределенности фактически охватывается весь класс субстантивных выражений, поскольку даже те типы субстантивных выражений, которые не всегда включают детерминативы, относятся либо к определенным, либо к неопределенным» [6, с. 219].

Итак, категория детерминации – функционально-семантическая категория, имеющая полевую организацию, объединяющая разнопорядковые языковые средства. Функция средств выражения семантики определенности/неопределенности в рамках категории детерминации – актуализировать, детерминировать, идентифицировать единицу онтологии, демонстрируя её исключительность, независимость и единственность в рамках конкретной ситуации и выражая тем самым определенность, или отображая её относительную зависимость, отношение к классу однопорядковых, подобных ей предметов, явлений, сущностей – выражая неопределенность.

Таким образом, категория детерминации является универсальной категорией, тесно связанной с философской наукой, которая находит свое отражение в языке и реализуется в использовании разнообразных разноуровневых языковых средств. Дальнейшие перспективы исследования могут быть связаны с детальным изучением поля категории детерминации и тех языковых единиц, которые актуализируют значения определенности/неопределенности.

Библиографический список

1. Визир П.И., Урсул А.Д. *Диалектика определенности и неопределенности*. Кишинев: Штиница, 1976.
2. Аристотель. *Метафизика*. Ростов-на-Дону, 1999.
3. Платон. *Диалоги. Философы Греции*. Москва, 1999: 20 – 587.
4. Аристотель. *Этика. Политика*. Минск, 1998.
5. Гегель Г. Наука логики. Учение о бытии. Учение о сущности. *Собрание сочинений*: в 5 т. Москва, 1937; Том 5.
6. Блумфилд Л. *Язык*. Москва: Прогресс, 1968.

References

1. Vizir P.I., Ursul A.D. *Dialektika opredelennosti i neopredelennosti*. Kishinev: Shtinica, 1976.
2. Aristotel'. *Metafizika*. Rostov-na-Donu, 1999.
3. Platon. *Dialogi. Filosofii Grecii*. Moskva, 1999: 20 – 587.
4. Aristotel'. *Etika. Politika*. Minsk, 1998.
5. Gegel' G. Nauka logiki. Uchenie o bytii. Uchenie o suschnosti. *Sobranie sochinenij*: v 5 t. Moskva, 1937; Tom 5.
6. Blumfild L. *Yazyk*. Moskva: Progress, 1968.

Статья поступила в редакцию 28.07.15

УДК 81+811.112.2

Shpilnaya N.N., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, General and Russian Linguistics Department, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia), E-mail: venata85@mail.ru

METHODS OF PREVERBAL DIALOGIC TEXT ORGANIZATION (ON THE BASIS OF ONLINE COMMENTS TO NEWS ARTICLES). The study has been performed in line with derivational textology. The article analyzes the ways of preverbal organization of a dialogic text, defining the model of its verbal actualization. The criterion for selection of the ways of preverbal organization of

the dialogue text is predicative – paradigmatic or syntagmatic – the link of the key lexeme like derivator of text formation. The paper describes four ways preverbal organization of dialogic text: characterization, a statement of the existence (being), identification, communication. It is believed that characterization and a statement of the existence (being) actualize the syntagmatic potential of a key lexeme. The identification reflects of paradigmatic potency of a key lexeme. Syntagmatic-paradigmatic links of a key lexeme are up dated when communicates. Online comments to the news article are the material for the analysis.

Key words: dialogical text, preverbal stage of text forming, key lexeme, nomination, predication.

Н.Н. Шпиляная, канд. филол. наук, доц. каф. общего и русского языкознания, ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, E-mail: venata85@mail.ru

СПОСОБЫ ПРЕВЕРБАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ К НОВОСТНОЙ СТАТЬЕ)

Исследование выполнено в русле текстодериватологии. В статье анализируются способы превербальной организации диалогического текста, определяющие модель его вербальной актуализации. Критерием выделения способов превербальной организации диалогического текста служит предикативная – парадигматическая или синтагматическая – связь ключевой лексемы как дериватора текстообразования. В работе описаны четыре способа превербальной организации диалогического текста: характеристика, утверждение существования (бытия), идентификация и реляция. Полагается, что характеристика и утверждение существования (бытия) актуализируют синтагматический потенциал ключевой лексемы. Идентификация отражает парадигматические потенции ключевой лексемы. При реляции актуализируются синтагматико-парадигматические связи ключевой лексемы. Материалом для анализа являются интернет-комментарии к новостной статье.

Ключевые слова: диалогический текст, превербальный этап текстообразования, ключевая лексема, номинация, предикация

Исходные положения. Цель статьи – охарактеризовать способы превербальной организации диалогического текста, определяющие модель его вербальной актуализации. Проблема превербальной организации диалогического текста решается в работе в русле деривационной текстологии. В исследовании актуализируется тезис о суппозиционной связи лексемы и диалогического текста. Данный тезис подробно обоснован нами в [1–2].

Согласно развиваемой в статье концепции, на превербальном этапе производства диалогического текста актуализируются два механизма текстообразования: номинация и предикация. Полагаем, что процесс вербализации диалогического текста начинается с ключевой лексемой, представляющей собой его (текста) компрессионный вариант. «Будучи абстрактной единицей, – пишет Л.Н. Мурзин – номинация как бы несет в себе причину вовлечения в процесс текстообразования: она нуждается в интерпретации, которая осуществляется через текст» [3, с. 18]. Принципиален здесь следующий момент: лексема не отражается (не отображается), а интерпретируется языком-целью. А это значит, что она может претерпевать различные трансформации, к примеру, глагольная единица может входить в диалогический текст в виде отглагольного существительного и т.д.

Далее мы полагаем, что способ вербальной актуализации диалогического текста определяется предикативными – парадигматическими и синтагматическими – связями ключевой лексемы. При синтагматической сцепке ключевых лексем внешняя форма диалогического текста организуется по типу характеристики или утверждения существования (бытия), при парадигматической сцепке – по типу идентификации, а при парадигматико-синтагматической сцепке – по типу реляции. В таком случае характер внешнего согласования лексем как опорных точек будущего текста определяет ту или иную *вербальную* модель его актуализации.

О предикации как механизме текстообразования говорит Л.Н. Мурзин, полагающий, что формой, в которой по преимуществу протекает предикирование, является предложение [4, с. 23]. Предикативный характер связи лексемы и текста отмечает Ю.Н. Караулов, который на примере ассоциативных экспериментов доказывает, что ассоциативные реакции носителя языка, представленные, например, в Ассоциативном тезаурусе, представляют собой «фрагменты» текстов либо когда-то ими (носителями языка) порожденных, либо готовых развернуться применительно к данному стимулу [5]. Если внимание Ю.Н. Караулова сосредоточено преимущественно на описании отношений между стимулом и реакцией и специфике реакций носителей языка, то нас прежде всего интересует **механизм развертки** лексемы как свернутого текста-объекта и внутренней формы будущего текста – диалогического текста, рассматриваемого как **текст-цель**. Иными словами, нас интересует способ превербальной организации диалогического текста.

Синтагматические связи ключевой лексемы как дериватора текстообразования. Характеризация и утверждение существования (бытия) как варианты превербальной

организации диалогического текста. Наши наблюдения над языковым материалом показывают, что образование диалогического текста, опосредованное ключевой лексемой, может осуществляться по линии проявления её синтагматических связей. Специфика вербализации данной модели определяется тем, что в тексте-цели ключевая лексема может отсутствовать, однако в нем представлены лексические единицы, соотносимые с исходной по линии **синтагматической связи**.

Обратимся к анализу интернет-комментариев к новостной статье «Переходы в метро: голники вместо цветов», размещенной в сети Интернет по адресу <http://news.ngs.ru/more/1253828>. Содержание данной статьи может быть представлено следующим образом: *Губернатор Василий Юрченко распорядился очистить все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков в целях обеспечения безопасности жителей города от терроризма и хулиганства.*

При синтагматическом способе организации внешней формы диалогического текста наблюдаются следующие синтаксические схемы его развертки: *характеризация и утверждение существования*.

При **характеризации** ключевая лексема из текста-объекта детерминирует появление в тексте-цели оценочных лексем, соотносимых с термом типа *модус (способ действия)*.

Например:

FrekenBok

10 июля 2013 10:39

Это просто антинародно превращать Метро в неуютные безжизненные катакомбы, где не к кому обратиться за помощью если что – одни холодные стены...

Глагольная лексема текста-объекта *распорядился* в результате интерпретации – трансформации – приобретает статус лексемы *распоряжение (решение)*, которая вызывает появление оценочной лексемы *антинародно*, связанной с исходной предикативными отношениями. Ср.: *распоряжение антинародно*.

Или:

Надоели киоски! Гость

10 июля 2013 17:07

Давно пора! Торговля в метро – пережиток 90х!!! Я хочу ездить в метро, а нужные товары покупать в магазинах!!! Этож сколько нужно взятку одним только пожарным давать, что бы они закрывали глаза на торговлю в вестибюлях метро. Барак пора прекращать уже и вести дела цивилизованно.

Глагольная лексема из текста-объекта *очистить* и связанные с ней лексемы *все вестибюли новосибирского метрополитена от торговых киосков* детерминируют появление оценочной лексемы *давно пора!* Специфика создания данного диалогического текста определяется тем, что лексема текста-цели *давно пора* и сама вытягивает глагольную лексему в неопределенной форме.

При использовании синтагматической сцепки типа **утверждение существования (бытия)** ключевая лексема детерминирует появление в тексте-цели предиката существования (бытия).

Например:

111^{гость}

10 июл 2013 15: 03

А кто нибудь помнит в Новосибирске хоть один теракт????

Анализируемый диалогический текст создается за счет синтагматической развертки лексемы *теракт*, занимающей позицию актанта при предикате существования *помнит*. Как следствие, между двумя лексемами – лексемой текста-объекта и лексемой текста-цели – устанавливаются отношения утверждения существования (бытия), определяющие способ вербализации диалогического текста.

Или:

серёжа

10 июл 2013 10: 43

А чего это граждане критикуют действия властей, которые сами же и выбрали?

В данном тексте-цели актуализируются лексемы *действия властей*, занимающие позицию актанта при предикате существования *критикуют*. В результате между ключевыми лексемами осуществляется синтагматическая сцепка по линии утверждения существования (бытия).

Парадигматические связи ключевой лексемы как дериватора текстообразования. Идентификация как вариант превербальной организации диалогического текста. При идентификации ключевая лексема, интерпретируемая языком-целью, детерминирует появление лексемы (лексем), обеспечивающих тождество (в определенном смысле синонимии) лексем.

Ср.:

маруся^{гость}

10 июл 2013 01: 02

Ну, теперь, переходы превратятся в бесплатные туалеты...

В приведенном тексте лексема *переходы* в силу парадигматической потенции детерминирует появление словосочетания *бесплатные туалеты*, которое является синонимом к лексеме *переходы*.

Или:

Марина (гость)

10 июля 2013 17: 05

Будет как в ташкентском метро – ни рекламы, ни киосков. Только плакаты «Бдительность основа безопасности» повсюду и полицейские на каждом входе и выходе. Если несешь пакет – проверят два раза.

Как видим, данный текст является результатом реализации парадигматических сцепок ключевых лексем – *новосибирский метрополитен* и *ташкентское метро*, которые синонимизируют носителем языка.

Приведем еще один пример.

Vint11^{гость}

10 июл 2013 15: 03

Да вся бодяга заводится изза того что под площадью Маркса можно значительно дешевле купить китайский ширпотреб и сотовые телефоны, чем в разных торговых центрах на поверхности. На остальных станциях торговли по сравнению с маркса фактически нет. А террористы так, тема для разных махинаций и начала войн.

Библиографический список

1. Шпильная Н.Н. Лексема и текст (к вопросу о деривационной корреляции). *Проблемы истории, филологии, культурологии*. 2014; 3.
2. Шпильная Н.Н. *Деривационные основания русского диалогического текста*. Барнаул, 2015.
3. Мурзин, Л.Н. Текст – номинация – лексема. *Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности*. Пермь, 1988.
4. Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования. *Теоретические аспекты деривации*. Пермь, 1982.
5. Караулов Ю.Н. *Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть*. Москва, 1999.

References

1. Shpil'naya N.N. Leksema i tekst (k voprosu o derivacionnoj korrelyacii). *Problemy istorii, filologii, kul'turologii*. 2014; 3.
2. Shpil'naya N.N. *Derivatsionnye osnovaniya russkogo dialogicheskogo teksta*. Barnaul, 2015.
3. Murzin, L.N. Tekst – nominatsiya – leksema. *Leksicheskie aspekty v sisteme professional'no-orientirovannogo obucheniya inoyazychnoy rechevoj deyatel'nosti*. Perm', 1988.
4. Murzin L.N. O derivatsionnykh mekhanizmah tekstoobrazovaniya. *Teoreticheskie aspekty derivatsii*. Perm', 1982.
5. Karaulov Yu.N. *Aktivnaya grammatika i associativno-verbal'naya set'*. Moskva, 1999.

Данный диалогический текст создается в результате актуализации парадигматической связи лексемы *террористы*, которая детерминирует появление в нем «синонимичной» лексемы – *тема для махинаций*.

Парадигматико-синтагматические связи ключевой лексемы как дериватора текстообразования. Реляция как вариант превербальной организации диалогического текста. При реляции ключевая лексема детерминирует появление в тексте-цели лексических единиц, связанных с исходной одновременно парадигматическим и синтагматическим способом.

Рассмотрим примеры.

Максим^{гость}

10 июл 2013 11: 56

Мнения разделились. Пора референдум проводить по поводу разрешения, запрещения торговли в метро. Но в некоторых узких переходах киоски реально мешают, когда людей много идет, это факт. Если уж так много сторонников запрета, то хотя бы убрать киоски из узких мест. Оставить только там, где достаточно пространства для свободного прохода в часы пик.

Данный диалогический текст создается в результате актуализации синтагматических потенций ключевых лексем *очистить от торговых киосков* из текста-объекта, которые в результате интерпретации трансформируются, с одной стороны, в номинацию *убрать киоски*, вытягивающей актанта *локус – из узких мест*, а с другой стороны – в номинацию-антоним *оставить*, вытягивающей *локус – там, где достаточно пространства*.

Или:

зеленкина

10 июл 2013 09: 13

Мне ни холодно, ни жарко от этих киосков, просто удивительно: из метро киоски убирают «в целях безопасности», а на вокзале Новосибирск-Главный (внутри) наоборот торговый центр собирают оборудовать. Там меньше опасностей?

Анализируемый диалогический текст эксплицирует синтагматические потенции ключевой лексемы *новосибирского метрополитена* как актанта *из метро* при предикате *убирают*, вытягивающим актанта цели – *в целях безопасности*, и парадигматические связи, обнаруживаемые в ее способности вытянуть лексему-антоним – *вокзал (из метро – а на вокзале)* как актанта *на вокзале* при предикате *собирают оборудовать*, вытягивающим актанта цели – *там меньше опасностей?*. Здесь наблюдаются три парадигматические сцепки: *из метро – на вокзале, убирают – собирают оборудовать, в целях безопасности – а там меньше опасностей?*

Подводя итог, отметим, что развертка диалогического текста на этапе его вербализации осуществляется по линии актуализации предикативных – синтагматических, парадигматических или парадигматико-синтагматических – связей ключевой лексемы как первоэлемента его внешней формы. Синтагматические связи ключевой лексемы обуславливают организацию внешней формы диалогического текста по типу характеристики или утверждения существования (бытия), парадигматические связи – по типу идентификации, а парадигматико-синтагматические связи – по типу реляции. Таким образом, характер внешнего согласования лексем как опорных точек будущего текста определяет ту или иную модель его вербальной актуализации.

Статья поступила в редакцию 20.07.15